

Фрэнк Герберт

МЕССИЯ ДЕТИ
ЛЮНЫ · ЛЮНЫ

Вселенная Дюны

Фрэнк Герберт

**Мессия Дюны. Дети
Дюны (сборник)**

«АСТ»

1969, 1976

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Мессия Дюны. Дети Дюны (сборник) / Ф. Герберт — «АСТ»,
1969, 1976 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-089844-2

«Мессия Дюны» и «Дети Дюны» – вторая и третья книги культового сериала
Фрэнка Герберта.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-089844-2

© Герберт Ф., 1969, 1976

© АСТ, 1969, 1976

Содержание

Мессия Дюны	6
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Фрэнк Герберт

Мессия Дюны. Дети Дюны

Frank Herbert

Dune Messiah

Children of Dune

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Frank Herbert, 1969, 1976

© Перевод. Ю. Соколов, 2015

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Мессия Дюны

Пауль Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алиа окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пауль Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случавшиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие... она посвящается их наследникам, – всем нам.

(Посвящение к Изречениям Муад'Диб, скопированное с Мемориальных таблиц Культа Духа Махди)

Время правления Муад'Диб породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них противились иступленному сектантству. Но нельзя отрицать – человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Паулем Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит – в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах – в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах – тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах» – пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского... этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом – миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Диб наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией – сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадам. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Диб раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Диб покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом – эту планету чаще называют Дюной – позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей... ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории – вещество, что противодействует времени. Нет меланжи – и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над челове-

ческой психикой, над человеком. Нет меланжи – и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи – и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пауль Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Диб. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Диб. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы – трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Диб. И забывают, что этим гхолой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пауля.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Диб мученика и возложить вину за это на Чани – фрименку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Диб.

* * *

Между людьми и богами нет резкой грани: люди становятся богами, а боги превращаются в людей.

(«Афоризмы Муад'Диб»)

Затевая свой гибельный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диб на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного соперничества, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

– Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, – именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам – Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс – очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой оказии. Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попыхивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

– Если мы решимся идти этим путем, глупость погубит нас, – проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только *потенциальная* союзница. «Принцесса Ирулан, жена – *всего лишь официально*, – напомнил себе Скитале, – их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски. Держалась она с надменностью, как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям – к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? – раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдиера нервность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика... впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, припасено для меня?

– А вам, Скитале, разве нечего сказать? – удивилась Преподобная Мать.

– Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? – спросил Скитале. – Отлично. Мы имеем дело с мессией... потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

– Вы видите опасность лишь в этом? – требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Облик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

– Ну? – настаивала Преподобная Мать.

– Считайте, что молчание доставляло мне удовольствие, – произнес Скитале. – Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил возможности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима – он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

– Яд! – Слово это он произнес с обертонами, обозначающими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над головой Ирулан, послышался его голос:

– Но мы ведь говорим о *психическом* яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное уничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сузившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

– Немедленно прекратите! – резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

– И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, – начал Скитале, – что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стылые холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, – подумал Скитале. – Хорошо. Ирулан – дело другое...»

– Так вы с нами, Скитале, или же нет? – спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

– Дело не во мне и не в моем участии, – произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. – Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

– И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицеделом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, – подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею... и еще пьет ее», – подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно – Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение – привычный костыль навигатора.

– Похоже, я напрасно прилетела сюда, – произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища... посреди клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях – нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невесомость.

– Принцесса, – произнес Скитале, – Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

– Надеемся, – подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

– Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

– Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напряженным вниманием прошупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

– Нет, Преподобная Мать, – вкрадчиво сказал Скитале, – я не столь прост, как мое обличье.

– Мы не понимаем природы второго зрения, – произнесла Ирулан. – Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

– Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, – проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. – Я знаю, где они были... тут... там... где-нибудь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих друзей от других провидцев.

– Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, – отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

– Но всем понятно, что заговор может состояться только в моем присутствии, – настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов, Ирулан произнесла:

– Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что от навигатора много не получишь, подумал Скитале.

– Будущее можно изменить, – сказал он, – не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедела.

– Люди, преданные Паулю и разделяющие его цели, – проговорила она, – фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, что предстала перед судом, и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал странную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими бы подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

– А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, – заметил Эдрик.

– Кто же не знает этого? – возразила Ирулан.

– Вам хотелось бы основать новую династию, – продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. – Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

– Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? – отпарировала Ирулан.

– Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, – отрезал Эдрик.

– Но она никак не может родить ему наследника, – возразила Ирулан.

– Рассудок всегда покоряется эмоциям, – пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

– И она не принесет ему наследника, – с выверенным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, – потому что в пищу ей тайно подмешивают противозачаточное средство. В чем я еще должна признаться перед вами?

– Безусловно, Императору лучше не знать об этом, – улыбнувшись, промолвил Эдрик.

– Ну, для него у меня давно заготовлена вполне правдоподобная ложь, – произнесла Ирулан. – Хотя он и чувствует истину, но бывает такая ложь, которой даже ясновидец поверит легче, чем правде.

– Принцесса, вам приходится выбирать, – произнес Скитале, – и если вы поймете наши мотивы, вам станет спокойнее.

– Пауль справедлив ко мне, – отвечала она, – я заседаю в его совете.

– И все-таки за те двенадцать лет, что вы пробыли его консорт-принцессой, – ни крохи тепла... – снова кольнул Эдрик.

Ирулан затрясла головой.

– Он низверг с трона вашего отца руками своей пресловутой фрименской орды, заставил вас выйти за себя замуж – только чтобы закрепить за собой трон, – но так и не увенчал вас короной императрицы.

– Принцесса, Эдрик пытается поймать вас на эмоциях, – произнес Скитале, – не правда ли, интересно?

На круглой физиономии лицедела она заметила дерзкую улыбку и в ответ удивленно подняла брови. Теперь – Скитале был убежден в этом – принцесса вполне уверилась в том, что, если она поддастся на уговоры Эдрика, тот своей пророческой силой укроет ее от ясновидения Пауля. Однако стоит ей повременить с согласием...

– А вам не кажется, принцесса, что Эдрик стремится сыграть в заговоре уж слишком большую роль?

– Но я ведь говорил уже, что соглашусь с любой разумной точкой зрения, если таковые будут здесь высказаны.

– И кто же будет оценивать? – скептически осведомился Скитале.

– Не хотите же вы, чтобы принцесса улетела обратно, так и не присоединившись к нам, – буркнул Эдрик.

– Он хочет, чтобы ее присоединение к нам было искренним, – проворчала Преподобная Мать. – И в наших взаимоотношениях нам следовало бы воздержаться от интриг.

Ирулан, заметил Скитале, приняла внешне расслабленную, удобную для размышления позу, убрала руки в рукава платья. Наверняка обдумывает предложенную Эриком приманку: стать основательницей династии. К тому же следует поразмыслить над тем, как заговорщики собираются обезопасить себя от нее. Ирулан предстоит взвесить многое.

– Скитале, – наконец проговорила Ирулан, – говорят, что у вас, тлейлаксу, странный кодекс чести: вы всегда оставляете своим жертвам возможность спастись.

– Да, если только они сумеют ее обнаружить, – согласился Скитале.

– А я тоже жертва? – спросила Ирулан.

Скитале коротко хохотнул.

Преподобная Мать фыркнула.

– Принцесса, – негромко, доверительным тоном, сказал Скитале, – но вы и так уже с нами. Разве это не вы доносите старшим сестрам Ордена обо всем происходящем в Императорском дворце?

– Паулю известно, что я переписываюсь со своими учителями, – отвечала она.

– Но разве не вы поставляете им материалы для пропаганды против вашего Императора? – произнес Эдрик.

Не «нашего», подумал Скитале, – «вашего» Императора. Ирулан слишком опытная гессеритка, чтобы не заметить подобной оговорки.

– Все дело в существующих силах и в их приложении, – проговорил Скитале, пододвигаясь поближе к емкости, где плавал гильдиец. – Мы, тлейлаксу, уверены, что во всей Вселенной есть только ненасытная алчущая материя, а энергия – единственное, на что можно положиться.

И она обучается. Вы слышали мои слова, принцесса: энергия обучается. Это мы и называем силой.

– Но вы не убедили меня в том, что мы сумеем победить Императора.

– Мы даже и себя самих не убедили в этом, – отвечал Скитале.

– Куда ни посмотришь, – отвечала Ирулан, – всюду сила его противостоит нам. Он – Квисатц Хадерах, тот, кто присутствует одновременно во многих местах. Он – Махди, и его желания превращаются в закон для послушных миссионеров Квизарата. Он – ментат, чьи возможности превосходят величайшие достижения древних компьютеров. Он – Муад’Диб, по одному слову которого легионы фрименов вырезают население целых планет. Он – пророк, перед которым открыто грядущее. Он – обладатель того уникального набора генов, в котором так нуждается Бене Гессерит...

– Все эти его атрибуты мы знаем, – перебила ее Преподобная Мать, – знаем еще, что таким же набором генов обладает и его отвратительная сестрица Алиа. Но оба они все-таки люди. А это значит, что у них есть слабости.

– Каковы же человеческие слабости Императора и пророка? – спросил лицедель. – Не таятся ли они в религиозной сути джихада? Можно ли обратить против Императора его Квизарат? И прочна ли гражданская власть Великих Домов? Способен ли конгресс Ландсраада на большее чем пустой шум?

– Вспомните о Картеле негодяев и перевозчиков товаров, – произнес Эдрик, поворачиваясь в баке. – КООАМ – это бизнес, а бизнес там, где выгода.

– Не следует забывать и о матери Императора, – напомнил Скитале. – Насколько мне известно, леди Джессика не отлучается с Каладана, но часто сносится со своим сыном.

– Предательница, – ровным голосом произнесла Мохийам, – если бы только можно было отказаться от этих рук, которыми я выпестовала ее...

– Наш заговор предъявляет к участникам строгие требования, – сказал Скитале.

– Ну, все мы больше чем заговорщики, – возразила Преподобная Мать.

– О да, – согласился Скитале. – Еще бы, мы полны энергии и учимся на ходу. Это делает нас единственной надеждой человечества, его спасителями, – проговорил он в тоне абсолютной убежденности, что в устах тлейлаксу являлось предельной насмешкой.

Только одна Преподобная Мать оценила языковую тонкость.

– Почему же? – спросила она, обращаясь к Скитале.

Прежде чем лицедель успел ответить, Эдрик прочистил горло и произнес:

– Зачем заниматься сейчас философской чепухой? Любой вопрос, если достаточно долго докапываться до сути, сводится к одному и тому же: «Почему это происходит?» Политика, религия и торговля сходятся в конце концов к одному: в чьих руках сила. Альянсы, картели, союзы лишь гонятся за миражами, пока речь не идет о власти. Все прочее – ерунда, как должно быть ясно любому мыслящему существу.

Скитале пожал плечами: жест предназначался одной Преподобной Матери. На вопрос ответил Эдрик. Похоже, напыщенный дурак гильдиец – слабое звено в заговоре. Чтобы убедиться, что Преподобная Мать понимает это, Скитале проговорил:

– Внимательно слушая учителя, приобретаешь познания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

– Принцесса, – с нажимом сказал Эдрик. – Выбирайте. Судьба назначила вас своим оружием, тончайшим и...

– Приберегите свою лесть для тех, на кого она сможет подействовать, – ответила Ирулан. – Вы упоминали психическую отраву, призрак которой сокрушит Императора. Объясните.

– Атрейдез победит сам себя! – прокаркал Эдрик.

– Хватит загадок, – отрезала Ирулан. – Что еще за призрак?

– Для призрака у него весьма необычный облик, – ответил Эдрик, – он обладает именем и плотью. Тело его некогда принадлежало знаменитому воину и откликалось на имя Дункан Айдахо. Теперь же его...

– Айдахо мертв, – отвечала Ирулан. – Пауль часто горевал по нему в моем присутствии. Он сам видел, как сардаукары моего отца сразили Айдахо...

– Даже терпя неудачи, – возразил Эдрик, – сардаукары вашего отца не теряли головы. Представим себе, что один из их командиров узнал погибшего и потому поступил мудро. Что он мог сделать? Есть способы использования тел, обладающих такими воинскими умениями, если только действовать быстро.

– Значит, это гхола тлейлаксу, – прошептала Ирулан, искоса поглядев на Скитале.

Почувствовав на себе ее взгляд, Скитале обратился к своему искусству лицедела – очертания лица и фигуры его вдруг расплылись, плоть потекла, принимая новый облик. Перед принцессой вдруг оказался худощавый мужчина, круглолицый, со слегка приплюснутыми чертами лица. Высокие скулы словно подпирали слегка раскосые глаза, черные волосы были взъерошены.

– Таков облик этого гхолы, – пояснил всем Эдрик, показывая на Скитале.

– То есть он – просто еще один лицедел? – спросила Ирулан.

– Подобное лицеделам не по силам – они не могут длительно сохранять принятый облик. Нет, предположим лучше, что наш сообразительный командир сардаукаров подготовил труп Айдахо для аксолотль-баков. Разве это нецелесообразно? Ведь эти плоть и нервы принадлежали одному из лучших фехтовальщиков в истории человечества, советнику Атрейдесов и военному гению. Не правда ли – потеря, ведь все это можно сохранить и использовать, если воссоздать Айдахо в качестве инструктора сардаукаров.

– Но я ничего не слышала об этом, а ведь я была среди тех, кому отец доверял.

– Ах-хх... тогда принцесса была молода, и отец ее, потерпев поражение, буквально через несколько часов продал свою дочь победителю – вами пришлось расплатиться с новым Императором, – произнес Эдрик.

– Это – с телом – и впрямь было сделано? – резко спросила она.

С мерзким самодовольством Эдрик продолжал:

– Предположим далее, что наш мудрый командир сардаукаров, понимая необходимость спешить, немедленно отослал Бене Тлейлаксу сохраненное тело Айдахо. Далее предположим, что и командир, и его люди погибли прежде, чем успели доложить обо всем вашему отцу, который все равно не смог бы этим воспользоваться. И факт остался незамеченным, ведь труп Айдахо – только плоть, оказавшаяся в руках тлейлаксу. Переправить же его можно было только на лайнере. А мы, гильдийцы, всегда знаем, что перевозят на наших кораблях. И раз мы узнали об этом, разве не следовало и нам проявлять мудрость – приобрести этого гхолу для подарка Императору?

– Вы, конечно, так и поступили, – утвердительно тоном сказала Ирулан.

Скитале вновь принял вид простодушного толстяка и добавил:

– Да, мы поступили так, как сообщил сейчас наш старинный друг.

– Какой психологической обработке был подвергнут Айдахо? – спросила Ирулан.

– Айдахо? – переспросил Эдрик, поглядев на тлейлаксу. – Скитале, разве мы покупали у вас Айдахо?

– Мы продали вам существо по имени Хейт, – ответил Скитале.

– Действительно, Хейт, – подтвердил Эдрик. – А почему вы его продали нам?

– Потому что однажды нам случилось вырастить своего собственного Квисатц Хадера, – проговорил Скитале.

Быстро повернув голову, Преподобная Мать укоризненно поглядела на него.

– Вы не говорили нам об этом.

– А вы и не спрашивали, – отвечал Скитале.
– И как вы одолели этого вашего Квисатц Хадераха? – спросила Ирулан.
– Существо, затратившее всю жизнь, чтобы воплотить собственное представление о себе, скорее предпочтет умереть, чем превратиться в собственную противоположность.
– Я не понимаю... – начал Эдрик.
– Он покончил с собой, – буркнула Преподобная.
– Внимательнее слушайте меня, Преподобная, – предупредил Скитале, воспользовавшись интонацией, гласящей: ты не объект для секса, никогда не была объектом для секса, не можешь быть объектом для секса.

Тлейлаксу ожидал реакции на вызывающий тон. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев не должен помешать ей понять, что, зная отношение Сестер к продолжению рода человеческого и его генетике, тлейлаксу, конечно же, не мог сделать подобного выпада. Однако дерзость его отдавала площадной бранью, что вовсе не свойственно тлейлаксу.

Поспешно используя успокоительные возможности мирабхаса, Эдрик попытался сгладить ситуацию:

– Скитале, вы ведь говорили нам, что продали Хейта только потому, что разделяли наши намерения.

– Эдрик, помолчите, пока я не разрешу вам говорить, – сказал Скитале. А когда гильдиец начал было протестовать, Преподобная Мать отрезала:

– Заткнитесь, Эдрик!

Эдрик отодвинулся в глубь емкости, нервно дергая конечностями.

– Никакие наши преходящие эмоции не имеют даже малейшего отношения к решению насущной проблемы, – произнес Скитале, – они только мешают мыслить. Что можем испытывать мы, кроме страха, который, собственно, и заставил нас собраться?

– Мы понимаем это, – отвечала Ирулан, оглядываясь на Преподобную Мать.

– И все мы должны понимать опасность, связанную с ограниченностью нашей защиты, – проговорил Скитале. – Оракул не может предотвратить того, что выше его понимания.

– А вы предусмотрительны, Скитале, – произнесла Ирулан.

Нельзя, чтобы она догадалась, насколько предусмотрителен... подумал Скитале. Потом, когда все закончится, в нашем распоряжении окажется Квисатц Хадерах, которого можно будет контролировать. Все прочие ничего не получают.

– Откуда же у вас взялся Квисатц Хадерах? – спросила Преподобная Мать.

– Мы экспериментировали с разнообразными чистыми субстанциями, – отвечал Скитале. – С абсолютным добром и злом. Полный негодяй, получающий наслаждение только от причиняемой им людям боли и ужаса, может послужить любопытным объектом для познания.

– А ваши тлейлаксу случайно не поработали над старым бароном Харконненом, дедом Императора? – спросила Ирулан.

– Мы тут ни при чем, – отрезал Скитале. – Просто творения самой природы зачастую не менее смертоносны, чем наши. Собственные произведения мы помещаем в условия, в которых их удобно изучать.

– Я не позволю третировать себя! – запротестовал Эдрик. – Разве не я защищаю это собрание от...

– Видите? – перебил его Скитале. – И это его верные суждения нас укрывают? Хотелось бы знать, какие...

– Я хочу немедленно обсудить способ передачи Хейта Императору, – настаивал Эдрик. – На мой взгляд, Хейт является воплощением старого морального кодекса, который Атрейдеус усвоил еще в юности на своей родной планете. Можно предположить, что Хейт позволит Императору расширить свой взгляд на мораль, очертить и положительные, и отрицательные моменты в религии и жизни.

Скитале улыбнулся, окинув компаньонов благодушным взглядом. Все шло в соответствии с его ожиданиями. Старуха Преподобная орудовала эмоциями, как ятаганом. Ирулан идеально подходила для своей несостоявшейся роли – неудачливая креатура Бене Гессерит. Эдрик – всего лишь шапка-невидимка, не более: он только скрывает собравшихся от Императора. Теперь навигатор лишь угрюмо молчал в ответ на общее невнимание.

– Так, значит, этот Хейт должен отравить психику Пауля? – спросила Ирулан.

– Примерно так, – ответил Скитале.

– А Квизарат?

– Легкий перенос удара, наплыв эмоций – и зависть превращается во вражду.

– А КООАМ?

– Будут кругленькие дивиденды.

– А для прочих группировок?

– Одна из них получит название правительства, – ответил Скитале. – Слабейшие будут аннексированы во имя морали и прогресса. Оппозиция умрет в собственных сетях.

– И Алиа?

– Гхола Хейт нацелен не только на Императора, – произнес Скитале, – сестра его теперь как раз в том самом возрасте, когда ее может увлечь обаятельный мужчина, специально для этого подготовленный. Мужество воина и разум ментата будут неотразимы для Алии.

Мохийам позволила себе приоткрыть древние глаза в знак изумления.

– Гхола-ментат? Это опасно!

– Чтобы получить точные результаты, ментат должен использовать безукоризненные исходные данные. А что, если Пауль попросит у гхолы объяснений... что скажет Хейт о цели нашего дара? – произнесла Ирулан.

– Хейт будет говорить правду, – сказал Скитале, – это все равно ничего не изменит.

– То есть вы оставляете Паулю лазейку для спасения? – спросила Ирулан.

– Ментат! – пробормотала Мохийам.

Скитале глядел на Преподобную Мать, ощущая таящуюся под всеми эмоциями древнюю ненависть. Со времен Джихада Слуг, который стер думающие машины с лица Вселенной, компьютеры пользовались недоверием. Издревле подобное отношение переносилось и на компьютеры в человеческом облике.

– Мне не нравится, как ты улыбаешься, – резко произнесла с интонацией предельной откровенности Мохийам, яростно глядя на Скитале.

Скитале ответил в той же манере:

– Мне дела нет до того, что приятно вам. Но мы вынуждены сотрудничать. Это очевидно. – Он поглядел на гильдийца. – Разве не так, Эдрик?

– Ты преподаешь болезненные уроки, – отвечал Эдрик. – Должно быть, ты хотел дать всем понять, что я не стану восставать против общего мнения моих собратьев по заговору.

– Ну, видите, оказывается, его можно научить, – произнес Скитале.

– Но я понимаю и еще кое-что, – проворчал Эдрик. – Атрейдес монопольно владеет Пряностью. Без нее я не могу заглянуть в будущее. И Бене Гессерит не сумеют отличить правду от лжи. У всех есть запасы, но они тают... Меланжа – драгоценнейшая из монет.

– Ну, у нашей цивилизации она не единственная, – отвечал Скитале. – Или закон спроса и предложения перестал работать?

– Ты собираешься украсть эту тайну, – прохрипела Мохийам. – А ведь в его распоряжении планета, охраняемая обезумевшими фрименами!

– Фримены дисциплинированы, вымуштрованы и невежественны, – отвечал Скитале. – Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знание опасно.

– Ну а мне-то что останется? Смогу я дать начало новой династии? – спросила Ирулан.

В ее голосе все слышали согласие, но только Эдрик позволил себе улыбнуться.

– Что-нибудь да останется, – ответил Скитале. – Что-нибудь.

– Правлению Атрейдесов придет конец, – бросил Эдрик.

– Не могу не отметить, что ваше предсказание сделано лицом, куда менее одаренным пророческими способностями, чем Император, – произнес Скитале. – У них с сестрой, как говорят фримены, «мектуб ал-миллах».

– «Слова начертаны солью», – перевела Ирулан.

И при звуках ее голоса Скитале понял, какую западню Бене Гессерит уготовили ему – прекрасную и умную женщину, которой он никогда не сможет обладать. *Ну, что же, подумал он. Быть может, я когда-нибудь сниму с нее копию...*

* * *

Каждой цивилизации приходится противодействовать лишенной рассудка силе, способной противиться любому сознательному намерению общества, восстать против него и обмануть.

(Теорема тлейлаксу; не доказанная)

Сев на кровати, Пауль принялся расстегивать Пустынные сапоги. Они припахивали затхлой смазкой, облегчавшей действие пяточных насосов. Было уже поздно. Этой ночью он затащил прогулку и обеспокоил любящих его. По общему мнению, ночные гуляния были опасны, но с подобными опасностями справиться было легко. Пауля ночные скитания инкогнито по улицам Арракина развлекали.

Он забросил сапоги в угол под единственный в комнате плавающий светильник и принялся за уплотнения дистикомба. Боги внизу, как он устал! Усталость сковывала мышцы, но только не ум. Повседневная суэта за стенами цитадели наполняла его глубочайшей завистью. Что в этом безликом копошении жизни может заинтересовать Императора, но... сама возможность пройтись по улицам города, не привлекая ничего внимания, казалась теперь ему подлинной привилегией. Проходить мимо галдящих паломников, слышать, как фримен костерит продавца: «У тебя потные руки!...»

Улыбнувшись воспоминанию, Пауль выскользнул из дистикомба. Оставшись нагим, он ощущал странное родство со своим миром. Дюна теперь стала олицетворенным парадоксом: миром осажденным и одновременно средоточием власти. Впрочем, вечная осада, рассудил Пауль, – неизбежная участь любой власти. Он глядел на зеленый ковер, грубая шерсть колола ступни.

Улицы по щиколотку засыпал песком ветер, задувавший поверх Барьерной Стены. Ноги идущих толкли песок в мелкую пыль, забивавшую фильтры дистикомба. Запах ее чувствовался даже теперь, после вентиляторов, сдувавших пыль с входящих в порталы его цитадели. Кремнистый запах навевал воспоминания о Пустыне.

Другие времена... другие опасности.

Если сравнить с прежними днями, нынешние ночные прогулки его были вполне безопасными, но вместе с дистикомбом он словно облачался в самую Пустыню. Костюм этот со всеми хитроумными устройствами для сохранения влаги до тонкостей контролировал его мысли, возвращал движениям Пустынный ритм, точнее, отсутствие ритма. Пауль ощущал себя вольным фрименом. В этом костюме он становился чужаком в собственном городе. Надев его, Пауль отказывался от безопасности дворца и брал на вооружение прежние привычки и мастерство бойца. Паломники и горожане, проходя мимо, опускали глаза: «диких» не задевали из чистого благоразумия. Если у Пустыни было лицо, то для горожан это было лицо фримена, скрытое за лицевым и носовым фильтрами.

На самом же деле опасаться приходилось лишь встречи с теми, кто еще по старым временам, с дней, когда он сам жил в сietetче, может узнать его по походке, по запаху тела или по глазам. Так что вероятность встретить врага была невелика.

Шелест дверных занавесей и внезапный луч света прервали его размышления. Вошла Чани, в руках ее был кофейный сервиз на платиновом блюде. За ней услужливо следовали два плавающих шара-светильника, они сразу же метнулись на положенные места: один в изголовье их постели, другой повис над головой Чани, чтобы освещать ей работу.

В движениях Чани ощущалась неподвластная возрасту сила, хрупкая, замкнутая в себе и ранимая.хлопоты ее над кофейным сервизом напомнили Паулю первые дни их совместной жизни. Смуглый эльф, которого пощадили годы... если, конечно, не обращать внимания на уголки лишенных белков глаз: такие морщинки фримены Пустыни именовали «следами песчинок».

Едва она приподняла крышку кофейника за ручку, выточенную из хагарского изумруда, как оттуда вырвалось облако пара. Кофе еще не был готов, он понял это по движению, которым она опустила крышку. Серебряный кофейник – округлая фигурка беременной женщины – достался Паулю как гханима, трофей. Когда он сразил его обладателя в поединке. Джамис – так его звали... Да, Джамис. Странное бессмертие заслужил этот фримен своей смертью. Или же он понимал, что смерть неизбежна, и стремился именно к такому концу?..

Чани расставила чашки синего фарфора, прислужгой рассевишиеся вокруг величественного кофейника. Их было три: для них обоих, а третья – всем прежним владельцам.

– Вот-вот заварится, – произнесла она.

Чани подняла на него глаза, и Пауль вдруг подумал: каким-то он видится ей? Не останется ли он по-прежнему экзотическим чужаком?

...Пусть тело его жилисто, как и положено жителям Пустыни, но все-таки воды в нем больше, чем подобает фримену. Был ли он еще для нее тем Усулом – так его назвало племя, – который взял ее по законам фрименского тау, пока они еще скрывались в Пустыне?

Пауль посмотрел на свое тело: твердые мышцы, ни жиринки... прибавилось несколько шрамов – в общем, таким он и был двенадцать лет назад, когда стал Императором. Глянув в стоящее на полке зеркало, он увидел себя – «глаза Ибада», синие-на-синем глаза фримена, знак привыкания к Пряности, и крючковатый фамильный нос Атрейдесов. Истинный внучек родного деда, погибшего на арене для развлечения подданных.

Паулю припомнилась одна из фраз старика: «Правитель, как и пастух, полностью отвечает за покорившихся ему. Когда-нибудь от него потребуются жест, выражающий самозабвенную любовь к своему стаду. Даже если он только насмешит весь народ».

Люди до сих пор с теплым чувством вспоминали о нем.

А чем я прославил имя Атрейдесов? – спросил себя Пауль. *Напустил на овцу волка?*

На миг ему представился весь разгул кровавого насилия, творящегося его именем.

– И живо в постель! – властно скомандовала Чани абсолютно невыносимым, с точки зрения его верноподданных, тоном, доведись им услышать эти слова.

Он покорно растянулся на спине, подложив руки под голову, замороженный привычными движениями Чани.

Его вдруг поразила сама их комната. Подданные никогда не признали бы в ней Императорскую опочивальню. Желтый свет колеблющихся в силовом поле светильников шевелил тени разноцветных стеклянных кувшинов, расставленных Чани на полке. Пауль молча припоминал их содержимое: сухие ингредиенты Пустынных лекарств, мази, благовония, памятные, священные для них мелочи: щепотка песка из сietetча Табр, локон их первенца, погибшего так давно... уже двенадцать лет назад. Невинная жертва, подвернувшаяся под руку убийцам в битве, сделавшей его Императором.

Густой аромат кофе с Пряностью поплыл по комнате. Пауль глубоко вдохнул, взгляд его упал на желтую чашу, стоявшую возле подноса, на котором Чани заваривала кофе. В ней были земляные орешки. Неизбежный ядоискатель водил над столом своими суставчатыми лапками. Вид аппарата пробудил в нем раздражение. Тогда, в Пустыне, фримены прекрасно обходились без него!

– Кофе готов! – воскликнула Чани. – Ты голоден?

Сердитое отрицание утонуло в визге лихтера, уносящего Пряность в космос с недалекого Арракинского космодрома.

Чани видела, что он сердится, но все же разлила кофе и поставила чашку возле его руки. Она уселась в ногах постели, откинула покрывало и принялась растирать его ступни, утомленные ходьбой в дистикомбе. Негромко, с обманчивой непринужденностью, она начала:

– А теперь поговорим о ребенке, которого добивается Ирулан.

Глаза Пауля широко открылись. Он внимательно поглядел на Чани.

– Ирулан вернулась с Валлаха только два дня назад, – сказал он. – И уже успела у тебя побывать?

– Мы разговаривали не об ее обидах, – ответила Чани.

В мгновенной вспышке, способом Бене Гессерит, которому мать научила его, пренебрегая запретами Ордена, Пауль заставил свой разум обследовать Чани. Он не любил применять эти методы. Причина его привязанности к Чани частично крылась и в этом: ему редко приходилось в отношениях с ней прибегать к этому утомительному искусству. В соответствии с правилами хорошего тона, принятыми среди фрименов, Чани всегда избегала нескромных вопросов. Ее интересовали практические предметы. Например, факты, касающиеся положения ее мужчины: надежна ли опора в совете, лояльны ли его легионы, на что способны союзники и чего от них ожидать. В памяти ее укладывались длиннейшие перечни имен и сложно переплетенных подробностей. Она могла мгновенно назвать главную слабость любого известного ей врага, возможные действия всех известных противников, боевые планы их предводителей, оснащение и производительность основных отраслей промышленности.

Так почему же, подумал Пауль, она завела разговор про Ирулан?

– Я расстроила тебя, – сказала Чани, – я не хотела.

– А чего ты хотела?

Она застенчиво улыбнулась и проговорила:

– Когда сердишься, милый, не скрывай этого.

Пауль вновь привалился к деревянному изголовью.

– Так ты считаешь, что мне следует удалить ее от себя? – спросил он. – Теперь от нее немного пользы. И мне вовсе не нравится все, что кроется за этими поездками к Сестрам.

– Ее нельзя удалять, – ответила Чани, продолжая растирать его ноги, и деловито добавила: – Ты столько раз говорил, что она позволяет тебе поддерживать контакт с врагами, что их планы ты читаешь по ее поступкам.

– Откуда твоя заинтересованность в ее желании забеременеть?

– Если подобное произойдет, планы врагов расстроятся, и сама Ирулан окажется в неловком положении.

По прикосновению ее рук он почувствовал, чего стоят ей эти советы. В горле набух комок. Он тихо сказал:

– Чани, родная, я поклялся тебе, что не взойду на ее ложе. Ребенок даст ей слишком много власти. Или ты добиваешься, чтобы она сместила тебя?

– Откуда? У меня нет места!

– Да нет же, Сихайя, весна моя Пустынная. Откуда эта внезапная забота об Ирулан?

– Забота моя о тебе, не о ней! Если она понесет потомка Атрейдесов, сообщники усомнятся в ее искренности. Чем менее наши враги будут доверять ей, тем меньше пользы им от нее будет.

– Рождение ее ребенка может означать твою смерть, – возразил Пауль. – Сама знаешь все эти интриги. – Он обвел рукой утонувшую в недрах цитадели комнату.

– У тебя должен быть наследник, – глухо произнесла она.

– Ах-х!.. – протянул он.

Так вот оно что: раз у Чани нет детей, следует привлечь другую женщину. Почему бы тогда не Ирулан? Вот и весь ход размышлений Чани. Но все должно совершиться в результате акта любви, на всякие искусственные методы в империи наложено было строжайшее табу. Решение Чани – решение истинной фрименки.

Пауль по-новому увидел ее лицо. Он и так знал черты Чани лучше, чем свои собственные. Он видел ее и горящей страстью, и в покое сна, знал в гневе, в страхе, в горе.

Он закрыл глаза, и Чани вновь представилась ему девушкой – весна пробуждающаяся, ручейком журчащая возле него. Вдруг припомнившееся обаяние ее юности заворожило его. Ему предвиделась эта улыбка – сперва застенчивая, а потом тревожная, – словно она старалась вырваться из его видения.

Рот Пауля вдруг пересох. На миг ноздрей его коснулся дым пожарища, что ждет впереди. Внутренний голос из какого-то другого видения все твердил ему: *освободись... освободись... освободись...* Слишком долго подсматривал ты тайны вечности, внимал голосам камней и чужой плоти. С того самого дня, когда Пауль впервые ощутил собственное ужасное предназначение, он вглядывался в будущее, искал в нем мирный уголок для себя.

Такой путь существовал, конечно... Он был уверен в этом, хоть и не понимал его сути – загадочное будущее, недвусмысленно требовавшее от него одного: *освободись, освободись, освободись!*

Открыв глаза, Пауль увидел перед собой решительное лицо Чани. Она перестала растирать ему ноги и застыла неподвижно – истинная фрименка. Родное лицо под синей косынкой нежони, она часто носила ее в их личных покоях. Теперь оно воплощало решительность, древние мысли... чуждые мысли. Тысячелетиями фрименские женщины привыкали делить своего мужчину с другими – пусть не всегда мирно, но по крайней мере без губительных последствий. Сейчас этот таинственный фрименский процесс происходил в Чани.

– Истинного и желанного мне наследника родишь ты, – ответил он.

– Ты это *видел*? – спросила она, явно подразумевая его провидческие способности.

И уже далеко не в первый раз Пауль задумался: как же наконец объяснить ей все тонкости пророчества – бесчисленность линий судеб, что сплетались в сплошную ткань перед его умственным взором. Он вздохнул, вспомнив вдруг, как когда-то пригоршнями черпал воду из речки, как утекала она между пальцев. Пауль еще помнил ощущение воды на своем лице. Но разве можно умыться в водах времени, взбаламученных сонмом пророков?

– Значит, ты *не видел* этого, – уверенно заключила Чани.

Будущее он теперь мог увидеть лишь напрягая душу и тело до истощения, безвозвратно растрачивая жизненные силы, и ничего, кроме горя, оно теперь не сулило. Пауль знал, что снова попал сейчас между двух гребней – во впадину между волнами, терзавшую разум и томившую чувства.

Укрыв его ноги, Чани произнесла:

– Наследника Дома Атрейдес нельзя доверять случаю... нельзя полагаться на единственную женщину.

«Так могла бы сказать моя мать, – подумал Пауль. – Или леди Джессика тайно поддерживает связь с Чани? Она всегда в первую очередь думает о Доме Атрейдес. Так воспитали

ее сестры Бене Гессерит, и мать не может отказаться от этого даже теперь, когда все ее силы обращены против Ордена».

– Так, значит, ты подслушивала наш разговор с Ирулан, – обвиняющим тоном проговорил он.

– Да, я подслушивала, – согласилась она, глядя в сторону.

Пауль припомнил встречу с Ирулан. Он только вошел в семейную гостиную и успел заметить неоконченную работу на ткацком станке Чани. В помещении кисло воняло червем, зловещий запах скрывал вездесущий коричневый аромат меланжи. Кто-то пролил здесь непреобразованную меланжевую эссенцию на коврик, пропитанный меланжей. Вещества эти несовместимы, и эссенция разъела ковер. Только маслянистые пятна отмечали на пластмелде место, где он недавно лежал. Пауль уже собирался послать за кем-нибудь из женщин, чтобы прибрались, но в этот момент Хара, жена Стилгара и ближайшая подруга Чани, скользнула внутрь и сообщила... о приходе Ирулан.

Разговор пришлось вести в этом зловонии, и он все не мог отделаться от нехорошего чувства. Фрименская примета сулила беду: дурной запах – жди несчастья.

Впустив Ирулан, Хара вышла.

– Здравствуй, – произнес Пауль.

На Ирулан было платье, отороченное серым китовым мехом. Она расправила его, провела ладонью по волосам. Пауль видел, что Ирулан удивлена его мягким тоном. Заранее приготовленные гневные слова следовало заменять на ходу.

– Ты пришла сообщить мне, что Сестры потеряли последние представления о нравственности? – произнес он.

– Подобные словесные забавы небезопасны, – бросила она.

– Опасность и забавы трудно совместимы, – усмехнулся он. Сокровенные его знания, полученные от Бене Гессерит, говорили: она охотно бы не приходила к нему. Пауль заметил на миг отразившийся на ее лице страх и понял: Ирулан пришлось взяться за дело вопреки ее собственному желанию.

– И они все время требуют слишком много от принцессы Императорского Дома.

Ирулан замерла в неподвижности, и Пауль отметил, что она подчинила свои чувства безжалостному контролю воли. Тяжелый груз, подумал он и удивился, обнаружив, что его предвидение ничего не говорило ему о возможности такого будущего.

Ирулан медленно расслабилась. *Нельзя поддаваться страху, нельзя отступать*, решила она.

– Ты все время заказываешь одну и ту же погоду, – сказала она, обхватив себя руками и поежившись. – Сухо, сегодня была песчаная буря. Неужели ты не разрешишь нам дождя?

– Ты пришла сюда не для речей о погоде, – ответил Пауль. Он почувствовал себя утопающим в двусмысленности сказанного. Не пытается ли Ирулан намекнуть о чем-то таком, о чем ее воспитание запрещает говорить открыто? Похоже, так и есть. Пауль ощутил себя лишенным опоры: нужно немедленно выбираться на твердую почву.

– Я хочу ребенка, – объявила она.

Он отрицательно качнул головой.

– У меня своя жизнь! – резко произнесла Ирулан. – Если понадобится, я сама отыщу отца для моего ребенка. Я наставлю тебе рога, и посмей хоть в чем-нибудь обвинить меня.

– Наставляй сколько хочешь, – отвечал он, – но никаких детей.

– И как же ты меня остановишь?

С исполненной предельной доброты улыбкой он произнес:

– Если дойдет до этого, я немедленно прикажу удавить тебя.

На миг Ирулан потрясенно умолкла, а Пауль ощутил, как Чани прислушивается за тяжелыми занавесями, отделявшими их личные апартаменты.

- Я все-таки твоя жена, – прошептала Ирулан.
- Давай не будем играть в эти глупые игры, – ответил он. – Ты ведь играешь сейчас, исполняешь роль, и не более. Мы оба знаем, кто моя жена.
- А я – так, просто удобство, – горько откликнулась Ирулан.
- Я не хочу быть с тобой жестоким.
- Ты сам выбрал меня.
- Не я, – отвечал он, – судьба. Твой отец. Сестры Бене Гессерит. Гильдия, наконец. А теперь они вновь тебя выбрали. Для чего они тебя выбрали, Ирулан?
- Но почему же я не могу родить тебе ребенка?
- Потому что ты на эту роль не подходишь.
- Это мое право – родить наследника престола! Мой отец был...
- Твой отец был и остается зверем. Ты сама знаешь, что он потерял всякий контакт с человечеством, которым должен был править.
- Разве его ненавидели больше, чем ненавидят тебя? – взорвалась она.
- Неплохой вопрос, – отвечал он, сардонически усмехаясь уголками губ.
- А еще говоришь, что не хочешь быть жестоким со мною.
- Вот потому-то я и согласен, чтобы ты имела любовника. Только пойми правильно: пусть будет любовник, но никаких побочных детей. Такого ребенка я не признаю. Я не стану запрещать тебе любовных связей – пока ты остаешься осмотнительной и бездетной. В сложившихся условиях просто глупо действовать иначе. Только не вздумай злоупотреблять моим доверием. Речь идет о троне, и я определяю, кто унаследует его. Не сестры Бене Гессерит, не Гильдия, а я. Этого права я добился, сокрушив легионы сардаукаров твоего отца на равнине под Арракином.
- Ты сам выбрал свою судьбу, – ответила Ирулан, резко повернулась и вылетела из гостиной.

Заново припомнив всю стычку, Пауль сосредоточился на мыслях о Чани, сидевшей на их ложе. Понимал он и двойственность своего отношения к Ирулан, понимал и фрименскую правоту Чани. В иных обстоятельствах обе женщины вполне могли быть подругами.

- И что ты решил? – спросила Чани.
- Никакого ребенка, – ответил он.
- Чани указательным и большим пальцами левой руки изобразила символ криса, священного ножа фрименов.
- Может дойти и до этого, – согласился он.
- Почему ты считаешь, что ребенок не поможет разрешить проблему Ирулан?
- Предположить такое мог бы только дурак.
- Дорогой мой, я вовсе не дура.
- Пауль почувствовал, как в нем поднимается гнев.
- Этого я тебе никогда не говорил. Но сейчас речь не о сентиментальном романе, сочиненном писателями. Ирулан – самая настоящая принцесса, воспитанная среди всех гнусных интриг Императорского двора. Строить козни для нее столь же естественно, как строчить свои дурацкие истории!
- Любимый, они вовсе не дурацкие.
- Возможно, ты права, – Пауль подавил свой гнев и взял ее за руку. – Извини. Просто у этой женщины на уме одни заговоры... заговор в заговоре. Если я уступлю хотя бы одной из ее претензий, то этим только поощрю ее на другие.
- Разве не я это тебе всегда говорила? – ласковым голосом ответила Чани.
- Говорила, конечно. – Пауль пристально посмотрел на Чани. – Тогда что же ты хочешь сказать мне еще?

Она прилегла возле него и приникла головой к плечу.

– Они уже решили, как им бороться с тобой, – проговорила она. – От Ирулан просто разит тайными замыслами.

Пауль погладил ее по голове.

Чани умела отсеять несущественные детали.

Вновь прихлынуло ощущение ужасной судьбы, кориолисовой бурей оно терзало глубины души, сотрясая все его существо. Тело его ведало многое, что еще не открывалось сознанию.

– Чани, любимая, – прошептал он, – если бы ты знала, чего бы только я не дал за то, чтобы покончить с джихадом и помешать Квизарату сделать из меня бога.

– Но ты мог бы прекратить все это одним только словом, – затрепетав, сказала она.

– О нет. Даже если я умру, одно мое имя поведет их вперед. Стоит только подумать, что имя Атрейдесов связано со всей этой религиозной бойней...

– Но ты же – Император! Ты же...

– Я просто украшение – фигура на носу корабля. Если тебе навязали роль божества, отказаться от нее ты не властен. – Он с горечью усмехнулся. Из будущего на него глядели еще не родившиеся династии. Он ощущал, как гибнет в оковах судьбы его человеческая сущность и остается только одно имя. – Я был избран, – прошептал он. – Может быть, еще при рождении... но уж меня-то во всяком случае не спросили... Я был избран.

– А ты отвергни это избрание, – ответила она.

Он крепче обнял ее за плечи.

– В свое время, любимая. Дай мне еще хоть чуточку времени.

Слезы щипали его глаза.

– Вернемся в сьетч Табр, – сказала Чани, – в этом каменном шатре столько лишних хлопот.

Он кивнул, прижавшись подбородком к гладкой косынке, прикрывавшей ее волосы. Как всегда, от нее пахло Пряностью.

Сьетч. Слово древнего языка чакобса поглотило его внимание: укрытие, надежное и спокойное место во времена бед. Слова Чани заставили его затосковать по просторам Пустыни, где любой враг виден издалика.

– Племена ждут возвращения Муад'Диб, – сказала она и подняла голову, чтобы видеть его лицо. – Ты наш.

– Я принадлежу своей миссии, – прошептал он.

Он подумал о джихаде, о дрейфе генов через парсеки и парсеки, разделяющие звезды, о видении, сулившем окончание бойни. Сумеет ли он заплатить за это все, что должен? Тогда угаснет ненависть, подернется пеплом словно костер... уголек за угольком. Но... о! Цена будет страшной!

Я не хотел быть богом, никогда не хотел, думал он. Я просто хотел исчезнуть, как блистающая росинка с наступлением утра. Я хотел быть не с ангелами и не с проклятыми... просто быть – хотя бы и по чьему-то недосмотру.

– Так мы возвращаемся в сьетч? – настаивала Чани.

– Да, – прошептал он, подумав: *Пора платить.*

Глубоко вздохнув, Чани вновь прижалась к нему.

Я просто уваливаю, подумал он. Любовь и джихад правят мною. Что такое одна жизнь, пусть беспредельно любимая, рядом с бесчисленными жизнями, которые унесет джихад? Как можно сравнивать одно-единственное горе со страданиями миллионов?

– Любимый?... – вопросительно начала Чани.

Он прикрыл ладонью ее губы.

Что, если отступить, думал он, сбежать, пока я еще способен на это, забиться в дальний уголок пространства? Бесполезно, джихад возглавит и призрак его.

Что ответить? – думал он. Как объяснить ей прискорбную и жестокую глупость рода людского? Разве поймет даже она?

Как бы мне хотелось сказать им: «Эй, вы! Глядите, реальность не может больше меня удержать. Вот! Я исчезаю! Ни замысел человеческий, ни козни людские не заманят меня более в эту ловушку. Я сам ниспровергаю основанную мною религию! Вот миг истинной славы! Я свободен!»

Пустые слова!

– Вчера у подножия Барьерной Стены видели большого червя, говорят, длиннее ста метров. Такие гиганты теперь не часто заходят сюда. Вода отпугивает их. Я так считаю. Уже принялись говорить, что он приходил звать Муад’Дибя обратно в Пустыню, – она ущипнула его. – Чего смеешься?

– И не думаю.

Застигнутый врасплох упрямым фрименским суеверием, Пауль почувствовал, как вдруг сжалось сердце: его захлестнул адаб – воспоминание, что приходит само собой. Он вспомнил детскую на Каладане, темную ночь среди каменных стен... Видение! Это было одно из первых. Ум его словно нырнул теперь в это видение, и словно сквозь туманную дымку он увидел цепочку фрименов в одеждах, пропыленных Пустыней. Проходя мимо расщелины в высоких скалах, они уносили с собой длинный, обернутый в ткань сверток.

Тогда Пауль услышал собственные слова:

– Все это было так невозможно прекрасно... и ты была прекраснее всего...

Адаб отпустил его.

– Ты вдруг замолк и замер, – шепнула Чани. – Что с тобой?

Пауль поежился, сел и отвернулся.

– Ты сердишься, потому что я ходила на край Пустыни? – спросила Чани.

Не говоря ни слова, он покачал головой.

– Я пошла туда только потому, что хочу ребенка, – произнесла Чани.

Пауль не мог говорить. Грубая власть забытого видения не отпускала его. Ужасное предназначение! В этот миг вся жизнь его была дрогнувшей ветвью, с которой слетела птица... птица по имени Случай. Свободная воля.

Я сдался искушению, подчинился пророческому дару, подумал он.

Он видел, что подобное искушение в конце концов оставит перед ним только один путь. Может быть, видение не предсказывает будущее? Может быть, оно само его создает? Или же вся жизнь его мотыльком запуталась в паутине, а паук-грядущее подступает все ближе и ближе, шевеля хищными жвалами?

Припомнилась аксиома Бене Гессерит: *прибегнув к помощи грубой силы, становишься бесконечно уязвимым для еще больших сил.*

– Я знаю, ты сердишься, – произнесла Чани, тронув его за руку. – Я знаю, что племена возвращаются к старым обрядам, к кровавым жертвоприношениям, но я не принимала в них участия.

Пауль глубоко, с дрожью, вздохнул. Поток видения разлился, оставив ровную обширную гладь, под которой струились неподвластные ему титанические силы.

– Ну, пожалуйста, – умоляла его Чани, – я хочу ребенка, нашего ребенка. Разве это ужасно?

Пауль погладил ее руку, которой она прикоснулась к нему, отодвинулся. Выбравшись из постели, он погасил плавающие лампы, подошел к окну над балконом, отодвинул шторы. Глубокой Пустыне не было пути сюда, только запахом могла она дотянуться до покоев Императора. Прямо перед его глазами уходила в небо высокая стена. Косые полосы лунного света легли на обнесенный стенами сад, неусыпные деревья шелестели широкими влажными листьями. Сквозь листву поблескивала гладь пруда. В тени угадывались яркие цветы. На миг он увидел

этот сад глазами фримена: чуждое и страшное место, опасное безумным расточительством влаги.

Он вспомнил продавцов воды, чью торговлю он подорвал своими щедрыми раздачами. Они ненавидели его. Он убил прошлое. А были и другие, копившие жалкие гроши, чтобы купить потом на них драгоценную воду, – они тоже его ненавидели: за то, что он изменил древний путь. По велениям Муад'Дибя менялась экология планеты, и люди сопротивлялись переменам. Не самонадеянно ли думать, гадал он, что я и впрямь распоряжаюсь всей планетой – решаю, где, как и чему расти на ней? Но даже если бы это и было возможным, как быть со Вселенной? Не опасается ли и она чего-то подобного с его стороны?

Резким движением он задернул занавеси. В темноте он обернулся к Чани, почувствовал: она ждет его. Водные кольца ее позвякивали, словно колокольчики на кружках для подаяния у пилигримов. Устремившись на звук, он нашел ее протянутые к нему руки.

– Любимый, – шепнула она, – это я тебя расстроила?

И обхватила его руками, защищая от будущего.

– Нет, не ты, – отвечал он. – Ох... не ты.

* * *

Явление в мир лучемета и силового щита, двух видов оружия, обреченных на взрывное взаимоуничтожение, несущее гибель и нападающему, и обороняющемуся, определило структуру отраслей оружейной промышленности. Не станем вдаваться в особую роль атомной технологии. Верно, что любая из Семей, стоящих у власти в нашей Империи, способна уничтожить не менее пятидесяти планетарных баз других семейств. Да, этот факт вызывает определенное беспокойство. Но у всех давно уже готовы планы осуществления сокрушительного возмездия. Ключи от этой силы в руках Гильдии и Ландсраада. Меня же заботит развитие человека как самостоятельного вида оружия. Здесь мы имеем в настоящее время неограниченное поле деятельности, интересовавшее до сих пор лишь немногих.

(Муад'Диб. Из лекции в Военном колледже. «Хроники Стилгара»)

Стоящий на пороге своего дома старик глядел на гостя синими-на-синем глазами. Во взгляде этом читалось привычное недоверие Пустынного люда ко всем незнакомцам. Щетинистая белая борода не могла прикрыть горьких морщин у рта. Дистикомба на нем не было, утечка влаги через дверной проем его вовсе не беспокоила – это говорило о многом.

Скитале поклонился, приветствуя соучастника условным жестом.

Где-то за спиной старика захлебывались атональные диссонансы семутной музыки – словно рыдал ребенок. Вид старика не обнаруживал признаков наркотического опьянения, значит, к семуте привык здесь не он. Порок весьма неожиданный для Дюны, подумал Скитале, отнюдь не рассчитывавший обнаружить здесь подобной утонченности.

– Привет издалека, – начал Скитале с улыбкой на плоском лице, выбранном для этого случая. Он вдруг подумал, что старику черты его могут показаться знакомыми. Кое-кто из фрименов постарше мог еще помнить Дункана Айдахо.

Выбранный облик, только что так радовавший его, мог оказаться ошибкой. Но Скитале не смел менять здесь лицо. Он беспокойно оглядывался то вправо, то влево. Почему этот старик все держит его на пороге?

– Ты знал моего сына? – спросил наконец тот.

По крайней мере это было одним из отзывов. Скитале отвечал как положено, внимательно наблюдая за всем, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Место ему не нравилось – короткая тупиковая улочка кончалась этим домом. Вокруг были жилища, выстроенные для ветеранов джихада. Этот пригород Арракина уходил в Котловину Империи за Тайемаг. Ровную и гладкую поверхность стен из бурой пластыли нарушали только темные контуры плотно подогнанных дверей. Кое-где были нацарапаны непристойности. Как раз возле открытой двери надпись мелом объявляла, что некий Берис вернулся на Арракис с гнусной болезнью, лишившей его признаков мужественности.

– Ты пришел не один? – спросил старик.

– Один, – отвечал Скитале.

Старик кашлянул, все еще не оставляя дурацкую нерешительность. Вся опасность и крылась в подобных контактах. У старика могли найтись свои причины для колебаний. Впрочем, час был выбран правильно. Солнце стояло почти над самой головой. Жители квартала, наглухо закупорив двери, проводили самую жаркую часть дня в дремоте.

Или же старика тревожит новый сосед? – думал Скитале. Соседский дом принадлежал Отхейму, бывшему федайкину, воину-смертнику Муад'Диб. Биджас, карлик-тлейлаксу, дожидался у Отхейма своего часа.

Скитале поглядел на старика, заметил пустой рукав, отсутствие дистикомба. В манере держаться чувствовалась привычка командовать. Перед ним был далеко не рядовой участник джихада.

– Могу ли я узнать имя своего гостя? – спросил старик.

Скитале подавил вздох облегчения. Слова говорили, что его в конце концов принимают.

– Я – Заал, – отвечал он, называя выбранное для этой встречи имя.

– А я – Фарук, – отвечал старик, – бывший башар Девятого легиона. Что тебе говорит это имя?

Чувствуя угрозу в его словах, Скитале ответил:

– Ты был рожден в сиечче Табр, под рукой Стилгара.

Фарук расслабился, отступил в сторону.

– Добро пожаловать в мой дом.

Скитале вступил на вымощенный синими изразцами пол тенистого атриума. На стенах искрился выложенный из блестящих кристаллов узор; свет, лившийся из прозрачных фильтров, был неяркий и серебристый, как при полной Первой Луне. За его спиной входная дверь улеглась в уплотнительные пазы.

– Мы были благородным народом, а не изгоями, – говорил Фарук, провожая гостя в крытый дворик. – Жили мы тогда не в поселках, не в этих грабенах. У нас был настоящий сиечч в скалах Барьерной Стены, за хребтом Хаббанья. Один червь, переходом в один манок, мог донести нас в Кедем, в глубокую Пустыню.

– Все было иначе, – согласился Скитале, догадавшийся теперь, почему старик принял участие в заговоре: он тосковал по былому, по прежним временам и путям.

Они вступили в дворик. Фарук все старался преодолеть неприязнь к гостю: глаза того были лишены синевы Ибада, а Вольный Народ не доверял таким людям. Чужаки, как утверждали фримены, вечно ухитряются своим бегающим взглядом увидеть то, чего им не положено.

Когда они вошли, музыка семуты смолкла. На смену ей пришел перезвон балисета, за девятиструнным аккордом полились чистые звуки мелодии... песню эту любили в Нараджийских мирах.

Когда глаза привыкли к полумраку, Скитале увидел юношу, сидевшего, скрестив ноги, на невысоком диване справа под аркой. Глазницы его были пусты. Со сверхъестественной чув-

ствительностью слепого он запел, едва Скитале поглядел на него. Зазвенел высокий приятный голос:

А ветер все дул и унес песок, Сдул землю и небеса, И всех людей! Кто Он, этот ветер? Деревья стоят, шелестя листвою. Раньше здесь пили мужи. Зачем я увидел столько миров, Столько мужей? Столько деревьев? И этот ветер?

Прежде у этой песни были *совсем другие слова*, подумал Скитале. Фарук отвел его подальше от молодого человека – под арку на противоположной стороне, показал на разбросанные по плиткам пола подушки. На изразцах пола были изображены морские твари.

– Вот подушка, на которой в снетке однажды сидел сам Муад'Диб, – сказал Фарук, указывая на круглый черный контур. – Теперь она ждет тебя.

– Я в долгу перед тобой, – отвечал Скитале, опускаясь на мягкую черную горку. Он улыбался. Фарук был мудр. Он умел показать свою верность, даже внимая двусмысленным песням и тайным вестям. Кто может отрицать ужасающие способности тирана-Императора?

Размеренно произнося слова, чтобы не нарушать ритма музыки, Фарук спросил:

– Не мешает ли тебе пение моего сына?

Скитале прислонился спиной к прохладному столбу, поглядел на певца:

– Мне нравится музыка.

– Мой сын потерял глаза в боях за Нарадж, – проговорил Фарук. – Его вылечили, но лучше бы он там и остался. Женщины нашего народа не станут глядеть на него. Впрочем, разве не забавно, что на Нарадже у меня есть внуки, которых я могу так и не увидеть? Знаешь ли ты, Заал, миры Нараджа?

– В дни моей юности я выступал там в труппе лицеделов, – отвечал Скитале.

– Значит, ты – лицедел, – проговорил Фарук. – Меня удивило твое лицо. Оно напомнило мне человека, которого я знал когда-то.

– Дункана Айдахо?

– Да, его. Мастера-фехтовальщика Императора.

– Говорили, что он погиб.

– Так говорили, – согласился Фарук. – Неужели ты действительно мужчина? О лицеделах говорят, что... – он передернул плечами.

– Все мы гермафродиты Яддаха, – отвечал Скитале, – пол наш меняется по желанию. Сейчас я мужчина.

Фарук задумчиво закусил губу и произнес:

– Не хочешь ли подкрепиться? Воды? Или охлажденных фруктов?

– Достаточно беседы, – ответил Скитале.

– Воля гостя – закон, – поклонился Фарук, усаживаясь лицом к гостю на другую подушку.

– Благословен еси Абу д'Дхур, Отец Бесконечных Дорог Времени, – произнес Скитале, думая: *Вот! Я все сказал ему: я пришел от навигатора Гильдии и пользуюсь его покровительством.*

– Трижды благословен, – ответил Фарук, ритуальным жестом складывая руки на коленях. Натруженные, покрытые венами кисти.

– Издалека видишь только общие контуры, – начал Скитале, намекая, что хотел бы поговорить о цитадели Императора.

– Но тьму и зло не примешь за их противоположность, как бы далеко они от тебя ни были, – ответ Фарука заключал совет не торопиться.

Почему? – подумал Скитале. Но спросил только:

– Как твой сын потерял зрение?

– Защитники Нараджа воспользовались камнежом, – отвечал Фарук. – Сын мой оказался совсем рядом. Проклятое атомное оружие! Камнежог тоже следовало бы запретить законом.

– Это отвечало бы букве закона, – согласился Скитале и подумал: *Камнежог на планетах Нараджа! Нам не сообщали об этом. Но зачем старик завел здесь речь об этом оружии?*

– Твои хозяева предлагали мне купить для него искусственные глаза тлейлаксу, – продолжал Фарук, – но в легионах говорят, что такие глаза поработают его владельца. Сын сказал тогда, что глаза эти – металл, а он из плоти, сочетать то и другое греховно!

– Но предмет должен отвечать своему назначению, – проговорил Скитале, стараясь направить разговор в нужную ему сторону.

Сжав губы, Фарук кивнул.

– Говори прямо, что тебе нужно, – сказал он, – приходится доверять вашему навигатору.

– Ты когда-нибудь был в Императорской цитадели?

– Я был там на пиру в годовщину победы на Молиторе. Было холодно, несмотря на самые лучшие иксианские обогреватели. Еще бы, в сплошном-то камне! Ночь мы провели на террасе Храма Алие. Он насадил там деревья из многих миров, ты это знаешь. Все башары были облачены в лучшие одеяния зеленого цвета, повсюду были расставлены столики – вместо общего стола. Мне многое там не понравилось. Пришли инвалиды на своих костылях. Неужели наш Муад'Диб не знает, сколько людей ради него стали калеками?

– Тебе не понравился пир? – спросил Скитале, зная, что оргии фрименов подогревались меланжевым пивом.

– Все было так не похоже на привычное слияние душ, – кивнул Фарук, – в сиече это было иначе. Там нас объединяло тау. На пиру развлекали рабыни, мы вспоминали раны и битвы.

– Так, значит, ты был в этой каменной громаде, – гнул свое Скитале.

– Муад'Диб вышел к нам на террасу, – продолжал Фарук, – пожелал нам удачи по обряду Пустыни – это в таком-то месте!

– Знаешь ли ты, где расположены его личные апартаменты? – спросил Скитале.

– Где-то в самой сердцевине, глубоко внизу, – отвечал Фарук. – Говорят, они с Чани там, в недрах своей твердыни, живут по обычаям странников Пустыни. В большой зал он является лишь для аудиенций. Там много приемных и залов для совещаний. Целое крыло отведено его телохранителям, есть и помещения для церемоний, и ходы сообщения. А в глубинах под этой крепостью, на самом ее дне, он содержит окруженного водой оцепенелого червя, чтобы всегда можно было отравить его. Там он и взирает на будущее.

Сказки перемешаны с фактами, подумал Скитале.

– Правительственные чиновники сопровождают его повсюду, – ворчал Фарук. – Клерки с помощниками, помощниками помощников и их помощниками. Доверяет он лишь таким, как Стилгар, тем, кто был ему близок в прошлые дни.

– Но не тебе, – вставил Скитале.

– Он и думать забыл о моем существовании, – проговорил Фарук.

– А как он входит и выходит из этого сооружения? – спросил Скитале.

– Говорят, что на внутренней стене есть небольшая посадочная площадка для топтера, – ответил Фарук. – Муад'Диб никому не доверяет управление топтером, когда садится там. Надо знать, как подлетать к этому месту, при малейшей неточности аппарат разобьется об отвесную стену и рухнет в эти проклятые сады.

Скитале кивнул. Почти наверняка так оно и было. Еще одна предосторожность. Сами-то Атрейдесы всегда были превосходными пилотами.

– И дистрансы его носят люди, – возмущался Фарук. – Так замарать человека – вживлять людям модуляторы! Голос человека должен принадлежать ему одному. Позор передать чье-то послание, спрятанное в твоих словах.

Скитале передернул плечами. Все политики теперь использовали дистранс. Никто не мог сказать заранее, какие преграды встанут на пути между отправителем и адресатом. Дистранс

позволил обойтись без шифров, в нем все определялось тончайшими оттенками естественных звуков, запечатленных во всей своей сложности.

– Даже его налоговые службы пользуются тем же методом, – жаловался Фарук. – В мое время дистранс вживляли только низшим животным.

Но финансовую информацию и следует держать в тайне, подумал Скитале. Сколько правительств пало, когда народы их вдруг обнаруживали действительные масштабы богатства властей.

– И как же в когортах фрименов относятся теперь к джихаду? – спросил Скитале. – Может быть, им не нравится, что из Императора делают бога?

– Большинству все равно, – отвечал Фарук, – в основном они думают о джихаде так же, как и сам я когда-то относился к нему... Муад'Диб дал нам испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство. Эта хибара посреди грабена, – Фарук обвел рукой свое жилище, – оценивается в шестьдесят лид Пряности. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить не мог ничего подобного этой роскоши. – Он с осуждением качнул головой.

В аркаде напротив слепой юноша стал наигрывать на балисете любовную балладу.

Девяносто контаров, думал Скитале, странно. Огромное богатство. «Хибара» Фарука на многих мирах покажется дворцом. Но все относительно... и контар тоже. Интересно, знает ли сам Фарук, откуда взялась эта мера веса, которой взвешивают Пряность? Наверняка он даже не задумывался о том, что земной верблюд мог поднять лишь контар с половиной. Фарук, конечно же, даже не слышал ни о Золотом Веке Земли, ни о верблюдах.

Со странной интонацией, следуя голосом за мелодией балисета, Фарук произнес:

– Был у меня крис, водяные кольца на десяток литров, копье, что принадлежало прежде отцу, кофейный прибор, бутылка красного стекла, такая древняя, что никто в сиетче не знал, когда она была сделана. И доля в добыче Пряности. Я был богат, но даже не ведал об этом. Было у меня две жены. Одна, пусть и не красавица, была дорога мне, вторая, упрямая и глупая, телом и лицом походила зато на ангела. Я был наиб среди фрименов, наездник Пустыни, покоритель червя и хозяин песков.

Юноша напротив подхватил сложный ритм речи Фарука и вплел его в мелодию, пристукивая по деке балисета.

– Сам того не ведая, я знал многое, – говорил Фарук. – Знал, где Маленькие Податели стерегут воду в недрах Пустыни. Знал, что предки мои приносили девственников в жертву Шаи-Хулуду... Это Лиет-Кинес заставил их бросить этот обряд. Напрасно послушались они его!.. И я видел, как сверкают драгоценности в пасти червя... У души моей было четверо врат, и я знал их.

Задумавшись, он умолк.

– А потом явился Атрейдес со своей матерью-колдуньей, – проговорил Скитале.

– А потом явился Атрейдес, – согласился Фарук. – Тот самый, который звался Усулом среди людей сиетча. Наш Муад'Диб, наш Махди! И когда он призывал нас к джихаду, я был среди тех, кто спрашивал: что нужно мне в этих дальних краях? За кого стану я там сражаться? Родни там у меня нет. Но другие мужчины, умные и молодые, друзья-приятели с самого детства, ушли и возвратились, а потом начался разговор о колдовском могуществе этого «спасителя» из Атрейдесов. Да, он воевал с нашими врагами, харконненцами. Его благословил Лиет-Кинес, обещавший нам рай на нашей планете. Говорили, что этот самый Атрейдес явился, чтобы преобразить этот мир и нашу Вселенную, и что в руках его ночью расцветает золотой цветок...

Фарук поднял руки, поглядел на ладони.

– Люди показывали на Первую Луну и говорили: душа его там. Его и называли Муад'Дибом. Я не понимал тогда, о чем речь.

Опустив руки, он поглядел через дворик на сына.

– В голове моей не было дум. Только забота о сердце, пузе и чреслах.
Музыка стала громче.

– Знаешь ли ты, почему я подался в джихад? – Старые глаза жестко глядели на Скитале. – Я слышал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь, среди дюн. У нас нет морей. Люди Дюны никогда не знали моря. У нас были только ветровые ловушки. Мы все собирали воду для великой перемены, которую сулил Лиет-Кинес... Той великой перемены, которую Муад'Диб совершил мановением руки. Я могу себе представить канал, в котором вода течет по пустыне. Значит, могу представить и реку. Но море...

Фарук глядел вверх на прозрачный потолок, словно пытаюсь разглядеть за ним Вселенную.

– Море, – повторил он негромко. – Мой ум даже представить не мог его величия. Но я знал людей, которые утверждали, что видели подобное чудо. И я решил, что они лгут, но все-таки хотел убедиться в этом сам. Тогда-то я и записался в поход.

Юноша взял громкий финальный аккорд и затянул новую песню в странном неровном ритме, подыгрывая себе на балисете.

– И ты нашел свое море? – спросил Скитале.

Фарук молчал, и Скитале подумал, что старик не расслышал. Звуки балисета накатывались и разбивались волнами прибоя.

– Однажды был закат, – медленно проговорил Фарук. – Как на картинах старых мастеров. Красный, как моя бутылка. А еще золотой... и синий. Было это в мире, который зовется Энфейль, там я вел свой легион к победе. Мы шли по горному ущелью, и воздух уже изнемогал от воды. Я едва мог дышать. И вдруг внизу оказалось то самое, о чем говорили друзья: вода, вода – и ничего, кроме воды. Мы спустились. Я вошел в воду и пил. Горькая вода, неприятная. Мне потом было нехорошо от нее. Но чудо это навсегда запомнилось мне.

Скитале чувствовал, что и сам разделяет осенившееся старого фримена чудо.

– Потом я погрузился в воды этого моря, – говорил Фарук, глядя на плитки пола, на морских тварей. – Из воды я поднялся другим человеком... Мне казалось, что могу припомнить даже такое, чего никогда не знал. Я озирался вокруг глазами, которые смогли бы тогда увидеть все... да, все. На волнах раскачивалось тело убитого – нам оказывали сопротивление. А еще поблизости на воде качалось бревно, огромный ствол дерева. Закрывая глаза, я и сейчас вижу его. Один конец был черным – обугленным. А еще в воде плавала какая-то желтая тряпка – грязная, рваная. Я глядел на все это и понимал, почему они здесь. Мне было предназначено их увидеть.

Медленно повернувшись, Фарук заглянул в глаза Скитале.

– Сам знаешь, Бог еще не закончил творить Вселенную, – проговорил он.

Болтлив, но глубок, подумал Скитале и сказал:

– Понимаю, море произвело на тебя глубокое впечатление.

– Ты – тлейлаксу, – проговорил Фарук, – ты видел много морей, а я – только одно, но о морях я знаю такое, что не было открыто тебе.

Скитале почувствовал странное беспокойство.

– Мать Хаоса рождена была в море, – проговорил Фарук. – Наш квизара тафвид стоял рядом, когда я вышел из вод, промокший до нитки. Он не входил в волны. Он стоял на песке... на мокром песке, а возле него толпились те немногие из моих воинов, кто разделял его страх. Он смотрел на меня такими глазами... он понимал – я узнал такое, чего ему уже не узнать. Я приобщился к морю, и это испугало его. Море исцелило меня от джихада, кажется, он понял это.

Скитале вдруг осознал, что музыка давно умолкла. И рассердился на себя за то, что не помнил мгновения, когда затих балисет.

И словно все это имело отношение к его воспоминаниям, Фарук произнес:

– Охраняются все ворота. В цитадель Императора не попасть.

– Это ее слабость, – проговорил Скитале.

Фарук напряженно вытянул шею, ожидая продолжения.

– Путь внутрь существует, – пояснил Скитале, – и по большей части люди, в том числе и сам Император, как мы надеемся, не подозревают об этом... Что может послужить нам на пользу. – Он потер губы, чувствуя чужеродность выбранного им облика. Молчание музыканта встревожило Скитале; не означает ли оно, что сын Фарука передал всю необходимую информацию сжатой в музыкальные фразы? Теперь она была запечатлена в нервной системе самого Скитале, и в нужный момент ее можно будет извлечь оттуда с помощью дистранса, вживленного в кору надпочечников. Если сообщение действительно завершено – он уже несет в себе неизвестные фразы, словно сосуд, наполненный сведениями: именами заговорщиков, всеми условными фразами – каждой подробностью заговора на Арракисе... ценная информация.

Эти знания позволяли им одолеть Арракис, захватить песчаного червя, увезти его за пределы власти Муад'Диба, начать производство меланжи на иной планете. Теперь монополию можно было разрушить, обрекая этим на падение Муад'Диба. Да, зная все это, можно было сделать многое.

– Женщина здесь, – проговорил Фарук. – Ты хочешь ее видеть?

– Я уже видел ее, – отвечал Скитале. – И внимательно изучил. Где она?

Фарук щелкнул пальцами.

Юноша поднял ребек, приложил к нему смычок. Струны зарыдали, исторгая музыку семуты. Словно привлеченная ею, из двери позади музыканта показалась молодая женщина в синем платье. Бездонно-синие «глаза Ибада» на ее лице застыли в наркотическом отупении. Фрименка привыкла к Пряности, но теперь ее поглотил и инопланетный порок. Сознание ее утонуло в восторгах среди мелодий семуты, затерялось далеко-далеко.

– Дочь Отхейма, – проговорил Фарук. – Мой сын дал ей наркотик, надеясь, что так он обретет женщину из Народа, несмотря на свою слепоту. Только это оказалась бесплодная победа. Тот выигрыш, на который он рассчитывал, достался семуте.

– Ее отец знает?

– Она сама ничего не подозревает. Сын мой придумал любовные воспоминания, что связывают их. В забвенье она считает их своими. Ей кажется, что она любит его. Ее семья тоже верит в это. Все они в гневе, потому что сын мой – калека, но мешать им не станут.

Музыка постепенно умолкла.

Подчиняясь жесту музыканта, молодая женщина уселась возле него и нагнулась, чтобы расслышать его шепот.

– Что ты делаешь с ней? – спросил Фарук.

Скитале вновь оглядел дворик:

– Кто еще находится в этом доме?

– Мы все перед тобой, – отвечал Фарук. – Но ты не сказал еще мне, зачем тебе женщина? Мой сын хочет знать это.

Скитале поднял правую руку, словно собираясь ответить, – и блестящая иголка, вылетев из рукава, вонзилась в шею Фарука. Ни крика, ни звука, никто не шелохнулся. Через минуту Фарук будет мертв, но пока старик еще сидел, оцепенев под действием яда.

Потом Скитале медленно поднялся на ноги и подошел к слепому музыканту. Тот еще что-то шептал женщине, когда вторая игла нашла и его.

Скитале взял женщину за руку, мягко потянул, поднимая с пола, изменив свой внешний вид прежде, чем она подняла на него глаза.

– Что случилось, Фарук? – спросила она.

– Мой сын устал, пусть отдохнет, – проговорил Скитале. – Пойдем, выйдешь через заднюю дверь.

– Мы так хорошо поговорили, – произнесла она, – кажется, я убедила его купить глаза у тлейлаксу. Они вновь сделают его мужчиной.

– Сколько раз я уже говорил это? – спросил Скитале, подталкивая ее к двери.

Голос его, с гордостью подумал Скитале, в точности соответствовал обличью. Голос старика фримена... он уже умер, конечно.

Скитале вздохнул. Он ведь действительно испытывал сочувствие к своим жертвам, да и они не могли не знать, что находятся в опасности. А теперь следует предоставить последний шанс женщине.

* * *

Во время своего становления империи не страдают отсутствием целей. Только когда к ним приходит стабильность, цели теряются, уступая место утратившему смысл ритуалу.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речи Муад'Диб»)

Совещание Императорского совета не ладилось. Алия сразу почувствовала, что напряженность успела как следует окрепнуть. Это было заметно по тому, как Ирулан старалась не смотреть на Чани, Стилгар нервно перекидывал бумаги, Пауль хмуро глядел на Корбу, Верховного Квизара Тафвид.

Алия села в конце золотого стола. В окнах, выходящих на балкон, пылало полуденное солнце.

Корба, замолкший, когда она появилась, вновь обратился к Паулю:

– Я хочу сказать, сир, что теперь богов стало меньше, чем прежде.

Закинув голову, Алия расхохоталась. Черный капюшон ее абы соскользнул с головы: синие-на-синем «глаза Ибада», овальное лицо матери под шапкой бронзовых волос, широкий полногубый рот.

Выступивший на щеках Корбы румянец был едва ли ярче его оранжевого одеяния. Он яростно поглядывал на Алию – кипящий гневом гном, сердитый и лысый.

– А знаешь ли ты, что говорят о твоём брате? – дерзко спросил он.

– Могу сказать, что говорят о твоём Квизарате, – парировала Алия. – Вы не слуги бога, вы – шпионы его.

Корба взглядом попросил поддержки у Пауля и произнес:

– Мы посланы заповедью Муад'Диб – дабы знал он правду о людях своих, а они о нём.

– Шпионы, – повторила Алия.

Корба, надувшись, умолк.

Пауль посмотрел на сестру, удивляясь, почему она принялась дразнить Корбу. Он вдруг заметил, какой женственной сделалась Алия, в первом цветении невинной юности. Непонятно было, как он ухитрялся до сих пор не замечать этого. Ей было пятнадцать, нет, почти шестнадцать: Преподобная Мать – девственница, невинная жрица, объект трепетного поклонения суеверных масс – Алия, Дева Ножа.

– Сейчас не время и не место для легкомысленных выходок твоей сестрицы, – заметила Ирулан.

Не обращая внимания на выпад, Пауль кивнул Корбе:

– Площадь полна паломников. Выйди и возглавь их молитву.

– Но они ожидают вас, милорд, – отвечал тот.

– Надень тюрбан, издали никто не догадается, – отмахнулся Пауль.

Заставив себя подавить раздражение, вызванное подобным пренебрежением, Ирулан смотрела, как покорно повиновался Корба. Она вдруг тревожно подумала: что, если Эдрик не в силах спрятать ее от Алии? В чем можно быть уверенным, когда речь идет о его сестре?

Стиснув руки на коленях, Чани через стол глядела на дядю своего, Стилгара, первого министра Пауля. Кто знает, не сдает ли старого фрименского наиба вечная тоска по простой жизни Пустынных сиегчей? Черные волосы Стилгара начинали седеть, но глаза под тяжелыми веками зоркости не потеряли. «Дикий»... в бороде его еще был заметен след от трубки дистикомба.

Потрявоженный взглядом Чани, Стилгар оглядел Палату Совета.

Сквозь выходящее на балкон окно был виден Корба. Он благословлял толпу, простерев к ней руки, и вечернее солнце озаряло его багровыми отблесками. На миг Стилгару показалось, что придворный квизара тафвид распят в огненном колесе. Корба опустил руки, видение исчезло, но потрясение не проходило. Мысли Стилгара обратились к раболепным просителям, ожидавшим в приемном зале, ко всей ненавистной помпе, окружавшей трон Муад'Диб.

Разговаривая с Императором, всякий стремится обнаружить его ошибки и слабости, – подумал Стилгар. – *Святотатство. Но уж таков человек.*

Корба вернулся, и вместе с ним в Зал Совета ворвался далекий гул толпы.

Дверь балкона с глухим стуком легла на уплотнение, пригасив доносящиеся снаружи звуки.

Пауль внимательно глядел на священнослужителя. Корба уселся по левую руку его, озираясь остекленевшими глазами фанатика. Миг религиозной власти всегда приносил ему упоение.

– Дух посетил нас, – произнес он.

– Благодарю за это Господа, – отвечала Алия.

Губы Корбы побелели.

Пауль посмотрел на сестру, озадаченный мотивами ее поступков. Невинная внешность ее обманчива, он прекрасно понимал это. Она ведь тоже плод генетической программы Бене Гессерит, как и он сам. У нее тоже гены Квисатц Хадераха. Но между ними всегда было таинственное различие – ведь когда мать их, леди Джессика, преобразила в себя яд меланжи, Алия была еще крохотным эмбрионом, маленьким зародышем в материнском чреве. Мать и дочь стали Преподобными одновременно. Но одновременность не означает идентичности.

Алия рассказывала ему, как в единый страшный миг она обрела сознание, как в память ее хлынули все несчетные жизни, которые мгновенно проживала тогда ее мать.

– Я была и нашей матерью, и всеми остальными сразу, – говорила она. – Еще не доношенная и не рожденная, я стала старухой.

Алия почувствовала, что Пауль думает о ней, и улыбнулась брату. Выражение его лица смягчилось. *Действительно, на Корбу нельзя смотреть без улыбки,* подумал он. *Что может быть забавнее воина-смертника, ставшего жрецом?*

Стилгар зашелестел бумагами.

– Если повелителю угодно, – обратился он к Паулю, – рассмотрим срочные дела, не допускающие промедления.

– Тупайльский договор? – спросил Пауль.

– Гильдия требует, чтобы мы подписали его вслепую, не имея информации об истинном расположении планет Тупайльской Антанты, – проговорил Стилгар. – Кое-кто из делегатов Ландсраада поддерживает их.

– Что в этом неотложного? – спросила Ирулан.

– Это решает мой Император, – отвечал Стилгар. В строгой формальности ответа консорт-принцесса услышала всю его недоброжелательность по отношению к ней.

– Мой повелитель и муж, – обратилась Ирулан к Паулю, требуя внимания.

Подчеркивать различия в титулах в присутствии Чани, подумал Пауль, – это слабость со стороны Ирулан. В подобные минуты он вполне разделял неприязнь Стилгара к принцессе, хотя сочувствие и умеряло эмоции. Бедная пешка в руках сестер Бене Гессерит.

– Да? – ответил Пауль.

Ирулан бросила на него взгляд.

– А если задержать отгрузку меланжи?

Чани неодобрительно покачала головой.

– Мы действуем с осторожностью, – ответил Пауль. – Тупайле остается местом убежища для потерпевших поражение Великих Домов. Это символ последней надежды, последний приют для всех наших подданных. Если место нахождения убежища становится явным – оно перестает быть безопасным.

– Раз они умеют прятать людей, – пробасил Стилгар, – значит, прячут еще что-нибудь. Армию, например, или попытки развести песчаного червя...

– Нельзя загонять людей в угол, – произнесла Алия, – если ты хочешь, чтобы они соблюдали мир. – К собственному прискорбию, она оказалась вовлеченной в общий спор.

– Значит, десять лет переговоров ушли впустую, – произнесла Ирулан.

– Никакое действие моего брата не совершается впустую, – ответила Алия.

Ирулан взяла стилос¹, костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Пауль видел, как она боролась с эмоциями методом Бене Гессерит: ушедший в себя взгляд, ровное дыхание. Он едва ли не слышал, как твердит она слова литании. Наконец она произнесла:

– И чего же мы добились?

– Нам удалось вывести из равновесия Гильдию, – ответила Чани.

– Необходимо избежать явной конфронтации, – подчеркнула Алия. – У нас нет желания убивать. Знамя Атрейдесов уже достаточно запятнано кровью.

Она понимает, думал Пауль. И почему только они с такой симпатией и ответственностью относятся к этой вздорной вселенной, обитатели драчливых идолопоклонников, к ее бурным восторгам и тихому блаженству покоя? Может быть, мы должны защитить людей от них самих, подумал он. От ничтожных занятий и пустой болтовни. Они требуют от меня слишком многого. Горло его перехватило. Сколько будет еще потерь? Сыновей, надежд? Стоит ли всего этого будущее, открывшееся ему в видении? Кто в далеком будущем назовет живущим: если бы не Муад'Диб, вас не было бы!

– Отказом в меланже ничего не достигнешь, – произнесла Чани. – Просто навигаторы Гильдии потеряют способность ориентироваться в пространстве и времени. А твои гессеритки не смогут отличить правду от лжи. Многие просто умрут до срока. Расстроятся коммуникации. И кто будет виноват в этом?

– Ну, до этого не дойдет, они не допустят, – ответила Ирулан.

– Разве? – спросила Чани. – С чего бы это? Ведь не Гильдию же станут винить? Она подчеркнуто продемонстрирует свое бессилие.

– Мы подпишем договор, как он есть, – решил Пауль.

– Милорд, – произнес Стилгар, не поднимая глаз от стола, – всем нам в голову приходит один и тот же вопрос.

– Да? – Пауль внимательно посмотрел на старого фримена.

– Вы обладаете известными... силами, – произнес Стилгар. – Разве вы не можете обнаружить миры Антанты без помощи Гильдии?

Силами! – подумал Пауль. *Стилгар мог бы сказать прямо: ты ведь знаешь будущее... значит, можешь обнаружить в грядущем и тот путь, что ведет к Тупайле!*

¹ приспособление для письма.

Пауль глядел на золоченую поверхность стола. Вечно одно и то же: как объяснить необъяснимое? Разве поймут они естественную неполноту этого странного дарования? И как вообще может человек, чье сознание ни разу не преображала Пряность, воспринимать реальность, не содержащую конкретных сенсорных ощущений?

Он посмотрел на сестру. Та смотрела на Ирулан. Ощутив его взгляд, Алия кивнула в сторону принцессы. Ах-хх... да, любой их ответ непременно попадет в одно из специальных посланий Ирулан сестрам Бене Гессерит. Они все еще пытаются подыскать ключи к своему Квисатц Хадераху.

Но Стилгар заслуживал ответа, Ирулан тоже... в некоторой степени.

– Непосвященные пытаются видеть в предвидении будущее следствие естественного закона, – проговорил Пауль, положив руки перед собой. – С равным успехом можно утверждать, что так говорит с нами небо. И что способность прозревать будущее гармонично укладывается в суть человека. Другими словами, предсказание будущего естественным образом определяется подхватившей нас волной настоящего. Конечно же, способность эта маскируется в естественное обличье. Но силой нельзя пользоваться, заранее определив свои цели и намерения. Знает ли щепка, куда несет ее волна? Пророчество не подчиняется причинно-следственным законам. Причины превращаются в возможности или условия, место слияния, встречи различных течений. Допуская возможность предвидения, разум вынужден принимать несовместимые концепции. И потому он отвергает их, а отвергая, становится частью процесса реализации будущего.

– То есть ты не можешь этого сделать? – переспросил Стилгар.

– Если бы я попытался отыскать Тупайле подобным образом, – ответил Пауль, глядя прямо на Ирулан, – это скорее всего помогло бы ей укрыться от моего взора.

– Хаос! – пожаловалась Ирулан. – Никакой системы, логики.

– Я же сказал, что эта способность не подчиняется естественному закону, – пожал плечами Пауль.

– Значит, твое предвидение не беспредельно? Ты не все можешь увидеть? – настаивала Ирулан.

Но прежде чем Пауль успел ответить, Алия произнесла:

– Дорогая Ирулан, предвидение безгранично, но бессистемно. Вселенная вовсе не обязана быть упорядоченной.

– Но он говорил...

– Разве может даже брат мой описать границы беспредельного, если они ускользают от разума?

Не надо было Алие говорить это, подумал Пауль. Ирулан встревожится. Сознание ее осторожно, она во всем ищет четких границ. Взгляд его обратился к Корбе, тот сидел в позе почтительного поклонения и с трепетом фанатика «внимал всей душой». *Теперь и Квизарат осведомлен. Как же – еще одна тайна пророка! Еще один повод к благоговению? Естественно.*

– Итак, подписываем договор в его нынешнем виде? – спросил Стилгар.

Пауль улыбнулся. По мнению Стилгара, дальнейшие разговоры о силах пророков были излишни. Стилгар всегда стремился к победе, не к истине. Мир, справедливость, твердая валюта – на трех этих китах зиждется вселенная Стилгара, и ему нужен объект реальный и ощутимый – подпись под договором.

– Я подпишу, – ответил Пауль.

Стилгар взял другую папку.

– По последним сообщениям командиров полевых частей, в Иксианском секторе возобновилась агитация за конституцию. – Старый фримен поглядел на Чани, та пожала плечами.

Ирулан, сидевшая закрыв глаза ладонями в мнемоническом трансе, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пауля.

– Иксианская конфедерация обещает покорность, но их послы оспаривают размер имперского налога, который...

– Они хотят ограничить волю Императора рамками закона, – произнес Пауль, – и кто же собирается править мной: КООАМ или Ландсраад?

Стилгар извлек из папки записки на бумаге-инстрой.

– Этот меморандум один из наших агентов отослал прямо с закрытого заседания фракции меньшинства КООАМ в Ландсрааде. – Ровным голосом он зачитал текст:

– «Следует воспрепятствовать претензиям трона, рвущегося к самовластию. Мы должны поведать всем правду об Атрейдесе, о том, как маневрирует он между тремя основами – законодательством в лице Ландсраада, религиозной санкцией и бюрократической эффективностью». – Он убрал записку в папку.

– Конституция... – пробормотала Чани.

Пауль взглянул на нее, потом на Стилгара... подумал: *Итак, джихад выдыхается, но не настолько быстро, чтобы я сумел уцелеть.* Мысль эта вызвала эмоциональную реакцию. Он вспомнил первое видение, открывшее ему ужасы будущего джихада, охватившие его смятение и отвращение. После ему случалось видеть и более кошмарные видения. Вечное насилие повсюду. Своими глазами видел он, как в порыве воинского мистицизма сметают любое сопротивление мстители-фримены. Джихад приобретал новый вид. К счастью, его бытие недолговечно – миг в сравнении с вечностью, – но за ним уже маячили новые кошмары, затмевавшие все, что свершилось.

И все творится моим именем, думал Пауль.

– Быть может, лучше даровать им видимость конституции, – предложила Чани, – не реализовывая ее.

– Обман – один из инструментов правителя, – согласилась Ирулан.

– У любой власти есть границы. Воспользоваться ими всегда надеются многие из тех, кто добивается конституций.

Почтительно склонившийся Корба выпрямился:

– Мой господин?..

– Да? – отозвался Пауль. *Вот оно! Именно Корба может испытывать тайные симпатии к надуманной власти закона.*

– Конституция может иметь религиозную окраску, – начал Корба, – если обещать кое-что верным...

– Нет! – отрезал Пауль. – Будет приказ Совета. Регистрируешь, Ирулан?

– Да, милорд, – отвечала она прохладным тоном, еще раз выражая недовольство ролью секретаря, которую выполняла по его приказу.

– Конституция приводит к окончательному произволу, – начал диктовать Пауль. – Окаменелая структура обретает власть над обществом. Конституция пробуждает дремлющие социальные силы. Они равно сокрушают высоких и низких, любое достоинство и всякую личность. Конституции нестабильны, они неуравновешенны, в них отсутствуют ограничения. И будучи верны Нашему решительному и постоянному стремлению ограждать Наш народ, Мы настоящим запрещаем конституцию как таковую. Дано в Совете сего числа – ставь дату и все такое прочее.

– А как реагировать на озабоченность иксианцев величиной налога, милорд? – спросил Стилгар.

Пауль заставил себя оторваться от задумчивого и недовольного лица Корбы и произнес:

– Что ты предлагаешь, Стил?

– Налоги следует контролировать, сир.

– За мою подпись на Тупайльском договоре, – продолжил Пауль, – Гильдия уплатит согласием Иксианской конфедерации на наши налоги. Конфедерация торгует, используя корабли Гильдии. Они заплатят.

– Очень хорошо, милорд. – Стилгар извлек новую папку, прокашлялся. – Отчет Кви-зарата по Салусе Секундус. Отец Ирулан проводит маневры... отрабатывает высадку своего легиона.

На шее Ирулан внезапно задергалась жилка.

– Ирулан, – обратился к ней Пауль, – ты до сих пор продолжаешь настаивать, что легион твоего отца – всего лишь игрушка в руках старика?

– Что можно сделать с одним легионом? – спросила она, искоса взглянув на него.

– Например, погибнуть, – ответила Чани.

– А обвинят меня, – согласился Пауль.

– Многие из моих командиров закипели бы гневом, если бы только подобное стало известно.

– Но это же всего лишь полиция! – возразила Ирулан.

– Полиция не занимается маневрами, – произнес Пауль. – И я хочу, чтобы в одном из твоих посланий отцу в самое ближайшее время оказалось бы четкое и недвусмысленное изложение моего мнения по этому деликатному вопросу.

Она потупилась.

– Да, милорд. Надеюсь, что этого хватит. Впрочем, из отца выйдет хороший мученик.

– М-мм, – протянул Пауль, – без моего приказа сестра не станет извещать своих командиров.

– Нападение на моего отца сулит и другие неприятности, кроме военных, – добавила Ирулан. – Люди и так уже начинают не без сожаления вспоминать о его правлении.

– Когда-нибудь ты наконец зайдешь слишком далеко, – смертельно серьезным фрименским тоном произнесла Чани.

– Довольно вам! – приказал Пауль.

Он взвешивал выпад Ирулан... всеобщая ностальгия. Ах, конечно же, в словах ее слышалась правда! Ирулан опять доказала свою истинную цену.

– Бене Гессерит прислали официальное прошение, – произнес Стилгар, берясь за очередную документ. – Они обращаются к Императору по поводу сохранения его наследственной линии.

Чани искоса бросила взгляд на папку, словно в ней крылось нечто смертельно опасное.

– Отошли Сестрам обычные извинения, – отвечал Пауль.

– Зачем же? – возразила Ирулан.

– Быть может... пришла пора обсудить этот вопрос, – произнесла Чани.

Пауль отрицательно покачал головой. Никому не следует знать, что он еще не решился платить свою часть всей цены.

Но Чани было трудно остановить.

– Я побывала у молитвенной стены родного сиегча Табр, – сказала она. – У врачей тоже. Я преклонила колени в Пустыне, обратив свои помыслы к глубинам, в которых обитает Шай-Хулуд... Но, – она пожала плечами, – ничего не помогает.

Ни наука, ни суеверие не помогли ей, думал Пауль. И я тоже не помогу. Зачем ей знать, что случится, если она родит его – наследника Дома Атрейдес? – Он поглядел вдоль стола и увидел сочувствие в глазах Алии. Огонек сочувствия не вдохновлял его. Или же и она тоже видела эти ужасные перспективы?

– Господин мой знает, какими опасностями для государства чревато отсутствие у него наследника, – примешивая масляные интонации к Голосу Бене Гессерит, произнесла Ирулан. – Подобные вещи трудно обсуждать, учитывая их деликатность, но этот вопрос нельзя более

откладывать. Император не только мужчина. Он – символ государственной власти. В случае его смерти может разразиться гражданская война, если не будет наследника. Если ты действительно заботишься о своем народе, престол нельзя оставлять без наследника!

Пауль отодвинулся от стола, встал и подошел к балкону. За окнами ветер прижимал к земле дым городских очагов. На фоне темно-синего неба серебрился мелкий песок, по вечерам осыпавшийся с высот Барьерной Стены. Он глядел на юг, на горы, укрывавшие город от кориолисовых ветров, и думал: почему же сердцу его не дано покоя?

Совет молчаливо ожидал: все видели, насколько он близок к гневу.

Пауль почувствовал, как время обрушивается на него. Он пытался заставить себя вернуться к уравниловке многих вариантов... может быть, удастся повлиять на будущее.

Освободиться... освободиться... освободиться, думал он. Что, если взять Чани и вместе с нею искать убежища на Тупайле? Имя его останется. Джихад найдет себе новую, еще более грозную опору... Тогда его будут винить и в этом. Он вдруг испугался: потянувшись к чему-то новому, он неизбежно выронит свою главную драгоценность... ведь даже легкий шорох его движений способен повергнуть Вселенную в хаос, а обломки разлетятся во все стороны, так что потом не найти ни кусочка.

Внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяниях хаджа. Словно ползет, извиваясь, за проводником-арракинцем большая змея. Вид толпы напомнил Паулю, что приемный зал уже полон. Паломники! Их благочестивые странствия давали Империи при-скорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками. И они все шли, шли и шли.

Как это мне удалось растормошить всю Вселенную? – мысленно удивился он. *Ах, нет же, все вышло само собой. Все это заложено в генах, столетиями накапливалось напряжение, чтобы разрядиться в недолгом пароксизме.*

Движимые глубочайшим религиозным чувством, люди искали надежды на воскресение. Здесь и кончалось паломничество: «Арракис – место возрождения, место упокоения».

Старые зануды-фримены не переставали твердить, что планета привлекает пилигримов ради их воды.

Так чего же на самом деле ищут паломники? – думал Пауль. Они твердят, что здесь священное место. Но людям давно уже следовало понять, что во Вселенной нет Эдема для души, нет для нее Тупайле. Арракис они именовали местом тайн, где неведомое находит свое объяснение. Здесь завязывается связь между этим миром и следующим. Но все они отбывали восвояси удовлетворенными, и это пугало Пауля.

Что они здесь находят? – спрашивал он себя.

Часто в религиозном экстазе они наполняли улицы какими-то странными птичьими криками. Фримены так их и называли: «перелетные птицы». Те немногие, кто встретил здесь свою смерть, объявлены были «окрыленными душами».

Вздыхнув, Пауль подумал о том, что с каждой новой планеты, покоренной его легионами, немедленно начинает извергаться вереница паломников – в благодарность за мир, данный им Муад'Дибом.

Повсюду мир, думал он. *Почти повсюду... Только не в сердце моем.*

Ему казалось, что какая-то часть его сущности погружена в зябкую, промозглую мглу, не имеющую предела. Мощью пророка сокрушил он прежнее представление о Вселенной. Он потряс весь ранее безопасный космос, заменил благополучие джихадом. Он победил и пере-хитрил человеческий мир своим умением предвидеть будущее, но... Вселенная, похоже, пере-хитрила его.

Планету, по которой ступали его ноги, он повелел превратить в рай, сделать сад из Пустыни. И она жила, билось ее сердце, она отвечала, как человек: строптивница сопротивлялась, не покорялась, ускользала...

На ладонь его легла рука. Он искоса глянул вниз – Чани смотрела на него встревоженными глазами. Она словно впитывала его взглядом... шепнула:

– Пожалуйста, любимый, не противься велению твоего духа *рих*. – Ее сочувствие как бы перетекало из ладони, давало ему опору.

– Сихайя... – шепнул он.

– Надо скорей отправляться в Пустыню, – негромко проговорила она.

Он стиснул ее руку, отпустил, вернулся к столу и встал перед ним.

Чани села на свое место.

Крепко сжав губы, Ирулан глядела в разложенные перед Стилгаром бумаги.

– Ирулан предлагает себя в качестве матери наследника престола, – сказал Пауль, посмотрев на Чани, потом на Ирулан, не поднимавшую глаз. – Всем известно, что она не испытывает ко мне любви.

Ирулан застыла.

– Политические аргументы мне ясны, – начал Пауль, – но меня заботит мнение людей. Хочу сказать, что если бы действия консорт-принцессы не определялись приказами сестер-гессериток, если бы в основе ее предложения крылось не властолюбие, моя реакция, возможно, была бы другой. Но тщательно взвесив последствия, я отклоняю ее предложение.

Ирулан глубоко, со всхлипом, вздохнула.

Усаживаясь на место, Пауль подумал, что в его присутствии выдержка никогда еще так не отказывала ей. Наклонившись к ней, он сказал:

– Ирулан, мне в самом деле искренне жаль.

Яростно блеснув глазами, Ирулан вздернула подбородок.

– Твоей жалости мне не требуется! – прошипела она и, повернувшись в сторону Стилгара, спросила:

– Ну, что там еще спешного и неотложного?

Не отводя глаз от Пауля, Стилгар сказал:

– Еще один вопрос, милорд. Гильдия вновь просит разрешения направить на Арракис свое посольство.

– Что, из *этих*? Кто-то из уродов Глубокого Космоса?... – с фанатической ненавистью в голосе произнес Корба.

– Надо полагать, да, – подтвердил Стилгар.

– К вопросу этому следует отнестись с предельной осторожностью, милорд, – предупредил Корба. – Совет наибов не одобрит появления полноправного гильдиера на Арракисе. Они оскверняют землю, которую попирают...

– Они обитают в контейнерах и не прикасаются к почве, – ответил Пауль, давая раздражению проявиться в голосе.

– Тогда наибы могут сами взяться за урегулирование вопроса, милорд, – продолжал Корба.

Пауль бросил на него яростный взгляд.

– Они же прежде всего фримены, – настаивал тот. – Мы еще не забыли, что именно Гильдия возила сюда притеснителей. И как они выжимали с нас выкуп, Пряность, за молчание о наших секретах. Они обирали нас...

– Довольно, – отрезал Пауль, – или ты считаешь, что я забыл? – И словно смысл его собственных слов вдруг дошел до него, Корба сначала нечленораздельно забормотал, а потом проговорил:

– Простите, мой господин. Я вовсе не хотел сказать, что вы не фримен. Я не...

– Они пришлют сюда навигатора, – сказал Пауль. – А Гильд-навигатор шагу не сделает, если заподозрит опасность.

Пересохшим от внезапного страха ртом Ирулан выговорила:

– Так ты... *видел* прибытие навигатора?

– Конечно же, я *не видел* самого навигатора, – ответил Пауль, подражая ее интонации. – Но я видел, где он был и куда направился. Пусть они пришлют навигатора. У меня найдется дело и для него.

– Как прикажете, – отозвался Стилгар.

Пряча улыбку рукой, Ирулан думала: *Значит, верно. Император... не видит навигатора. Они не видят друг друга. Заговор останется в тайне.*

* * *

И вновь начинается драма.

(Слова Императора Пауля Муад'Дибя при вступлении на Львиный Престол)

Через потайное окошко Алия следила за двигавшимся по огромному приемному залу посольством Гильдии.

Резкий полуденный свет серебрил верхние окна, зеленые, синие и молочно-белые плитки мозаичного пола, изображавшего ручей, заросший водяными растениями, среди которых там и тут мелькали яркие очертания птиц и животных.

Гильдийцы ступали по плиткам, словно охотники, отслеживающие добычу в незнакомых им джунглях. Серые, черные, оранжевые одеяния в обманчивом беспорядке окружали прозрачный контейнер, в котором в клубах оранжевой дымки плавал навигатор-посол. Несомый гравиполями контейнер неслышно плыл вперед, направляемый двумя прислужниками в серой одежде, словно прямоугольный корабль, входящий в док.

Прямо под Алией на высоком подножье высился Львиный Престол. Голова Пауля была увенчана новой короной с символами рыбы и кулака. Шитые золотом царственные облачения укрывали его тело. Вокруг Императора трепетало свечение щита. Телохранители двумя рядами стояли вдоль лестницы и прохода. Двумя ступенями ниже по правую руку от Пауля замер Стилгар в белом одеянии, перепоясанном желтой веревкой.

Она чувствовала, что Пауль испытывал сейчас такое же, как и она, возбуждение, хотя едва ли кто-нибудь, кроме нее, мог бы заметить это. Внимание Императора было приковано к облаченному в оранжевое одеяние прислужнику, чьи слепо поблескивавшие металлические глаза глядели прямо вперед. Он шагнул возле переднего правого угла контейнера, словно охранник. Плоское лицо, кудрявые черные волосы... вся фигура его, каждый жест были такими знакомыми.

Дункан Айдахо!

Это не мог быть Дункан Айдахо, и тем не менее это было так.

Память, переданная матерью крохотному зародышу во время преобразования Пряности, давала Алие возможность с помощью рихани-декодировки распознать Айдахо в любом облике. Пауль видел Айдахо – она это знала, – Дункана он помнил со всей бесконечной благодарностью детства и юности.

Это был Дункан.

Алия поежилась. Ответ был только один. Перед ними гхола тлейлаксу, существо, созданное из мертвой плоти оригинала, – человека, который отдал свою жизнь, спасая Пауля. Плоть, вышедшая из аксолотль-баков.

Гхола выступал настороженной походкой мастера-фехтовальщика. Он остановился, едва контейнер с послем застыл в десяти шагах от ступеней, ведущих к трону.

Способом Бене Гессерит – куда деваться – Алия ощутила волнение Пауля. Он более не смотрел на это создание, вдруг возникшее из прошлого. Но и не глядя, всем своим существом чувствовал его присутствие. Напряженно кивнув послу Гильдии, Пауль произнес:

– Нам говорили, что тебя зовут Эдрик. Мы приветствуем твое присутствие при дворе и надеемся, что сможем по-новому понять друг друга.

Развалившийся посреди клубов оранжевого дыма навигатор отправил в рот оранжевую капсулу с меланжеей и тогда лишь поглядел на Пауля. Крошечный транслятор, круживший вокруг уголка его контейнера, сперва разразился покашливанием, а потом сухим бесстрастным голосом ответил:

– Простираюсь перед моим Императором и прошу разрешения представить верительные грамоты и вручить небольшой подарок.

Помощник передал свиток Стилгару, тот, хмурясь, проглядел его, а потом кивнул Паулю. Оба они повернулись к гхоле, терпеливо выжидавшему у подножия трона.

– Конечно же, мой Император уже увидел наш дар, – произнес Эдрик.

– С удовольствием принимаем верительные грамоты, – проговорил Пауль. – Объясни смысл подарка.

Эдрик колыхнулся в контейнере, обратившись лицом к гхоле.

– Вот человек по имени Хейт, – четко назвал он имя, – по нашим данным, его история весьма любопытна. Его убили здесь, на Арракисе... Серьезная рана в голову потребовала многих месяцев регенерации. Потом тело продали Бене Тлейлаксу, как тело мастера фехтования, адепта школы Гинац. Нам стало известно, что это Дункан Айдахо, приближенный вашего отца. И мы купили его, полагая, что такой дар действительно достоин Императора. – Эдрик посмотрел на Пауля. – Сир, разве это не Айдахо?

В коротком ответе Пауля слышалась сдержанность и осторожность:

– Похож.

Неужели Пауль увидел в нем что-то, скрытое от меня, гадала Алиа. Нет! Это Дункан!..

Человек по имени Хейт стоял спокойно и невозмутимо, металлические глаза его глядели вперед, словно речь шла не о нем.

– Наши сведения абсолютно точны. Это Айдахо, – сказал Эдрик.

– Теперь его зовут Хейт, – проговорил Пауль. – Любопытное имя.

– Сир, незачем нам гадать о смысле имен, которые дают тлейлаксу, – проговорил Эдрик. – Имя легко изменить, имя, данное ему тлейлаксу, не имеет значения.

Дело рук тлейлаксу, думал Пауль, в этом вся проблема. Бене Тлейлаксу почти не интересовались нравственной сутью явления. В их философии добро и зло имели странный смысл. Так что же заложили они в возрожденную плоть Айдахо – с умыслом или по прихоти?

Пауль взглянул на Стилгара, заметил на лице фримена суеверный трепет. Чувство это читалось и на бородатых физиономиях фрименов-стражей. Конечно же, размышляют о мерзких повадках гильдиеров и святотатцев-тлейлаксу, создателей кошунственных гхол.

Повернувшись к гхоле, Пауль произнес:

– Хейт, одно ли у тебя имя?

Смуглое лицо гхолы озарила ясная улыбка. Невыразительные металлические глаза его обратились к Паулю.

– Так меня называют, мой господин, – Хейт.

Алиа вздрогнула возле потайного окошка. Голос этот принадлежал Айдахо, таким он был запечатлен в ее клетках.

– Если это угодно милорду, – добавил гхола, – могу сказать, что голос его доставляет мне удовольствие. Бене Тлейлаксу объяснили мне: подобное означает, что мне приходилось слышать голос милорда... прежде.

– Но сам ты не уверен в этом? – спросил Пауль.

– Я не знаю ничего о моем прошлом, сир. Мне объяснили, что я не могу помнить свою прошлую жизнь. След ее сохранился только в генетическом коде. Остались ниши, в которых

могут уложиться давно знакомые вещи. Голоса, места, еда, лица, звуки, действия... меч в руке, рукоятки управления топтером.

Заметив, сколь внимательно прислушивается к разговору гильдиец, Пауль спросил Хейта:

– Понимаешь ли ты, что подарен мне?

– Мне уже объяснили.

Пауль откинулся назад, положив ладони на подручья трона.

В долгу ли я перед плотью Дункана? – размышлял он. *Человек этот умер, спасая мою жизнь. Но сейчас передо мной не Айдахо – гхола.* И все же это тело и этот разум и научили Пауля пилотировать топтер, как если бы крылья аппарата росли из его собственных плеч, а в бою он полагался на умение, которое со строгостью и тщанием было передано ему Айдахо. Гхола, плоть, в которой ложь мешается с истиной, но как... и не разобрать. Воспоминания будут влиять на отношение к нему. Дункан Айдахо. Это не мертвая маска, а подвижная, меняющаяся личность, скрывающая своими знакомыми чертами то, что тлейлаксу заложили в ее глубины.

– Какую службу можешь ты выполнить для нас? – спросил Пауль.

– Что прикажет милорд, если это будет мне по силам.

Алию, следившую за происходящим со своего наблюдательного поста, тронула застенчивость гхола. Она не ощущала в нем никакой фальши. Новый Дункан Айдахо изнутри светился невинностью. Конечно, оригинал был забиякой, далеко не чуждым плотских удовольствий. Плоть очистилась... Что написали на этом чистом листе тлейлаксу?

Она почувствовала вдруг, что дар этот опасен. Работа тлейлаксу. А их творения всегда обнаруживали возмутительное отсутствие моральных ограничений. Действиями тлейлаксу могло руководить одно лишь любопытство. Они похвалялись, что, имея необработанный человеческий материал, могут создать из него что угодно – дьявола или святого. Они торговали ментатами-убийцами. И сумели сделать убийцей врача, одолев запреты школ Сукк. Среди товаров их числилась услужливая челядь, покладистые игрушки для любой разновидности секса, солдаты, генералы, философы... изредка попадались даже моралисты.

Пауль повернулся, взглянул на Эдрика.

– Какое обучение прошел этот дар? – спросил он.

– С разрешения милорда, – начал Эдрик, – тлейлаксу показалось любопытным сделать этого гхолу ментатом и философом-дзенсуннитом – этим они рассчитывали усовершенствовать его фехтовальное мастерство.

– Им это удалось?

– Не знаю, милорд.

Пауль взвешивал ответы гильдийца. Чувство правды подсказывало ему: Эдрик не лжет, он уверен, что перед ними Айдахо. Пауль знал – воды времени, которые мутит своим присутствием пророк-навигатор, предвещали опасность... но не открывали ее природы. *Хейт*. Это имя, данное тлейлаксу, сулило беду. Пауль почувствовал искушение отвергнуть подарок. Но как только осознал это, понял, что не сможет воспользоваться этим путем. Дом Атрейдес в долгу перед этой плотью... и враги знали об этом.

– Философ-дзенсуннит, – задумчиво молвил Пауль, глядя на гхолу. – Успел ли ты уже обдумать свою роль в жизни и мотивы поступков?

– Я со смирением подхожу к своей службе, сир. И разум мой чист, он отмыт ото всех императивов, важных для прежней моей жизни.

– Как ты хочешь, чтобы тебя называли: Хейт или Дункан Айдахо?

– Милорд может звать меня как угодно ему, ведь мое имя – это не мое «я».

– Но для твоего слуха приятно имя Дункана Айдахо?

– Должно быть, так меня и называли, сир. Имя кажется мне подходящим. Но... есть в нем кое-что любопытное. Впрочем, за любым именем, по-моему, кроется и приятное, и неприятное.

– А что доставляет тебе наибольшее удовольствие? – спросил Пауль.

Гхола неожиданно усмехнулся в ответ:

– Отыскивать в людях признаки моего прошлого бытия.

– И ты замечаешь их сейчас?

– О да, милорд. Вот Стилгар – его раздирают подозрительность и восхищение. В прошлом он был мне другом, но плоть гхолы отталкивает его. Вы же, милорд, восхищались человеком, которым я был... и доверяли ему.

– Очищенный разум... – сказал Пауль. – Как может очищенный разум связать себя долгом по отношению к нам?

– Долгом, милорд? Очищенный разум принимает решение, будучи окружен неизвестными величинами и без учета причин и следствий. Где же здесь долг?

Пауль нахмурился. Типично дзенсуннитское высказывание – загадочное и исчерпывающее, проистекающее из отрицания объективной функции рассудка. «Без учета причин и следствий!» Такие слова поражают. «Неизвестные величины?» – они содержатся в любом решении, даже в провидческом озарении.

– А ты не хотел бы, чтобы тебя называли Дунканом Айдахо? – спросил Пауль.

– Жизнь строится на различиях, милорд. Выберите для меня имя, какое будет угодно вам.

– Пусть останется полученное тобой от тлейлаксу, – ответил Пауль. – Хейт – это имя будет напоминать мне об осторожности.

Склонившись, Хейт отступил на шаг.

Как он смог понять, что аудиенция окончена? – удивилась Алия. *Я знаю это, потому что знаю моего брата. Очевидных для незнакомца признаков не было. Неужели это понял заключенный в гhole Дункан?*

Пауль повернулся к послу.

– Для посольства выделены апартаменты. Мы желаем иметь частную беседу с тобой при первой же возможности. Я пришла за тобой. Далее, хочу уведомить тебя, прежде чем ты услышишь эту весть из недостоверного источника и в искаженном виде, что Гайя-Елена Мохийам – Преподобная Мать Бене Гессерит – снята с доставившего тебя лайнера. Это было сделано по нашему повелению: ее присутствие на твоём корабле будет одним из предметов наших переговоров.

Мановением левой руки Пауль отпустил послов.

– Хейт, останься, – обратился он к гhole.

Помощники посла попятись, толкая в обратную сторону контейнер. Эдрик стал оранжевым силуэтом в оранжевом газе – глаза, рот, плавно движущиеся конечности.

Пауль следил за гильдийцами, пока последний не вышел из зала... наконец тяжелые двери захлопнулись.

Ну вот и все, подумал Пауль. Я принял дар – гхолу. Наживку, подготовленную тлейлаксу, – в этом сомнения быть не могло. Быть может, и старая карга – Преподобная Мать – играет такую же роль. Наступило время Таро, о котором он знал еще по первым видениям. Проклятое Таро! Оно замутило воды времени так, что он, пророк, не видел грядущего даже на час вперед. Но не все рыбины попадаются, иной удаётся сорваться с крючка, подумал он. Таро и помогало, и мешало ему. Он не видел будущего, но его наверняка не могли видеть и остальные.

Гхола ждал, наклонив голову набок.

Стилгар повернулся, шагнул в сторону, закрывая собой от Императора гхолу, и проговорил на чакобса – на древнем охотничьем языке их дней в сиегках:

– Сир, уже сама эта тварь в контейнере заставляет меня испытывать гадливость, но подарок!.. Отошлите его!

На том же языке Пауль отвечал:

– Не могу.

– Айдахо умер, – запротестовал Стилгар, – это не Айдахо. Разрешите, я возьму его воду для племени.

– Стил, гхола – моя проблема. Займись пленницей. Охранять ее должны люди, которых я учил противостоять Голосу.

– Не нравится мне это, сир.

– Я буду осторожен, Стил. Тебе тоже следует помнить об осторожности.

– Ну хорошо, сир, – ответил Стилгар, спускаясь вниз от подножия трона. Проходя мимо Хейта, он понюхал воздух.

Зло да будет обнаружено по воню его, подумал Пауль. Что же, пусть Стилгар успел водрузить черно-зеленое знамя Атрейдесов на доброй дюжине миров, но в душе своей по-прежнему остался суеверным фрименом, издавек видящим любое коварство.

Пауль вглядывался в дар.

– Дункан, Дункан, – прошептал он. – Что они с тобой сделали...

– Дали мне жизнь, милорд, – отвечал Хейт.

– Но зачем же они все это сделали: обучали тебя и подарили мне? – спросил он.

Хейт поджал губы, потом ответил:

– Они надеются погубить вас моими руками.

Жуткая откровенность. Но чего же еще следует ожидать от ментата и дзенсуннита в одном лице? Ментат, даже будучи гхой, вынужден говорить только правду... этого требует и внутренний покой дзенсуннита. Живой и разумный компьютер, разум и нервы его предназначены для выполнения функций расчетных устройств, преданных анафеме в давние времена. Но как дзенсуннит Хейт будет честен вдвойне... если только тлейлаксу не умудрились встроить в эту плоть ничего еще более странного.

Зачем ему, например, металлические глаза? Тлейлаксу все хвалятся, что эти их устройства лучше естественных. Только, как ни странно, сами их не используют.

Пауль глянул вверх – на потайное окошко Алии, ему хотелось немедленно увидеть ее, посоветоваться, ведь чувств сестры не замутняли благодарности и долг.

Он вновь посмотрел на гхолу. Отнюдь не легкомысленный дар. Честен в самых опасных вопросах.

Им безразлично – знаю я или нет, что это оружие направлено против меня, думал Пауль.

– А как я могу защититься от тебя? – спросил Пауль. Разговор шел прямой, без императорского «мы»: так он разговаривал бы с тем, прежним Айдахо.

– Отошлите меня, милорд.

Пауль покачал головой.

– Как ты должен погубить меня?

Хейт взглянул на охрану, немедленно обступившую Пауля, едва вышел Стилгар, повернулся. Обвел зал взглядом, вновь обратив к Паулю металлические глаза, кивнул.

– В этом зале человек удаляется от людей, – проговорил Хейт. – Все здесь исполнено мощи, которую можно переносить лишь памятуя, что всему когда-то приходит конец. Не пророческий ли дар привел вас в этот зал, милорд?

Пауль побарабанил пальцами по подлокотникам трона. Ментат требовал исходных данных, но вопрос встревожил Пауля.

– Я оказался здесь... по собственной воле, – но не всегда благодаря прочим моим... способностям.

– Собственная воля, – произнес Хейт, – закаляет мужа. Но если нагреть металл и оставить его медленно остывать, он вновь станет мягким.

– Пускаешь пыль мне в глаза, дзенсуннит? – спросил Пауль.

– Сир, дзенсуннитам некогда заниматься надувательством и обманом.

Пауль провел языком по губам, глубоко вздохнул, приводя мышление в спокойствие, как подобает ментату. Ответы были сплошь отрицательными. Зачем ему, презрев осторожность, принимать странный подарок – гхолу? Нет, не так. Почему тлейлаксу сделали именно *ментата-дзенсуннита*? Философия... слова... размышления... внутренний поиск... Данных не хватало.

– Необходима информация, – пробормотал он.

– Факты, в которых ощущает потребность ментат, не липнут к нему сами, словно цветочная пыльца к одежде праздного гуляки на лугу, – отвечал Хейт. – Свою пыльцу следует собирать с тщанием, рассматривать через сильную лупу.

– Ты должен научить меня дзенсуннитской риторике, – заметил Пауль.

Металлические глаза коротко блеснули.

– Быть может, милорд, именно это и запланировали тлейлаксу.

Чтобы ослабить мою волю идеями и словами? – думал Пауль.

– Идей следует опасаться, лишь когда они становятся действиями, – произнес он вслух.

– Отошлите меня, сир, – сказал Хейт голосом прежнего Дункана Айдахо, полным заботы о «молодом хозяине».

Голос и покорила Пауля. Знакомый голос... он не мог с ним расстаться, хотя бы он и исходил из уст гхолы.

– Ты останешься, – приказал он. – Будем осторожны – и ты, и я.

Хейт почтительно склонился.

Пауль поглядел вверх, на скрытое там окошко, взглядом умоляя Алию заняться подарком и выудить его секреты. Гхолами-призраками пугают детей. Он не думал, что когда-нибудь и ему придется встретиться с подобным существом. Чтобы понять этого гхолу, надо встать выше всего, выше сострадания... Пауль не знал, окажется ли способным на это. *Дункан...* Дункан. Есть ли хоть кроха *того* Айдахо в этой искусно сработанной плоти? Да и не плоть это вовсе – это только телесный саван. Мертвый Айдахо навсегда остался лежать на полу пещеры, а здесь смотрел металлическими глазами только его призрак. В этой возрожденной плоти уживались два существа, и одно из них таило в себе угрозу, скрывая свою силу за незабвенной внешностью.

Закрыв глаза, Пауль позволил себе припомнить давнишние видения. Любовь переплеталась с ненавистью, из волн, поднимаемых ими в разбушевавшемся хаосе чувств, нечему было встать скалой, чтобы дать ему оглядеться посреди сумятицы бури.

Почему в своих прежних откровениях я не видел обновленного Дункана Айдахо? – спросил он себя. *Кто или что может спрятать грядущее от пророка?.. Вероятно, только другой провидец.*

Открыв глаза, Пауль произнес:

– Хейт, а пророческими способностями ты обладаешь?

– Нет, милорд.

В голосе его слышалась искренность. Впрочем, гхола может не знать, что на самом деле владеет этой способностью, хотя незнание ограничивало бы его возможности ментата. Что же замыслили эти тлейлаксу?

Прежние видения вздымались вокруг Пауля. Придется ли ему все же выбрать ужасный путь? Искаженное время содержало намеки на роль гхолы в этом страшном будущем. Неужели ему не остается выхода, что бы он ни делал?

Освободись... освободись... освободись... – звучало в душе Пауля.

Вверху, над головой Пауля, Алия, подперев подбородок рукой, глядела из окна на гхолу. Магнетизм, исходивший от этого существа, успел захватить ее. Реставраторы тела, тлейлаксу, вернули ему юность, даже невинность, столь притягательную для нее. Она словно слышала безмолвную мольбу брата. Если беспомощен оракул, приходится обращаться к обычным шпионам и прочим повседневным орудиям власти. Но ее озадачило невесть откуда взявшееся нетерпение, с которым она собиралась приступить к делу. Ей хотелось быть рядом с этим мужчиной... прикоснуться к нему.

Он опасен... для нас обоих, подумала Алия.

* * *

Излишне тщательный анализ искажает истину.
(Древнее фрименское изречение)

– Преподобная Мать, я просто содрогаюсь, видя вас в подобной ситуации, – произнесла Ирулан.

Она остановилась прямо у двери в камеру, оглядывая помещение привычным способом Бене Гессерит. Трехметровый куб вырезан был внутри пронизанных прожилками бурых скал, на которых стояла крепость Пауля. Из мебели в ней находилось одно лишь плетеное кресло, занятое теперь Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам, да матрац под коричневым покрывалом, на котором была разложена новая колода карт Таро Дюны. Умывальник с водным счетчиком висел над фильтрующей раковиной, у стены стоял фрименский туалет с водными уплотнениями и влагоперерабатывающими устройствами. Четыре плавающие лампы за решетками по углам помещения бросали в комнату желтый свет. Далеко не роскошные палаты...

– Ты известила о случившемся леди Джессику? – спросила Преподобная Мать.

– Конечно... только она и пальцем не шевельнет против воли своего первенца, – ответила Ирулан. Она поглядела на карты. Власти отворачивали свой лик от просителей. Карта «Великий Червь» лежала под «Песками удаленными». Требуется терпение. Стоило прибегать к Таро, чтобы понять это!..

Снаружи через окошко из метастекла за ними следил охранник. Ирулан понимала: за их встречей следят и по-другому. А потому тщательно продумала весь разговор, прежде чем осмелилась спуститься к Преподобной. Она могла бы и не соваться сюда, но в этом крылась своя опасность...

Перекладывая карты, Преподобная Мать погрузилась в праджна-медитацию. И хотя она была почти уверена, что Арракис живой ей не оставит, занятие это возвращало известное спокойствие. Мутная вода останется мутной для любого – и для пророка тоже. И, конечно, всегда оставалась Литания против страха.

Ей надо было еще тщательно взвесить все свои действия, в результате которых она оказалась в этой камере. Мрачные подозрения бродили в ее голове, и карты Таро намекали... Неужели Гильдия рассчитывала на ее заточение?

В салоне лайнера ее поджидал квизара тафвид в желтых одеждах. Округлое невозмутимое лицо его с глазами-бусинами выдубили бури и солнце Арракиса. Оторвав свой взгляд от чашки со сдобренным Пряностью кофе, поданной услужливым стюардом, он взглянул на Преподобную, поставил чашку, а потом спросил:

– Ты – Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам?

Воспоминание об этих словах оживило события в ее памяти. Горло ее сразу стиснул непреодолимый страх. Как мог кто-нибудь из прислужников Императора узнать о том, что она здесь, на лайнере?

– Нам стало известно, что ты на борту, – произнес квизара тафвид. – Разве ты забыла, что лишена права ступить на священную планету?

– Но я не собиралась сходить на Арракисе, – возразила она, – я нахожусь в свободном пространстве, путешествую на лайнере Гильдии.

– Такой вещи, как «свободное пространство», мадам, не существует.

В его голосе она слышала ненависть и подозрение.

– Муад’Диб правит повсюду, – наставительно проговорил он.

– Но я же направляюсь не на Арракис, – повторила она.

– Все направляются на Арракис, – возразил он. На мгновение ей даже показалось, что он вот-вот процитирует какую-нибудь банальность из мистических наставлений для пилигримов – тысячи их прибыли с этим кораблем.

Но квизара тафвид извлек из-под одеяний золотой амулет, поцеловал его, потом приложил ко лбу, потом к уху, прислушался. Затем убрал амулет на прежнее место.

– Тебе приказано собираться и отправляться со мной на Арракис.

– Но у меня дела...

Тогда она и заподозрила в предательстве Гильдию... но Император и сестра его тоже могли проявить свои трансцендентные силы. В конце концов Гильд-навигатор мог и сплеховать – что, если ему все же не удалось скрыть заговорщиков от пророческого взора Императора?

Отвратительная Алия безусловно наделена могуществом Преподобной Матери Ордена. И что происходит, когда к этому могуществу добавляются такие же силы, какими наделен ее брат?..

– Немедленно! – отрезал квизара.

Все существо ее протестовало, она так не хотела снова оказаться на проклятой иссушенной солнцем планете, на которой эта бунтовщица Джессика предала Орден. На планете, укравшей у них Пауля Атрейдеса, Квисатц Хадераха, результат кропотливых тысячелетних трудов.

– Немедленно, – согласилась она.

– Торопись, – произнес квизара. – Когда Император приказывает, подданные повинуются.

Значит, приказ исходил от самого Пауля!

Она было подумала, не обратиться ли с протестом к Командир-навигатору, но явная тщетность этого остановила ее. Что тут может сделать Гильдия?

– Император обещал казнить меня, если я вновь ступлю на Дюну, – в последней надежде проговорила она. – Ты это знаешь. А значит, подписываешь мне смертный приговор, забирая меня отсюда.

– Разговоры бесполезны, – отвечал квизара, – так предначертано.

Вот каким словом называется теперь воля Императора. *Предначертано!* Так изрек Священный Правитель, прозревающий будущее. Пусть свершится *предначертанное*. Ведь он это видел уже, разве не так?

Напоминая себе самой паучиху, запутавшуюся в собственной паутине, она повиновалась.

Паутина превратилась в камеру... куда только что вошла Ирулан. Она чуточку постарела со времени их последней встречи на Валлахе IX. Новые морщинки залегли возле глаз, новые горести, ну что же... пора проверить, сохранила ли эта сестра верность своим обетам.

– Мне случалось жить и в худших помещениях, – отвечала Преподобная Мать. – Тебя прислал Император? – и пальцы ее шевельнулись как бы в волнении.

Ирулан заметила жест и пальцами же ответила, вслух говоря:

– Нет, я явилась сразу же, как только узнала о вашем появлении здесь.

– А Император не разгневается? – спросила Преподобная Мать. Пальцы ее настаивали, требовали, повелевали.

– Пусть. Вы были моей наставницей в Ордене, как и наставницей его матери. Или он надеется, что и я отвернулась от вас, как это сделала она? – Пальцы Ирулан уговаривали, извинялись.

Преподобная вздохнула. Внешне вздох узницы относился к собственной участи, на деле же это была скорбь о судьбе Ирулан. Все тщетно. С помощью этого орудия – Ирулан – больше нельзя надеяться сохранить драгоценные гены Императора Атрейдеса. Красота красотой, но красавица-принцесса имеет важный порок. Под покровом сексуальной привлекательности кроется плакса-проныра, для которой слова важнее дел.

Но Ирулан – одна из Сестер, а Орден умеет извлекать пользу и из самых слабых своих представительниц.

Под прикрытием разговора о более съедобной пище и более удобном ложе Преподобная Мать прибегла к своему арсеналу средств убеждения и отдала распоряжение: подумать о родственном браке и о том, как свести брата с сестрой. (Этот приказ едва не доконал Ирулан.)

«Но ведь и у меня должен быть шанс!» – настаивали ее пальцы.

«Шанс у тебя был», – возразила Преподобная. В остальном инструкции ее касались подробностей: не сердится ли иногда Император на свою наложницу? Уникальные способности обрекают его на одиночество. Так с кем он может общаться, рассчитывая, что его поймут? Только с сестрой. И она в свой черед одинока в той же мере, как и он сам. Насколько глубоки основы их общности? Придется подстроить возможность их сближения, интимных встреч. Нужно организовать устранение наложницы! Горе разрушает любые моральные барьеры!

Ирулан возражала: *«В случае смерти Чани подозрения сразу же падут на консорт-принцессу. Появилась новая проблема: Чани полностью перешла на древнюю диету фрименов, способствующую беременности, и добавлять контрацептивы в ее пищу теперь невозможно. А отсутствие этих уже привычных средств сделает организм Чани еще более восприимчивым к оплодотворению».*

Преподобная Мать вспыхнула гневом и с трудом сдерживала его, быстро перебирая пальцами. Почему Ирулан не начала прямо с этого? Откуда подобная тупость? Ведь если Чани понесет и родит сына, Император провозгласит его своим наследником!

Ирулан возражала: она, конечно, понимает опасность, но все-таки в этом случае сохраняются драгоценные гены.

«Проклятая дура!» – бушевала Преподобная Мать. Разве можно даже представить, какую путаницу и какой хаос может внести Чани, влив в жилы наследника Пауля дикую фрименскую кровь! Ордену нужна чистокровная линия! К тому же наследник укрепит амбиции Пауля, побудит его к новым действиям для консолидации империи. Лишнее препятствие для заговорщиков.

Оправдываясь, Ирулан поинтересовалась, каким, собственно, путем может она помешать Чани питаться, как принято в подобных случаях среди фрименов.

Но Преподобная была не в духе. Ирулан получит новые точные указания. Если же Чани все-таки забеременеет, в еду ее и питье можно добавить средства, приводящие к выкидышу. Ну или же... убить ее в конце концов! Дети ее любой ценой не должны оказаться на троне.

«Но если эти снадобья обнаружатся, последствия могут быть столь же серьезными, как и в случае прямого покушения на жизнь наложницы», – возразила Ирулан. И сама только мысль об убийстве в данном случае вызывает в ней трепет.

«Значит, Ирулан боится?» – осведомилась Преподобная Мать. Движения ее пальцев выражали презрение.

Ирулан раздраженно ответила, что знает себе цену, – где еще Орден сыщет такого агента в Императорском доме? Или подобная ценность ни к чему заговорщикам? Значит, они в состоянии позволить себе пожертвовать ею? А кто будет потом шпионить за Императором? Или в

Семье успели завербовать нового агента? Конечно, в этом случае ею можно воспользоваться в последний раз, а потом выбросить за ненадобностью.

«На войне, – возразила Преподобная Мать, – у всякой ценности своя цена. Дом Атрей-дес не должен закрепиться на троне, худшего быть не может. Сестры не могут пойти на такой риск. Уж лучше вообще потерять гены Атрейдесов. Если дети Пауля унаследуют трон, планы Сестер придется отложить на столетия».

Ирулан согласилась с этим, но все равно не могла отделаться от ощущения, что ее, консорт-принцессу, решили попросту истратить... пусть и на что-то очень важное. И все ли, что нужно, ей известно о гхоло?

В свой черед Преподобная Мать пожелала узнать, не решила ли Ирулан, что в Орден поступают одни только дуры. Когда же это принцессе забывали сообщить хоть каплю того, что ей положено знать?

Это был, собственно, не ответ, а попытка уклониться от ответа, как мгновенно поняла Ирулан. Значит, ей скажут лишь то, что необходимо.

«Откуда тогда уверенность в том, что гхола действительно может победить Императора?» – поинтересовалась Ирулан.

«С тем же успехом можно спрашивать, смертельно ли употребление Пряности», – огрызнулась Преподобная Мать.

В ее укоризне содержался тонкий намек. Наставница-Преподобная давала Ирулан понять, что о сходстве между гхой и Пряностью ей давно уже следовало бы догадаться. Меланжа бесценна, но ее цена – привыкание. Люди, принимавшие ее, жили дольше – на годы, случалось, на целые десятилетия, – но наркотик этот попросту отправлял к смерти кружным путем.

Гхола – тоже имеет смертельную ценность.

Возвращаясь к Чани, Преподобная Мать жестами объяснила: *«Нет более очевидного способа предотвратить появление нежелательного ребенка, чем убить его потенциальную мать, пока она даже не зачала его».*

Конечно, думала Ирулан, если идешь на расходы, следует извлечь максимум удовольствия из затраченной суммы.

Темные глаза Преподобной отливали голубизной – сказывалось употребление меланжи, – они внимательно глядели на Ирулан, измеряя, выжидая, отмечая мельчайшие детали.

Она видит меня насквозь, с горечью подумала Ирулан. Она обучала меня и внимательно следила за мною. И прекрасно знает, на какого рода решения толкает меня, и видит, что и я понимаю это. Она только наблюдает, какой ценой дастся мне решение. Хорошо же, отвечу как принцесса и гессеритка.

Выдав улыбку, Ирулан выпрямилась и обратилась к начальным строкам Литании против страха: *«Я не боюсь, я не должна бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его...»*

Когда спокойствие возвратилось, она подумала: *Ну и пусть... пусть себе жертвуют мною. Я покажу им, чего стоят принцессы. Хотя бы тем, что Сестры получают за меня больше, чем ждут.*

И, обменявшись с Преподобной несколькими словесными банальностями, Ирулан удалилась.

Когда она вышла, Преподобная Мать вернулась к прерванным раздумьям над Таро, разложив карты «огненным вихрем». Из Большого Аркана сразу же вышел Квисатц Хадерах, карта эта соединялась с Восьмеркой Кораблей – сивиллой, одураченной и преданной. Недоброе предзнаменование, у врагов оставались скрытые возможности.

Отвернувшись от карт, она с тревогой подумала: *Неужели Ирулан все-таки погубит их?*

* * *

В глазах фрименов она неразрывно связана с Землей, полубогиня-хранительница, защищающая племена всей своей губительной мощью. Для них она – Преподобная Преподобных. Как полагают паломники, она возвращает мужчинам утраченную мужскую силу, исцеляет бесплодие... а еще она для них ментат навыворот. В ней воплощена достигающая предела тоска человека по тайне. Она – живое свидетельство того, что у логики есть свои ограничения, границы, вне которых она бессильна. Она – воплощение абсолютной напряженности. Дева и девка одновременно – она остроумна, вульгарна, жестока... прихоти ее губительны, словно кориолисова буря.
(Из отчета принцессы Ирулан о Святой Алие, Деве Ножа)

Черная фигура Алии застыла, как часовой, на южной платформе посвященного ей храма, Святилища Оракула, – фримены Пауля воздвигли храм рядом с крепостью.

Эту часть своей жизни она ненавидела, но не знала, как уклониться, не погубив сразу всех. Число паломников – проклятье на их безумные головы! – день ото дня умножалось. Двор храма уже был заполнен ими. Повсюду сновали торговцы, ворожеи, гаруспики², гадатели жалким подражанием Паулю Муад'Дибу и его сестре зарабатывали свои гроши.

Разносчики вовсю торговали колодами Таро Дюны в красных и зеленых упаковках. Алиа не переставала удивляться – кто только выбросил эти штуки на рынок Арракина? Почему интерес к Таро вспыхнул именно теперь? Чтобы замутить будущее? Пряность наделяла каждого, кто принимал ее, некоторой способностью к предвидению. Ну а фримены всегда особенно отличались этим. Случайно ли, что сейчас они повсюду бормочут о приметах и знамениях? Она решила при первой же возможности заняться этим вопросом.

С юго-востока задувал ветер, легкий бриз, укрощенный громадным каменным валом. Кромка скал Барьерной Стены оранжево светилась сквозь легкую пыльную пелену, отражая лучи опускавшегося к горизонту солнца. Горячий ветер тронул ее щеки, напомнив о родных песках, об открытых и безопасных просторах.

Остатки сегодняшней толпы уже спускались с широких ступеней нижнего портика, выложенных зеленым камнем, люди шли по одному и группами, кое-кто задерживался поглядеть на сувениры и амулеты на лотках уличных торговцев, заводил разговор с заклинателями. Паломники, просители, городской люд, фримены, торговцы... неровной цепочкой возвращались они к центру города по обсаженной пальмами аллее.

Взгляд Алии отыскал фрименов, отметил суеверное преклонение на их лицах, дикарскую привычку держаться в стороне ото всех. В них была сила ее и всегдашний источник угрозы. Они попрежнему ловили гигантских червей для путешествий, удалого развлечения и жертвоприношений. Пилигримов с иных миров они презирали, городской люд – жителей низин и грабенов – еле-еле терпели, а циничных, с их точки зрения, уличных торговцев яро ненавидели... Вольного или, как говорили в городах, «дикого» фримена не стоило задирать нигде, даже в святилище Алии. В святых местах, конечно, никакой резни не случалось, просто потом где-нибудь находили тела...

Над толпой клубилась пыль. Кремнистый запах щекотал ноздри Алии, внушая ей ностальгию по просторам Пустыни. Воспоминания только обострились после появления гхолы. Сколько удовольствий приносили эти бесхитростные дни, когда брат ее еще не взошел на трон... находилось время на шутки, на всякие мелочи, можно было позволить себе просто

² Предсказатели будущего по внутренностям животных (первоначально у этрусков, затем у римлян).

насладиться прохладным утром или закатом... Сколько же тогда его было – времени... времени... времени... Даже опасности были тогда добрыми – смерть приходила известным путем. И не было необходимости вечно напрягать свои силы – заглядывать в будущее, за туманную пелену, в разрывах которой лишь изредка теперь проглядывало грядущее.

...Вольные фримены правильно говорили: есть четыре вещи, которые не спрячешь – любовь, дым, столб пламени и мужчина, шагающий по бледу – каменистой Пустыне.

С внезапным отвращением Алия отступила с террасы в сумеречные помещения храма, прошла вдоль балкона, тянувшегося вдоль роскошного Зала Пророчеств. Под ногами ее скрипел песок. Вечно эти просители наносят его в Святые Палаты. Не обращая внимания на прислугу, охрану, вездесущих сикофантов – жрецов Квизарата, она направилась по спиральному коридору наверх, в собственные апартаменты. Оказавшись среди диванов и толстых ковров работы Пустынных мастериц, она отпустила фрименских амазонок, отобранных Стилгаром для ее охраны. Или скорее надзора! Бормоча возражения, они удалились: ее они все-таки боялись больше, чем Стилгара. Алия сбросила с себя всю одежду – оставив только крис на шнурке, – отправилась принимать ванну.

Теперь Алия ощущала – он близок, этот таинственный мужчина из будущего; она всегда знала, что он ждет ее, но увидеть не могла. А потому злилась, что при всем своем пророческом даре не могла представить себе во плоти этот призрак. Лишь изредка он отбрасывал тень на иные жизни, известные ей. Случалось, что по ночам, когда невинность томило желание, Алия угадывала неясный силуэт, он все время прятался за размытым горизонтом, и ей все казалось, что, если хорошенько захотеть, она увидит его. Так и таился он, незримый, не давая ей покоя... свирепый, опасный и аморальный.

В ванной комнате ее окутал влажный теплый воздух. Привычку эту она обнаружила среди воспоминаний бесчисленных Преподобных Матерей, жемчужным ожерельем нанизанных на нить ее сознания. Вода, теплая вода ласкала ее кожу. Вокруг утопленной в пол ванны на зеленых плитках играли красные рыбки... как в море. Здесь было столько воды, что в недавнем прошлом фримены пришли бы в ярость, узнав, что подобное изобилие расходуется – на омоложение человеческой плоти!

Он близок.

Смесь сладострастия со стыдливостью, думала она. Плоть ее алчет мужчину. Для Преподобной Матери, распоряжавшейся таурогиями сиетчей, в сексе не было тайн. Общее сознание тау, всей его сущности в нужный момент могли предоставить ей любую подробность.

Ощущение близости исходило от плоти, ищущей другую плоть.

Жажда действия победила расслабленность, приносимую теплой водой.

Резко поднявшись из ванны, нагая Алия, оставляя за собой влажные следы, перебежала в тренировочный зал, примыкавший к ее спальне. Длинный зал был заставлен разными хитрыми приспособлениями, с помощью которых адепты Бене Гессерит настраивались на предельную физическую и умственную готовность. Там были мнемонические усилители, иксианские «числовые мельницы», используемые Сестрами для развития чувствительности пальцев рук и ног, синтезаторы запахов и температурных полей, усилители тактильного восприятия, системорегистраторы – их применяли, чтобы избежать образования ненужных привычек, тренажеры коррекции альфа-ритма, блинк-синхронизаторы, чтобы совершенствовать восприятие света, тьмы и цветов спектра.

Собственной рукой ее вдоль одной из стен десятисантиметровыми буквами мнемонической краской была начертана цитата из «Кредо» Бене Гессерит:

«До нас процесс обучения засорялся инстинктами. Мы же научились тому, как следует учиться. Предшественники наши страдали узостью взгляда, огражденного рамками одной только жизни. Им и в голову не приходило начинать исследования в расчете на пятьдесят

или более поколений. О возможности осуществления тотальной тренировки мышц и нервов никто не помышлял».

Вступив в тренировочный зал, Алия мельком заметила собственное многоликое отражение в хрустальных призмах. Тренировочный манеж. Длинный меч дожидался ее на подставке напротив спарринг-манекена. Алия подумала: придется сегодня попотеть, потрудиться до изнеможения... чтобы утомилась плоть и очистился ум.

Меч привычно лег в ее руку.левой рукой она выхватила крис из висевших на груди ножен и, держа его наизготовку, кончиком меча нажала на кнопку включения. Немедленно ожившее поле щита спарринг-манекена медленно и твердо отодвинуло ее руку.

Засверкали призмы, спарринг-манекен скользнул влево.

Меч Алии следовал за ним; девушке часто казалось, что манекен живет собственной жизнью. Но это были всего лишь сервомоторы и сложные контуры, умело отвлекающие глаза от опасности, чтобы обмануть и тем самым научить. Сложная машина копировала ее собственные реакции, как анти-я; двигалась, отвечая ее движениям, мерцала светом на призмах, нападала и защищалась.

Из призм навстречу ей разом ударили отражения мечей, но только один был настоящим; она отразила удар и, преодолевая сопротивление щита, кончиком меча коснулась спарринг-манекена. Ожил огонек маркера, замерцали огни в призмах... лишь еще более отвлекая внимание.

Машина уже атаковала с новой скоростью – чуть побыстрее, чем прежде.

Она отразила удар и, дерзко шагнув в опасную зону, поразила устройство ножом.

В глубине призм засветилось уже два огонька.

Автомат задвигался быстрее, выдвинулся вперед, словно притянутый движениями ее тела и кончика меча.

Атака – удар – контрудар.

Атака – удар – контрудар.

Загорелось уже четыре маркера, машина становилась опаснее, с каждым огоньком труднее было понять, где находится истинный клинок.

Пять огней.

На обнаженном теле ее сверкали бисеринки пота. Она существовала теперь во Вселенной, границами были ее собственный меч, меч мишени, ее босые ноги, переступающие по полу фехтовального зала... Нервы и мышцы – движения против движения.

Атака – удар – контрудар.

Шесть огней... семь.

Восемь!

Она никогда еще не отваживалась на спарринг на этом уровне.

Внутри ее тела забившийся в угол разум скулил и молил прекратить безрассудство. Машина вместе со всеми ее призмами и мишенью не ведала осторожности... она не думает, она не испытывает угрызений совести. И клинок в ней самый настоящий... иначе в тренировке нет смысла. Его острое способно и ранить, и убивать. Лучшие фехтовальщики Империи прекращали схватку при семи огоньках.

Девять!

Высший восторг охватил Алию. Атакующий нож и спарринг-манекен мелькали перед глазами, сливаясь в мерцающий морок. Собственный меч словно ожил в руке. Она превратилась в антимашину. Не она орудовала клинком – меч властвовал над всем ее телом.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то мелькнуло возле плеча и, замедленное щитом, ударило в выключатель. Огни померкли. Призмы и спарринг-манекен замерли.

Разгневанная вторжением Алия резко обернулась, успев на ходу лишь осознать невероятное мастерство, с которым был сделан бросок. Он был выверен до непостижимой точности, к щиту нож подошел с нужной скоростью: чуть быстрее – и щит отразил бы его, чуть медленнее – и нож бы не попал в цель.

Но он ударил прямо в миллиметровый выступ мишени – а ведь манекен сиял уже одиннадцатью огнями!

Алия поняла, что начинает успокаиваться, словно в ней, как на спарринг-манекене, начинают гаснуть огни. Кто бросил этот нож, было понятно.

Пауль стоял в дверном проеме, в трех шагах позади него – Стилгар.

Осознав собственную наготу, Алия подумала, что следовало бы прикрыться, потом сочла подобную мысль смешной. Что глаза уже видели, то из памяти просто так не сотрешь. И она медленно опустила нож в ножны на шее.

– Так я и знала, – произнесла она.

– Надеюсь, что ты представляешь, насколько это опасно, – бросил Пауль. Он оглядел ее, стараясь уловить все реакции лица и тела. Разрумянившуюся кожу, влажные пухлые губы. Она встревожила его женственностью, прежде Пауль не замечал ничего подобного в своей сестре. Он даже подумал, как странно вдруг обнаружить в ком-то столь близком незнакомое свойство, так не укладывающееся в привычную схему взаимоотношений, казавшуюся уже неизменной.

– Это же просто безумие, – еле выдохнул Стилгар, становясь рядом с Паулем.

За гневными словами слышалось благоговение, Алия видела трепет в его глазах.

– Одиннадцать огней, – Пауль покачал головой.

– Я дошла бы и до двенадцати, если бы ты не вмешался, – ответила она, уже начиная бледнеть под его пристальным взглядом. – Зачем же в этой проклятой штуке столько огней, если их нельзя использовать?

– И это сестра Бене Гессерит спрашивает меня о причинах, по которым система остается не ограниченной в усложнении своих действий? – проговорил Пауль.

– Но ты-то, я уверена, и за семь не заходил, – ответила она, вновь начиная сердиться. Этот изучающий взгляд уже начинал досаждать ей.

– Однажды, – отвечал Пауль, – Гурни Халлек застукал меня на десяти. Последовало наказание, достаточно унижительное, и я даже теперь не скажу, что он сделал. Кстати, об унижениях...

– Надеюсь, в следующий раз вы будете предупреждать о своем приходе, – перебила его Алия, скользнув мимо Пауля в спальню. Там она накинула просторное серое одеяние и принялась расчесывать волосы перед зеркалом на стене. Кожа ее была потной, она ощутила вдруг грусть, словно после соития... Ей захотелось опять принять ванну и лечь спать.

– Зачем вы явились? – спросила она.

– Милорд, – проговорил Стилгар совершенно необычным тоном, и Алия внимательно взглянула на него.

– Мы пришли по предложению Ирулан, каким бы странным оно ни показалось тебе. Она считает, а у Стила есть подтверждение, что наши враги собираются...

– Милорд! – еще более резко бросил Стилгар.

Алия продолжала смотреть на старого наиба, а брат ее вопросительно повернул голову. Что-то в старом фримене заставило ее подумать о том, насколько он первобытен. Стилгар верил в близость мира сверхъестественного. И мир этот говорил со старым язычником простым языком, не позволяя тому усомниться. Мир естественный и свирепый, он не поддавался контролю, в нем напрочь отсутствовали общепринятые в империи моральные принципы.

– Да, Стил, – ответил он. – Ты сам хочешь сказать ей о цели нашего прихода?

– Сейчас не время говорить об этом, – отвечал Стилгар.

– Отчего же, Стил?

Тот не отводил глаз от Алии.

– Сир, или вы ослепли?

С чувством неловкости Пауль обернулся к сестре. Из всех его помощников лишь один Стилгар осмеливался разговаривать таким тоном, но и старый фримен, дерзая на это, применялся к обстоятельствам.

– Ей же необходим мужчина! – выпалил Стилгар. – И у нас будут неприятности, если не выдать ее замуж, и побыстрее.

Алия отвернулась, пряча внезапно раскрасневшееся лицо. *Как он умудрился достать меня*, удивилась она. Даже самоконтроль Бене Гессерит не в силах был предотвратить такую реакцию. Как это удалось Стилгару, ведь он не знаком с тайнами Голоса? Она была недовольна собой и потому сердилась.

– Послушайте Стилгара Великого! – отвечала она, отвернувшись от обоих мужчин, слыша строптивость в своем голосе, но не в силах воспротивиться ей. – «Наставления старого фримена девицам!»

С глубочайшим достоинством в голосе Стилгар произнес:

– Я люблю вас обоих, поэтому и говорю. Если бы я был слеп настолько, чтобы не замечать, что связывает мужчин и женщин, то не смог бы и стать вождем среди фрименов. Для этого не требуется никаких сверхъестественных способностей.

Взвесив слова Стилгара, Пауль вновь обратился к оценкам... в том числе и собственной чисто мужской реакции на наготу сестры. Да – в Алие была заметна чувственность, что-то яростно распутное. Что заставило ее заняться тренировками обнаженной? И еще так отчаянно и бездумно рисковать жизнью. Одиннадцать огней в призмах фехтовального автомата! Безмозглое устройство в этот миг показалось ему древним чудовищем. Все властители использовали такие машины, но в этом оставался намек на древнюю безнравственность. Да, когда-то подобные устройства управлялись компьютерами и обладали искусственным интеллектом. Джихад Слуг покончил с этим, но не смог уничтожить ауру «аристократического порока», исходящую от подобных устройств.

Конечно же, Стилгар прав. Алие пора подыскать мужчину.

– Я этим займусь лично, – произнес Пауль. – Мы с Алией обсудим этот вопрос позже, с глазу на глаз.

Алия обернулась, внимательно посмотрела на Пауля. Зная механику его рассудка, она отдавала себе отчет в том, что решение это принято ментатом – уложившим в должном порядке все несчетные кусочки информации. Осознание это было бесповоротным – столь же неизбежным, как движение. Выводы ментатов отражали в себе часть высшего порядка Вселенной – грозного и неотвратимого.

– Сир, – начал Стилгар, – быть может...

– Потом! – отрезал Пауль. – Это не единственная наша проблема.

Прекрасно понимая, что она не может соперничать с братом в том, что касается логики, Алия способом Бене Гессерит заставила себя отвлечься от событий нескольких последних минут.

– Значит, тебя прислала Ирулан? – произнесла она, ощущая опасность, таящуюся в самой этой мысли.

– Косвенно, – ответил Пауль. – По ее сведениям, Гильдия намеревается похитить песчаного червя.

– Они хотят выкрасть небольшого червя, чтобы попытаться перенести меланжевый цикл на какую-нибудь дальнюю планету, – произнес Стилгар. – Значит, обнаружили подходящий для этого мир.

– Это значит еще, что им помогают фримены, – добавила Алия. – Как может чужак поймать червя?

– Ах-хх, это-то ясно без слов, – отвечал Стилгар.

– Ничего подобного, – отвечала Алия, рассерженная подобной тупостью. – Пауль, ты, конечно...

– Гниль распространяется, – перебил ее Пауль. – Мы давно знаем об этом. Но выбранной ими планеты я не *видел*. И это тревожит меня. Если они...

– Только это тебя тревожит? – бросила Алия. – Просто навигаторы Гильдии прячут ее от тебя, как и Тупайльские убежища.

Стилгар открыл и снова закрыл рот. Он был потрясен и поглощен ощущением, что оба его идола вдруг обнаружили святотатственную слабость.

Почувствовав его беспокойство, Пауль произнес:

– Да, проблема не терпит промедления! Алия, меня интересует твое мнение. Стилгар предлагает разослать патрули по всей открытой Пустыне, усилить охрану сиетчей. Быть может, мы сумеем тогда засечь место посадки и предотвратить...

– Даже если их прикрывает Гильд-навигатор? – спросила Алия.

– Они идут на все, не так ли, – согласился Пауль, – поэтому я здесь.

– Значит, они видели нечто, скрытое от нас с тобой? – спросила Алия.

– Именно.

Алия кивнула, вспомнив опять о новой игре – о Таро Дюны. Опасения возвратились.

– Набросили на нас покрывало, – проговорил Пауль.

– С необходимым количеством патрулей, – начал Стилгар, – мы можем предотвратить...

– Предотвратить нельзя ничего... и никогда... – произнесла Алия. Ей не нравилась ограниченность Стилгара, не позволявшая фримену заметить важные подробности. Таким Стилгара она не помнила.

– Придется исходить из того, что червя они добудут, – произнес Пауль. – Но вот сумеют ли они наладить меланжевый цикл на другой планете – это другой вопрос. Одного обладания червем для этого мало.

Стилгар переводил взгляд от брата к сестре. Экологические познания были глубоко впечатаны в его память всей жизнью в сиетче, он понимал, что пойманный червь может выжить лишь на кусочке Арракиса – с песчаным планктоном, с Маленькими Податателями и всем прочим. Гильдия взялась за нелегкое, но все же реальное дело. Или причины его тревоги коренятся в ином?

– Значит, в своих видениях ты не видишь действий гильдийцев? – осведомился Стилгар.

– Проклятие! – взорвался Пауль.

Алия видела, как по лицу Стилгара пробегают тени мыслей. Старый фримен скован верой в сверхъестественное. Магия! Магия! Увидеть будущее – да это все равно что украсть священный огонь из храма. Как это опасно и... привлекательно, пусть дерзкий и рискует погубить свою душу. Из бесформенных и опасных теней смельчак может принести опору и могущество. Но теперь Стилгар начал ощущать и другие силы, еще более грозные – там, за неизведанным горизонтом. Королева-колдунья и друг-пророк обнаружили опасную слабость.

– Стилгар, – произнесла Алия, пытаясь удержать его, – ты стоишь в ложбине между двух дюн. А я на гребне. Я вижу то, что тебе не видно. В том числе и горы, скрывающие далекие страны.

– Но есть и такое, что укрыто даже от вас, – возразил Стилгар, – вы оба всегда это говорили.

– Всякая сила ограничена, – произнесла Алия.

– А опасность ведь может прийти из-за гор, – отозвался Стилгар.

– Конечно, – согласилась Алия.

Стилгар кивнул, не отводя глаз от лица Пауля.

– Но всякому, кто придет из-за гор, придется идти по песку.

* * *

Кто может затеять в этой Вселенной игру более безрассудную, чем властелин, попытавшийся править, опираясь на пророчества?.. Мы считаем себя недостаточно мудрыми и отважными, чтобы рискнуть на это. Изложенные ниже детали, насколько это возможно, поясняют действия правительства в той мере, в какой это безопасно. Воспользуемся для удобства определением Бене Гессерит, считающим миры источниками наследственности, местом рождения учений и учителей, местопребыванием всего существующего. И мы не стремимся править – мы стремимся использовать эти генетические возможности, чтобы учиться, чтобы освободить себя от ограничений, налагаемых интересами общества и правительством.

(«Оргия как инструмент государственного правления». Руководство Гильд-навигатора, глава третья)

– Не здесь ли умер ваш отец? – спросил Эдрик, прикоснувшись тонким лучом световой указки к выложенному искрящемуся драгоценными камнями знаку на одной из рельефных карт, украшавших приемную Пауля.

– Это гробница, в которой покоится его череп, – ответил Император, – отец мой погиб пленником на фрегате Харконненов, здесь, в котловине под нами.

– Ах да, теперь я припоминаю, – проговорил Эдрик, – и он убил своего кровного врага, старого барона Харконнена.

Надеясь, что движения его не выдадут даже кроху того ужаса, который вселяли в него маленькие и замкнутые помещения, Эдрик развернулся в своем контейнере лицом к Паулю, сидевшему на длинном диване, сером с черными полосами.

– Барона убила моя сестра, – сухо поправил его Пауль. – Перед битвой при Арракине.

Зачем нужно этой человекоподобной рыбе, подумал он, беречь старые раны именно теперь?

Навигатор, похоже, начинал проигрывать в долгой битве с собственными нервами. Движения его потеряли былую плавность. Крошечные глаза Эдрика метались... высматривали, взвешивали. Единственный провожатый его стоял в приемной неподалеку от выстроившейся вдоль стены стражи, слева от Пауля.

Помощник этот – жирный, толстошей увалень, равнодушно озиравшийся по сторонам, – смущал Пауля. Он шествовал, подталкивая вперед скользящий на силовой подвеске контейнер с Эдриком, а в походке его угадывалась поступь душителя.

Скитале, назвал его Эдрик, *Скитале*, *адъютант*.

Пусть внешность помощника буквально кричала: «Это тупица!», но глаза выдавали его – они осмеивали все, на что падал их взгляд.

– Вашей наложнице, кажется, понравилось представление лицеделов, – проговорил Эдрик. – Рад, что сумел доставить ей небольшое удовольствие. На нее просто приятно было посмотреть, когда вся труппа разом изобразила ее черты.

– А что слышно о гильдийцах, дары приносящих? – спросил Пауль, вспоминая представление, данное здесь же, в Большом Зале. Лицеделы то выступали в облики карт Таро Дюны и кружили по залу, то как бы случайно сливались в огненном вихре, то распадалась на группы древних гадальных сочетаний. Следующим номером чередой проследовали властители – короли и императоры, лики с древних монет – официальные и строгие, но как бы текучие. Были и шутки: сам Пауль, то есть его копия, а потом Чани, длинная череда одних только Чани,

от одного края сцены до другого. Проществовал и Стилгар – настоящий Стилгар при этом ежился и ворчал, остальные смеялись.

– Наши дары подносятся с наилучшими намерениями, – принялся возражать Эдрик.

– Насколько же добры эти самые намерения? По словам вашего гхола, он предназначен, чтобы погубить нас.

– Погубить вас, сир? – с абсолютной невозмутимостью отвечал Эдрик. – Разве можно погубить бога?

Вошедший на этих словах Стилгар бросил свирепый взгляд на стражу: она находилась много дальше от Пауля, чем следовало бы.

– Все хорошо, Стил, – Пауль остановил Стилгара движением руки, – всего лишь дружеская пикировка. А почему бы не пододвинуть контейнер с послем поближе к моему дивану?

Мгновенно взвесив последствия, Стилгар подметил, что контейнер, хотя и окажется возле Пауля, заслонит его от рослого помощника...

– Все хорошо, Стил, – повторил Пауль, кодовым жестом руки подтверждая приказ.

С явным неудовольствием Стилгар пододвинул емкость поближе. Ему не нравился даже густой запах Пряности, в котором словно купался контейнер. Он остановился возле угла его под кружащим репродуктором, через который доносились слова Гильд-навигатора.

– Убить *бога*? – переспросил Пауль. – Интересно, но кто же это решил, что я бог?

– Те, кто поклоняется вам, – улыбнулся Эдрик, глядя в упор на Стилгара.

– Неужели и вы в это верите? – спросил Пауль.

– Сир, речь не о том, во что я верю, – отвечал Эдрик, – но со стороны многим кажется, что вы вознамерились объявить себя богом. Кое-кто мог бы задуматься – в силах ли смертный дерзнуть на подобное... и уцелеть?

Пауль изучал гильдийца. Отвратительное, но сметливое создание. Пауль и сам задавал время от времени этот вопрос. Конечно, сам-то он видел достаточно временных перспектив, сулящих вещи похуже, чем святотатство. Куда хуже. Но чтобы и навигатор мог углядеть в будущем подобные подробности... Зачем ему знать? Чего хочет добиться Эдрик подобной дерзостью? Мысли Пауля замелькали: за этим ходом кроется связь с тлейлаксу; недавняя победа джихада на Симбу сказывается на действиях Эдрика; проглядывают верования Бене Гессерит.

Мозаика из множества фрагментов информации сливалась в мысли; на расчетный транс ушло секунды три, не более.

– Не оспаривает ли навигатор открывшегося в предвидениях? – спросил Пауль, увлекая Эдрика в область, где тот не силен.

Навигатор вдруг встревожился, но быстро взял себя в руки, разразившись длинным афоризмом:

– Ни один разумный человек не станет сомневаться в словах пророка. Люди прибегали к оракулам с древнейших времен. В сети пророчеств можно запутаться в самый неожиданный момент. К счастью, в нашей Вселенной действуют и прочие силы.

– Неужели они сильнее предвидения? – наступал Пауль.

– Если бы людям дано было одно только предвидение и на него приходилось бы полагаться во всем, – оно бы само себя уничтожило, поскольку обращалось бы само к себе, постепенно вырождаясь.

– Так всегда и бывает с людьми, – согласился Пауль.

– В лучшем случае пророческий дар опасен, – отвечал Эдрик, – даже если удастся не спутать видения будущего с галлюцинациями!

– Неужто мои видения всего лишь галлюцинации? – с притворной печалью спросил Пауль. – Или же ты имеешь в виду, что галлюцинируют верующие в меня?

Ощущая растущую напряженность, Стилгар на шаг пододвинулся к Паулю, не отрывая глаз от висящего в контейнере гильдийца.

– Сир, вы искажаете мои слова, – запротестовал Эдрик, и в словах его ощущалась странная угроза.

Неужели покушение? – думал Пауль. *Прямо здесь? Они не осмелятся. Или же, тут он бросил взгляд на стражу, те, кто оберегает меня, обернутся врагами?*

– Вы обвиняете меня в злом умысле, по-вашему, я плету какие-то козни, чтобы стать богом? – тихо произнес Пауль, так, чтобы его слышали только Стилгар и Эдрик. – В злом умысле?..

– Быть может, я неудачно выбрал слова, – запротестовал Эдрик.

– Весьма показательная оговорка; она свидетельствует, что вы всегда ждете от меня худшего.

Эдрик повернул голову и с опаской покосился на Стилгара.

– Сир, люди всегда ждут худшего от могущественных и богатых. По этому признаку всегда можно узнать аристократа: он обнаруживает лишь те пороки, которые способствуют его популярности.

Лицо Стилгара передернулось.

Подняв глаза на старого фримена, Пауль прочитал на лице его возмущение. Как смеет этот гильдиец так разговаривать с Муад’Дибом?

– По-моему, вы не шутите, – утвердительно сказал Пауль.

– *Шучу*, сир?

Пауль вдруг почувствовал, что рот его пересох. В комнате сразу стало слишком много людей, слишком уж много легких вдыхало воздух. В самом запахе меланжи от контейнера Эдрика чудилась опасность.

– И кто же мой соучастник в подобном сговоре, – будничным тоном произнес Пауль. – Не Квизарат ли?

Эдрик пожал плечами, оранжевые вихри за клубились возле его головы. Стилгар его более не беспокоил, но фримен все еще яростно глядел на навигатора.

– Или же вы хотите сказать, что все миссионеры моих святых Орденос лгут... *все до единого?* – настаивал Пауль.

– В каждом конкретном случае это зависит от степени собственной заинтересованности и искренности, – отвечал Эдрик.

Стилгар опустил руку за пазуху, к крису.

Качнув головой, Пауль произнес:

– Значит, вы и меня обвиняете в неискренности?

– Сир, слово «обвинять» мне кажется здесь неуместным.

Смел же! – подумал Пауль и сказал:

– Уместно это слово или нет, но вы утверждаете, что и мои епископы, и сам я всего лишь честолюбивые бандиты.

– Честолюбивые, сир? – Эдрик вновь поглядел на Стилгара. – Чем больше власти заключено в руках одного человека, тем более отдаляется он от прочих людей. Властелины постепенно теряют всякое представление о действительности... и тогда власть их рушится.

– Мой господин, – скрипнул зубами Стилгар, – вы посылали людей на казнь за меньшее!

– Так это людей, – отозвался Пауль, – а перед тобой посол Гильдии.

– Он обвиняет вас в святотатстве и лжи! – воскликнул Стилгар.

– Меня интересует его манера мышления, – сказал Пауль. – Сдержи гнев и будь наготове.

– Как велит Муад’Диб.

– Скажи тогда, навигатор, – спросил Пауль, – как могли бы мы осуществить эту гипотетическую затею – при невообразимых расстояниях, на протяжении длительного времени, тем более что у нас нет возможности приглядеть за каждым храмом и священником Квизарата?

– Что для вас время? – спросил Эдрик.

Стилгар озадаченно нахмурился. *Муад'Диб часто говорил, что прозревает через покровы времени, думал он. Не это ли имеет в виду гильдиец?*

– Надувательство такого масштаба немыслимо, рано или поздно обман лопнет, – бросил Пауль. – Пойдут расколы, ереси... сомнения, признания во лжи... И всё – конец вселенской афере.

– Чего не спрячет государственная религия и собственные интересы, покроет правительство, – проговорил Эдрик.

– Ты испытываешь пределы моего терпения? – спросил Пауль.

– Или в моих аргументах имеются очевидные изъяны? – возразил Эдрик.

Напрашивается на нож, размышлял Пауль. Предлагает себя в качестве жертвы? Зачем?

– Я лично предпочитаю легкий цинизм, – испытующим тоном проговорил Пауль. – Вижу, ты явно искушен во всей лжи и уловках правителей, в двусмысленных речах властелинов. Язык – твоё оружие, им ты испытываешь мою броню.

– Легкий цинизм, – отвечал Эдрик, растягивая тонкий рот в улыбке. – Все правители во все времена циничны в том, что касается религии. Ведь религия тоже оружие. И оружие еще более мощное, когда религия и власть объединяются.

Пауль вдруг притих, ощутив необходимость в величайшей осторожности. К кому обращается Эдрик? Чертовски умно и тонко, намеки и этот скрытый юмор. Посол словно бы стремится подчеркнуть: они с Паулем – двое посвященных, которым открыты просторы, неведомые простым смертным. С невольным смятением Пауль понял, что вся эта риторика предназначалась вовсе не ему, а Стилгару, страже, рослому помощнику посла, наконец.

– Эта религиозная мана³ была мне навязана, – отвечал Пауль, – я ее не добивался. – А сам подумал: «Хорошо, пусть этот рыбо-человек решит, что остался победителем в словесном поединке!»

– Тогда почему же вы не разоблачили обман, сир? – спросил Эдрик.

– Увы, не в силах, – отвечал Пауль, внимательно вглядываясь в лицо Эдрика. – Из-за сестры. Ведь она и в самом деле богиня. И держись осторожнее в ее присутствии, не то она срзлит насмерть взглядом.

Насмешливая улыбка сменилась на лице Эдрика смятением.

– Я говорю вполне серьезно, – продолжал Пауль, наблюдая за послом. Стилгар согласно кивал.

Бесцветным тоном Эдрик ответил:

– Сир, вы подорвали мою веру в вас. Не сомневаюсь, что таково и было ваше намерение.

– Не слишком полагайся на то, что тебе известны мои намерения, – отвечал Пауль, давая знак Стилгару, что аудиенция окончена.

Стилгар в ответ жестом же спросил, следует ли убить Эдрика. Пауль ответил повелительным отрицанием, чтобы Стилгар не вздумал проявлять инициативу.

Скитале, помощник Эдрика, подошел к заднему углу контейнера, легонько толкнул его к двери. Оказавшись напротив Пауля, он вдруг поглядел на него смеющимся взглядом и спросил:

– Не угодно ли будет господину моему выслушать?

– Да, в чем дело? – отвечал Пауль, отметив мгновенную реакцию Стилгара на опасность, которую мог представлять этот человек.

– Некоторые утверждают, – проговорил Скитале, – что люди льнут к Императорской власти потому лишь, что пространство бесконечно. Они чувствуют себя одинокими, если их не объединяет символ. Для любого человека Император – это прежде всего нечто конкретное.

³ сверхъестественная сила, полинез.

Можно посмотреть на него и сказать: глядите, вот он, Тот, что объединяет нас. Быть может, милорд, и религия преследует ту же самую цель.

Мило улыбнувшись, Скитале еще раз подтолкнул контейнер с Эдриком. Так они оставили приемную. Эдрик покоился в своем контейнере с закрытыми глазами. Навигатор словно вдруг выдохся, вся энергия как будто оставила его.

Пауль глядел в удалявшуюся спину Скитале, удивляясь его словам. *Интересная личность этот Скитале*, подумал он. Пока он говорил, казалось, что это не один человек, а несколько, словно бы наследственность его принадлежала нескольким личностям.

– Странно все это, – проговорил Стилгар, ни к кому не обращаясь.

Едва стража сомкнулась за Эдриком и его сопровождающим, Пауль поднялся с дивана.

– Странно, – повторил Стилгар. На виске его билась жилка.

Пригасив свет, Пауль подошел к окну, выходившему в угол между двух утесов – стен его крепости. Где-то внизу поблескивали огоньки, казавшиеся отсюда пигмеями, рабочие переносили огромные блоки пластмелда для починки фасада Храма Алие – недавняя буря обрушила на него сокрушительный удар.

– Глупо, Усул, впускать подобного гостя в эти палаты, – проговорил Стилгар.

Усул, подумал Пауль. *Мое имя в суете. Стилгар напоминает, что командовал мною когда-то, что спас меня от смерти в Пустыне.*

– Почему ты это сделал? – спросил Стилгар откуда-то из-за спины Пауля.

– Данные, – отвечал Пауль. – Мне необходимы данные для расчетов.

– Разве это не опасно – встречать такую угрозу *только лишь* силами ментата?

Точно подмечено, подумал Пауль.

Расчеты ментата конечны по природе. Разве можно выразить безграничное в рамках, налагаемых любым языком? Однако и от ментата есть польза. Так он и ответил Стилгару.

– Что-нибудь всегда остается снаружи, – произнес Стилгар. – А кое-что вообще лучше там и держать.

– Или же внутри, – согласился Пауль. На миг он смирился со своими ограничениями как оракула и ментата. Это снаружи. А внутри крылся чистейший ужас. Как защититься от себя самого? Конечно, они добиваются, чтобы он сам погубил себя – но это просто ничто перед еще более жуткими перспективами.

Размышления его прервали торопливые шаги. Корба-квизара влетел в дверь, на миг мелькнув черным силуэтом в ослепительном свете. Внутри приемной его словно метнула какая-то сила, но, ощутив царившую в ней задумчивость, он почти немедленно замер на месте. В руках его были катушки шигагорда. Они поблескивали в лучах солнца странными крохотными самоцветами. Круглые бриллианты мгновенно погасли, едва рука стражника притворила дверь.

– Вы здесь, милорд? – спросил Корба, вглядываясь в полумрак.

– В чем дело? – ответил вопросом Стилгар.

– Стилгар?

– Мы оба здесь. В чем дело?

– Я обеспокоен приемом, оказанным этому гильдийцу.

– Обеспокоен? – переспросил Пауль.

– Люди говорят, милорд, что вы кланяетесь нашим врагам.

– И это все? – произнес Пауль. – Это те самые ленты, которые я просил тебя принести? – он показал на катушки шигагорда в ладонях Корбы.

– Ленты... Ох! Да, милорд! Это те самые истории. Вы будете их просматривать здесь?

– Я видел их. Они необходимы Стилгару.

– Мне? – не без обиды удивился тот. Жест Пауля показался ему капризом. Истории! Стилгар дожидался Пауля, чтобы обсудить логическую цепь действий, необходимых для поко-

рения Забулона. Разговор прервал своим визитом посол. А теперь еще Корба с этими историческими материалами!

– Интересно, насколько ты знаешь историю? – задумчиво произнес Пауль, обращаясь к тонущему в полумраке силуэту старого друга.

– Мой господин, я могу назвать каждый мир, на котором обитал мой народ в своих скитаниях. Я знаю пределы Имперской...

– А Золотой Век? Землю? Ты не интересовался ими?

– Землю? Золотой Век? – озадаченный Стилгар рассердился. Зачем вдруг Паулю взбрели на ум стариннейшие из мифов? Разум Стилгара еще был полон информации о Забулоне, представленной штабными ментатами: две сотни и еще пять десантных фрегатов, тридцать легионов, вспомогательные батальоны, миротворческие силы, миссионеры Квизарата... Необходимые припасы (цифры были словно перед глазами), еда, меланжа... оружие, обмундирование, медали... урны праха погибших... некоторое количество специалистов: пропагандисты низшего уровня, клерки, бухгалтеры... шпионы... и шпионы среди шпионов.

– Я прихватил и синхронизатор, милорд, – заметил Корба. Он почувствовал напряженность и обеспокоился.

Стилгар покачал головой из стороны в сторону. Синхронизатор? Зачем Паулю понадобилось, чтобы к проектору присоединили мнемоническое устройство? К чему искать какие-то конкретные сведения в исторических материалах? Это же дело ментата! Как всегда, Стилгар вновь ощутил глубокое предубеждение: опять эти искусственные приспособления! Подобные мероприятия всегда смущали его душу: в потоке фактов вечно обнаруживалась информация, о которой он и не подозревал.

– Сир, я пришел к вам с расчетами для Забулона! – начал Стилгар.

– Да на дегидрацию все забулонские расчеты! – отрезал Пауль, воспользовавшись непристойным фрименским словечком, означавшим, что речь идет о такой воде, к которой нельзя прикоснуться, не замаравшись.

– Мой господин!

– Стилгар, – начал Пауль, – тебе абсолютно необходимо обрести внутреннее равновесие, которое можно обрести, лишь учитывая долгосрочные эффекты. Корба принес с собою все те крохи информации о древних временах, которые уцелели после Бутлерианского джихада. Начнем с Чингиз-хана.

– Чингиз-хана? Кто-нибудь из сардукаров, милорд?

– Нет, он жил задолго до них. Он истребил... миллиона четыре людей.

– О, для этого требуется соответствующее оружие, сир. Лучеметы или...

– Стил, сам он не убивал. Он тоже воевал чужими руками. Тоже рассылал свои легионы, как и я. Вот еще один император, о котором ты должен помнить. Его звали Гитлер. Этот погубил уже больше тридцати миллионов. Неплохо для того времени.

– Тоже руками легионов? – спросил Стилгар.

– Да.

– Не слишком впечатляющие цифры, милорд.

– Отлично, Стил. – Пауль поглядел на катушки шигакарда в руках Корбы. Тот стоял, мечтая только об одном: бросить все и убежать отсюда. – Вот другие цифры: по весьма умеренным оценкам, я истребил шестьдесят один миллиард людей, уничтожил всю жизнь на девяти планетах, полностью деморализовал еще пять сотен миров. Я истребил последователей сорока религий, существовавших от...

– Это же неверные! – запротестовал Корба. – Неверные все до одного!

– Нет, – возразил Пауль, – они верили...

– Господин мой изволит шутить, – дрожащим голосом отвечал Корба. – Десяти тысячам миров джихад принес ослепительный свет.

– Не свет – навел тьму крошечную, – отвечал Пауль. – После джихада Муад’Дибачеловечество будет приходить в себя сотню поколений. Трудно представить, чтобы люди не осознали этого, – лающий смешок вырвался из его горла.

– Что так развеселило Муад’Дибача? – спросил Стилгар.

– Я вовсе не радуюсь. Просто мне представился император Гитлер с подобными словами на устах. Конечно же, и ему они приходили в голову.

– Но ни у одного правителя еще не было такой мощи, – принялся возражать Корба. – Кто осмелится противостоять вам? Ваши легионы уже контролируют известную Вселенную и все...

– Легионы контролируют? – спросил Пауль. – Интересно, сами они знают об этом?

– А вы, сир, повелеваете своими легионами, – перебил Стилгар Императора. По тону его чувствовалось, что он внезапно осознал собственное место в длинной цепи наделенных властью, ведь вся эта мощь подчинялась его руке.

Направив таким образом мысли Стилгара в желательном направлении, Пауль обратил все свое внимание к Корбе.

– Положи записи сюда, на диван.

Когда Корба повиновался, Пауль произнес:

– Как проходит прием, Корба? Моя сестра полностью контролирует ситуацию?

– Да, милорд, – осторожным тоном отвечал Корба. – Чани следит за всем через потайное окошко. Она опасается, что среди гильдийцев могут затесаться сардаукары.

– Не сомневаюсь в ее правоте, – проговорил Пауль. – Шакалы сбиваются в стаю.

– Баннерджи, – Стилгар назвал имя шефа безопасности Императора, – уже выражал опасения, что они могут попытаться проникнуть в запретные апартаменты Цитадели.

– Они уже рискнули?

– Нет еще.

– Однако в парке имела место некоторая сумятица, – проговорил Корба.

– Какого рода? – требовательным тоном бросил Стилгар.

Пауль кивнул.

– Незнакомцы, – произнес Корба, – они входили и выходили, мяли растения, шептались... мне доносили о кое-каких возмутительных высказываниях.

– Например? – спросил Пауль.

– Ну, скажем, «так вот как расходуются наши налоги?» Мне сказали, что эту фразу произнес сам посол.

– Это неудивительно, – проговорил Пауль. – В садах было много чужаков?

– Несколько дюжин, милорд.

– Баннерджи расставил около дверей отборную стражу, милорд, – заговорил Стилгар. С этими словами он повернулся. Единственный оставшийся светильник осветил половину его лица. В скудном свете черты друга сразу напомнили Паулю что-то из их Пустынных времен. Он не стал припоминать обстоятельства – все внимание его было обращено на лицо Стилгара. На туго обтянутом кожей лице фримена отражались едва ли не все мысли, проскальзывающие в уме. Ныне он сомневался... его беспокоило необъяснимое поведение Императора.

– Мне не нравится вторжение в сады, – проговорил Пауль. – Одно дело вежливо встретить гостей... посольство все-таки, но это...

– Я распоряжусь, чтобы всех их выдворили, – вызвался Корба. – Немедленно!

– Подожди! – приказал ему Пауль, едва Корба стал поворачиваться к выходу.

Во внезапно наступившей тишине Стилгар переступил, так, чтобы видеть лицо Пауля. Сделано было великолепно. Пауль просто восторгался тем, как это делают фримены. Никакой прямолинейности, гибкость, хитрость и ловкость, к которым примешивается уважение к личности, порожденное необходимостью.

– Сколько сейчас времени? – спросил Пауль.

- Почти полночь, сир, – отвечал Корба.
- Иногда я думаю, Корба, что я и есть самое совершенное из моих творений, – сказал Пауль.
- Сир! – в голосе Корбы слышалась боль.
- А ты чувствуешь трепет передо мной? – спросил Пауль.
- Пауль Муад’Диб, звавшийся Усулом в нашем сиегче, – начал Корба, – тебе известна моя преданность...
- А ты не ощущаешь себя апостолом? – продолжал Пауль.
- Корба не понял его, но тон истолковал правильно.
- Мой Император знает, что совесть моя чиста.
- Шай-Хулуд, спаси нас! – пробормотал Пауль.
- Невысказанные вопросы развеял свист, раздавшийся вдруг за дверью в зале. Свист умолк после резкой команды.
- Корба, мне кажется, ты переживешь все это, – проговорил Пауль и увидел огонек понимания в глазах Стилгара.
- Но в садах чужаки, сир, – напомнил ему Стилгар.
- Ах да, – усмехнулся Пауль. – Пусть Баннерджи выставит всех, Стил. Корба поможет.
- Я, сир? – лицо Корбы выражало глубокое беспокойство.
- Кое-кто из моих друзей уже позабыл, что раньше они назывались Вольным Народом, – обратился Пауль к Корбе, слова свои предназначая Стилгару. – Запомни тех, кого Чани назовет сардаукарами, и прикажи убить всех. Сделай это. Пусть все будет сделано тихо, без ненужного шума. Не следует забывать, что законы веры и власти не сводятся к простому выполнению договоров и обрядов.
- Повинуюсь воле Муад’Диб, – прошептал Корба.
- А расчеты для Забулона? – спросил Стилгар.
- Завтра, – отвечал Пауль. – Когда в садах не останется чужаков, объяви, что прием закончен. Партия сыграна, Стил.
- Понимаю, милорд.
- Уверен в этом, – отвечал Пауль.

* * *

Вот бог поверженный лежит – он пал, и низко пал.
Мы для того и строили повыше пьедестал.

(Эпиграмма тлейлаксу)

Алия сидела, уперев руки локтями в колени, положив на кулаки подбородок, и разглядывала останки: эти несколько источенных песком и ветром костей и лохмотья плоти недавно принадлежали молодой женщине. Остальное – руки, голову, верхнюю часть тела – сожрала кориолисова буря. Песок вокруг был теперь покрыт следами врачей и следователей, высланных по указанию ее брата. Все они уже разошлись, рядом с ней оставалась одна лишь похоронная команда – они стояли чуть в стороне. Хейт – среди них, ожидая, пока она завершит свое таинственное исследование.

Золотистое солнце струило теплый полуденный свет, как и положено в этих широтах.

Тело обнаружили несколько часов назад с низколетящего курьерского топтера – приборы вдруг зарегистрировали слабый водяной след там, где влаги не должно быть и в помине. После сообщения на место прибыли эксперты. Они узнали... что женщине этой было около двадцати

лет, что она – фрименка и привержена семуте... Умерла она здесь, в Пустыне, от тонкого яда, изготовленного тлейлаксу.

Смерть в Пустыне для фрименов естественна. Но семута... – такое случалось так редко, что Пауль послал ее проследить за всем так, как учила их мать.

Алия чувствовала, что ничего не достигла, только сгустила облако тайны, и без того уже охватившее здесь все. Услышав, как гхола провел ногой по песку, она поглядела на него. Лицо гхолы было обращено вверх, к эскорту, стайей ворон кружившему над ними.

Бойся Гильдиш, дары приносящей, думала Алия.

Похоронный топтер вместе с ее собственным стояли на песке возле скалистого выступа позади гхолы. Мельком глянув на крылатые машины, Алия едва подавила в себе желание скорее взлететь... оказаться подальше от этого места.

Но Пауль решил, что она сумеет увидеть нечто, сокрытое от прочих. Она поежилась в дистикомбе. После проведенных в городе месяцев он казался неудобным. Она посмотрела на гхолу, подумала: *что, если он догадался о каких-нибудь обстоятельствах странной смерти?* Завиток его курчавых волос выбивался из-под капюшона дистикомба. Рука ее так и тянулась заправить волосы на место.

Словно бы ощутив ее мысль, гхола обратил к ней поблескивавшие металлом глаза. Она затрепетала под пристальным его взглядом и отвернулась.

Фрименка умерла от яда, называемого «глоткой ада».

Фрименка. Привыкшая к семуте.

Она разделяла беспокойство Пауля, вызванное сочетанием этих фактов.

Похоронная команда терпеливо ждала. В трупе оставалось уже слишком мало воды, собирать было нечего, можно не торопиться. И еще – они верили, что Алия тайным знанием читает судьбу той, кому принадлежали эти останки.

Но озарения не было.

И в глубине души рос гнев на этих простофиль. Вот они – результат проклятой ложной религиозности. Конечно же, и она сама, и ее брат – не народ. Власть должна пребывать на высотах. Об этом позаботились и Бене Гессерит, потрудившиеся над наследственностью Атрейде-сов. Свою лепту добавила и их мать, наставившая своих детей в знании Пути...

И Пауль еще более усугубил этот отрыв от обычных людей.

Преподобные Матери пробудились в памяти Алии, вспышками адаба заговорили: *тихо, маленькая! Ты есть ты. Потому тебе и дано кое-что.*

Дано!

Она жестом подозвала гхолу.

Он встал перед нею, внимательный и терпеливый.

– И что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Скорее всего мы никогда не узнаем, кто она, – отвечал он, – нет ни зубов, ни головы, они исчезли. Разве что руки... но ее генетические характеристики едва ли где-нибудь зарегистрированы.

– А яд тлейлаксу? – продолжала она. – Что из этого следует?

– Подобные яды покупают многие люди.

– Верно. Но от этой почти ничего не осталось, нечего восстанавливать. С тобой было иначе.

– Даже если бы вы решили доверить это тлейлаксу, – ответил он.

Она кивнула, встала:

– Теперь отвези меня в город.

В воздухе, когда нос аппарата уже обратился к северу, она произнесла:

– Ты пилотируешь совершенно как Дункан Айдахо.

Он бросил на нее испытующий взгляд:

- Мне уже говорили об этом.
- О чем ты сейчас думаешь? – спросила она.
- О многом.
- Не смей, шайтан побери, уклоняться от вопроса!
- Какого вопроса?

Она яростно посмотрела на него.

Встретив ее взгляд, он передернул плечами.

Жест Дункана, подумала она. И хриплым обвиняющим тоном произнесла:

– Я просто хотела услышать твое мнение, взвесить собственные соображения и сопоставить их. Гибель этой молодой женщины смущает меня.

– Я думал не об этом.

– О чем же?

– О том странном чувстве, которое я испытываю всякий раз, когда слышу разговоры о том, кем я, возможно, был.

– *Возможно?*

– Тлейлаксу хитры...

– Не настолько. Ты был Дунканом Айдахо.

– Весьма вероятно. Это лежит на поверхности.

– Итак, ты становишься эмоциональным?

– В известной степени. Я чувствую нетерпение. Я волнуюсь. Меня просто трясет, и я едва сдерживаюсь. В голове моей... вспыхивают какие-то картинки.

– И что же?

– Они слишком быстро гаснут. Просто какие-то вспышки... Похожие на память.

– А для тебя они представляют интерес?

– Конечно же. Любопытство подталкивает, но я словно иду против ветра. Я думаю: что, если я не тот, за которого меня принимали? И мне не нравится эта мысль.

– И это все, о чем ты думаешь?

– Вы это лучше знаете, Алия.

Как смеет он обращаться ко мне по имени? Обдумывая его слова, она чувствовала, как вскипает и отступает гнев, – на бьющую из обертонов его голоса возмутительную мужскую самоуверенность. На щеке ее дернулся мускул. Она стиснула зубы.

– Там внизу не Эль-Кудс? – спросил он, коротко качнув крылом и мгновенно вспугнув всю стаю эскорта.

Она поглядела вниз на тени, скользящие по взгорью возле перевала Харг, на скалу и укрывавшую череп ее отца пирамиду на ней... *Эль-Кудс – святое место.*

– Это святое место, – отвечала она.

– Надо будет когда-нибудь посетить его, – промолвил он, – возле останков твоего отца меня могут посетить воспоминания.

Вдруг она впервые поняла, как сильна в нем потребность узнать, кем он был. Это желание было для гхола главным. Она поглядела назад, на скалы. Утес обрывался прямо в море песка... коричневым обрывом скала, словно корабль, разрезала дюны.

– Вернись назад, – приказала она.

– А эскорт...

– Развернись и проскользни под ними. Они последуют за нами.

Он повиновался.

– Ты и в самом деле верно служишь моему брату? – спросила она, когда топтер лег на новый курс, а эскорт пристроился следом.

– Я служу Атрейдесам, – отвечал он формальным тоном.

Рука его поднялась, упала, почти в точности повторяя принятое на Каладане приветствие. Лицо его стало скорбным. Он глядел вниз, на гробницу, высящуюся среди скал.

– Что с тобой? – спросила она.

Губы его шевельнулись. Ломким, напряженным голосом он произнес:

– Он был... он был, – и слеза скользнула вниз по щеке.

Фрименское благоговение заставило Алию примолкнуть. Он отдает воду мертвым! Она с сочувствием тронула его щеку пальцем, ощутив отданную влагу.

– Дункан, – прошептала она.

Руки его словно прилипли к рукояткам управления, взгляд не отрывался от пирамиды.

Она повторила громче:

– Дункан!

Он сглотнул, качнул головой, сверкнув на нее металлическими глазами.

– Я... почувствовал... руку... на моих плечах, – выдавил он. – Я чувствовал! Руку! – он справился с горлом. – Это был... друг. Это был... мой друг.

– Кто?

– Не знаю. Я думаю, это был... Не знаю.

Перед Алией замигал огонек вызова, капитан эскорта желал знать, зачем они возвращаются в Пустыню. Взяв микрофон, она пояснила, что они просто поклонились гробнице ее отца. Капитан напомнил ей, что уже поздно.

– Теперь прямиком в Арракин, – сказала она, опуская в гнездо микрофон.

Глубоко вздохнув, Хейт заложил вираж обратно на север.

– Так значит, это была рука отца, не так ли? – спросила она.

– Быть может.

В голосе его слышались интонации ментата, оценившего вероятности, она видела, что он уже взял себя в руки.

– Понимаешь ли ты, насколько я знаю своего отца? – спросила она.

– Только догадываюсь.

– Тогда слушай, – произнесла она. И коротко объяснила, что обрела сознание Преподобной еще до рождения, что воспоминания бесчисленных жизней запечатлены в ее нервных клетках... пусть случилось все это после смерти отца.

– Я знаю его таким, каким его знала моя мать, – проговорила она. – До всех мельчайших подробностей. В какой-то мере я сама – моя мать. Я помню все, что происходило с ней до того момента, когда она выпила воду жизни и вошла в транс переселения душ.

– Ваш брат кое-что уже объяснил мне.

– Он говорил об этом? Почему?

– Я спрашивал его.

– Почему?

– Ментату необходима информация...

– Ох, – она поглядела на зализанные ветром очертания Барьерной Стены, на расщелины и рытвины в истерзанном камне.

Заметив направление ее взгляда, он произнес:

– Очень уж внизу открытое место.

– Зато здесь легко скрываться, – проговорила она и поглядела на него. – Пустыня похожа на человеческий ум... со всеми его укромными закоулками.

– Ах-хх, – отвечал он.

– Ах-хх? И что значит твое «ах-хх»? – она вдруг рассердилась на него по совершенно непонятным причинам.

– Вам хотелось бы знать, что таится в моей голове, – проговорил он без тени сомнения в голосе.

– Почему ты решил, что я еще не разобралась в тебе, прибегнув к предвидению? – требовательно спросила она.

– А вам это удалось? – спросил он с искренним интересом.

– Нет!

– Значит, возможности сивилл не беспредельны.

Он казался довольным, и это пригасило гнев Алии.

– Чему ты радуешься? Разве ты не чтить мою мощь? – спросила она. Но и для собственных ушей словам ее не хватало уверенности.

– Все ваши знамения и предзнаменования я чту гораздо в большей степени, чем вы думаете, – отвечал он. – Я присутствовал на вашей утренней службе.

– И какой смысл ты углядел в ней?

– Вы очень искусно манипулируете символами, – отвечал он, вглядываясь в приборы управления, – фирменный знак сестер Бене Гессерит, я бы сказал. Но как это часто случается с ведьмами... вы стали беспечны в обращении с собственной силой.

Внезапно испугавшись, она буркнула:

– Как ты смеешь?

– Я смею гораздо больше, чем предполагали мои создатели, – отвечал он. – А потому я остаюсь с вашим братом.

Алия вглядывалась в стальные шары, служившие ему глазами: ничего человеческого в них не было. Капюшон дистикомба скрывал его щеки. Губы были плотно сжаты. В них угадывалась сила... и решительность. В словах его слышалась надежность – он действительно был способен и на большее. Так мог сказать и сам Дункан Айдахо. Или же тлейлаксу сумели вложить в него больше, чем рассчитывали... или же это просто обман, часть его подготовки?

– Объясни свои слова, гхола.

– *Познай себя*, разве не такова ваша заповедь? – спросил он.

Алия заметила вновь радость на его лице.

– Эй, ты, не пытайся играть в слова со мной! – бросила она, потянувшись рукой за пазуху к рукояти криса. – Почему тебя подарили брату?

– Ваш брат рассказывал, что вы следили за приемом, – ответил он, – значит, вы слышали мой ответ.

– Повтори еще раз... для меня!

– С моей помощью его хотят погубить.

– Это слова ментата?

– Ответ вам уже известен, – проговорил он. – Дар этот не нужен. Ваш брат и так уже сам губит себя.

Не выпуская из пальцев рукояти ножа, она взвешивала его слова. Речи сомнительные, но в голосе слышится искренность.

– Тогда зачем же им это понадобилось? – осведомилась она.

– Быть может, тлейлаксу решили поразвлечься. Кроме того, неоспоримо, что Гильдия запрашивала у них именно меня.

– Зачем?

– По той же причине.

– И в чем же мы небрежны?

– В том, как вы используете собственные возможности, – парировал он.

Ответ его разил в самое сердце, в самые глубины его. Отняв руку от ножа, она спросила:

– А почему ты считаешь, что брат мой губит себя?

– Ох, девочка! Где же твои таинственные силы? Разве ты не способна подумать?

Сдерживая гнев, она ответила:

– Подумай за меня, ментат.

– Отлично, – он обежал взглядом эскорт, вновь поглядел вперед. За северной кромкой Барьерной Стены показался край Арракинской равнины.

– Вот симптомы, – начал он. – Твой брат содержит официального панегириста, который...

– Это дар от фрименских наивов.

– Странный подарок... – проговорил он, – зачем друзьям окружать его подобострастием и лестью? Неужели вы сами не слышали слов панегириста: *«Муад'Диб, просвети люди своя! Уммарегент, Император наш! Воды его драгоценны и изобильны, как фонтан неиссякающий. Счастье, расточаемое им, пьют души всех людей во Вселенной». Тьфу!*

Алия невозмутимым тоном ответила:

– Если я передам твои речи нашей фрименской охране, они тебя изрубят в лапшу.

– Пожалуйста.

– Мой брат правит согласно божественно установленному порядку.

– Зачем говорить то, во что вы и сами не верите?

– Что ты знаешь о моей вере? – Вдруг оказалось, что, невзирая на все знания и навыки Бене Гессерит, она не в силах подавить дрожь. Слова гхолы подействовали на нее неожиданным образом.

– Вы же только что приказали ментату взяться за расчеты, – напомнил он.

– Никакому ментату не может быть ведомо, во что я верю! – и она дважды глубоко, с дрожью, вздохнула. – Как ты смеешь судить нас?

– Судить? Ни в коей мере.

– Ты и представить себе не можешь всех наших познаний!

– Во-первых, вас обоих учили править, – отвечал он, – в вас воспитывали жажду власти. Вас обучили видеть насквозь все уловки политики, все глубокие тайны религии и войны. Естественный закон? Что в нем естественного? Этот миф паразитирует на истории человечества! Это же призрак, привидение! Он и нематериален, и нереален. Или вы считаете, что «естественный закон» обрел воплощение в вашем джихаде?

– Это пустая трескотня, ментат, – отвечала она.

– Я слуга Атрейдесов и нелжив в словах.

– Слуга? У нас нет слуг, только ученики!

– И я учусь – постижению, – отвечал он, – детка, запомните это и...

– Не смей называть меня деткой! – отрезала она, выдвинув крис наполовину из ножен.

– Поправка введена. – Он посмотрел на нее, улыбнулся и вновь взялся за управление и пилотирование. Возведенная среди утесов Цитадель Атрейдесов уже виднелась вдали – они подлетали к северным пригородам Арракина. – Безусловно, вы существо древнее, но воплощенное в теле, едва вышедшем из детства, – проговорил он. – И теперь тело это волнует вновь обретенная женственность.

– Просто не знаю, почему я тебя слушаю, – буркнула она, роняя крис обратно в ножны и вытирая вдруг вспотевшую ладонь об одежду. Фрименская скаредность немедленно возмутилась: напрасная трата влаги!

– Вы слушаете меня лишь потому, что знаете, как глубоко я предан вашему брату, – отвечал он. – И мои поступки для вас и понятны, и объяснимы.

– В тебе нет ни понятного, ни объяснимого. Кажется, ты – самое сложное существо из всех, кого я знаю. Как узнать, что могли тлейлаксу встроить в тебя?

– Намеренно или по ошибке, – произнес Хейт, – они наделили меня способностью изменяться.

– Опять дзенсуннитские притчи, – обвиняющим тоном сказала она. – Да, мудрец изменяет себе, а глупец живет лишь для того, чтобы умереть. – Передразнивая его, она повторила: «Учусь постижению...»

– Человек не может различить причин озарения и его сути.

- Что за новая загадка?
- Я разговариваю с пробуждающимся разумом.
- Я все расскажу Паулю.
- Он уже слышал почти все это.

Не скрывая любопытства, она произнесла:

- Интересно. И несмотря на это, ты еще жив... и свободен? Что же он ответил?

– Он расхохотался и ответил: «Люди не будут повиноваться бухгалтеру. Им нужен повелитель, который будет защищать их от всех перемен». Но он согласился со мной в том, что представляет собою основную угрозу для собственной империи.

- Почему он заговорил об этом?
- Я сумел убедить его в том, что понимаю все его трудности и способен помочь.
- Ну и что же ты пообещал ему?

Гхола молчал, бросив топтер на подветренное крыло, чтобы опуститься на крышу цитадели возле охранников.

- Я требую, чтобы ты все рассказал мне.
- Я не уверен, что вы поймете...
- Ну, это решать не тебе! Повелеваю, немедленно говори!

– Позвольте мне сперва приземлиться, – отвечал гхола. Не дожидаясь согласия, он выпустил главные посадочные опоры и, затормозив широко раскрытыми крыльями, опустился на яркооранжевую площадку, поднятую над крышей.

- А теперь – говори! – приказала Алия.

– Я сказал ему, что иногда нет ничего сложнее, чем продлевать собственное существование.

Она покачала головой:

- Это же... это же...
- Горькая пилюля, – закончил он за нее.
- Горькая чушь!

– У величайшего из владетельных графов и у презреннейшего из наемных серфов одни и те же проблемы. И ты не наймешь никого, кто решил бы их за тебя, будь он даже ментат. В писаниях и в чужих свидетельствах напрасно искать готовых ответов. И некому перевязать рану: ни слуге, ни ученику. Человек должен залечить ее сам, прежде чем у всех на глазах истечет кровью.

Она резко отвернулась от него, успев при этом понять, что таким образом выдает собственные чувства. Как без хитростей Голоса, без прочих ведьмовских штучек сумел он проникнуть в ее психику? Как он смог совершить такое?

- И что ты посоветовал ему? – прошептала она.
- Судить, наводить порядок.

Алия взглянула на охранников, отметив, как терпеливо они ожидали, соблюдая строгий порядок.

- Дарить правосудие... – прошептала она.

– Да нет же! – отрезал он. – Я просто предложил ему судить, руководствуясь одним лишь принципом.

- А именно?
- Поддерживать друзей и губить врагов.
- Иначе говоря, судить несправедливо.

– А что есть справедливость? При столкновении двух сил каждая бывает по-своему правой. Император всегда может явить свою волю: если конфликт нельзя предотвратить, его можно разрешить.

- Как?

– Простейшим способом: принимая решения.

– В пользу друзей и против врагов.

– Но разве в этом не чувствуется стабильность? Людям нужен порядок, каким бы он ни был. Все мы узники, рабы собственных страстей; все видят, что война стала развлечением для богатых. Понимание подобных закономерностей опасно. В этом нарушение порядка.

– Я обязана предупредить своего брата: ты слишком опасен, а потому тебя следует уничтожить, – сказала она, оборачиваясь лицом к гхоле.

– Я уже предлагал ему это, – согласился он.

– А опасен ты потому, – произнесла она, тщательно выверяя слова, – что овладел собственными страстями.

– Ну уж вовсе не поэтому. – И прежде чем Алия могла шевельнуться, гхола взял ее за подбородок и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй короткий и нежный. Он отодвинулся... потрясенная Алия глядела на него, не обращая внимания на ухмылки, которые прятали старавшиеся держаться невозмутимо охранники.

Алия тронула свои губы пальцем... поцелуй оказался знакомым. Она знала эти губы... пусть грядущее старательно скрывало от нее их обладателя. Задышавшись, она проговорила:

– Пожалуй, стоило бы приказать содрать с тебя кожу.

– Потому что я опасен?

– Потому, что слишком многое позволяешь себе!

– Я ничего не позволяю себе. Я просто беру то, что мне предлагают. И радуйтесь, Алия, что я беру не все, что мне предлагают. – Открыв дверцу, он выскользнул наружу. – Пойдем, мы и так уже здесь слишком долго дурачимся. – Он направился к куполу за посадочной платформой – ко входу в здание.

Алия выскочила и побежала следом, стараясь попадать ему в шаг.

– Я ему все скажу, все, – и что ты сказал, и что сделал!

– Отлично, – он отворил перед ней дверь.

– Он прикажет, чтобы тебя казнили.

– Почему же? Из-за одного поцелуя, который я хотел получить? – Он последовал за ней, чуть поторопив ее своим движением. Дверь затворилась.

– Поцелуя, который *ты* хотел получить? – в негодовании вскричала она.

– Ну, хорошо, Алия. Поцелуя, которого *ты* хотела. – Обойдя ее, он шагнул к лифту – шахте с опускающимся полом.

И словно бы это движение вдруг обострило все ее чувства, она вдруг поняла, в чем его обаяние, – в полнейшей правдивости. *Да, я хотела этого поцелуя*, мысленно согласилась она. *Действительно хотела.*

– Ты правдив и потому опасен! – буркнула она, отправляясь за ним.

– Вижу, ты возвращаешься на стезю мудрости, – проговорил он, не изменяя шага, – ни один ментат не сформулировал бы эту мысль точнее. А теперь скажи, что открылось тебе там, в Пустыне?

– Не могу объяснить причины, – сказала она, – но я все думала о лицеделах. Почему?

– Потому-то брат и отправил тебя в Пустыню, – проговорил он, кивая головой. – Не забудь рассказать ему об этой навязчивой мысли.

– Но почему, – удивилась она, – при чем здесь лицеделы?

– Там осталась мертвая женщина, – проговорил он, – скорее всего, среди фрименов пропавших не числится...

* * *

Я все думаю, какая это радость – жить, но едва ли я смогу спуститься когда-нибудь к глубинам своего существа, к корням этой плоти, чтобы познать, кем я был. Да, корень там. И смогу ли я что-нибудь сделать, чтобы отыскать его, – это еще сокрыто в грядущем, но что по силам человеку, по силам и мне. Любой мой поступок способен опустить меня к этим глубинам.
(«Гхола рассказывает»; комментарии Алиш)

Утопая в оглушительном запахе Пряности, он тщетно старался заглянуть вглубь себя в пророческом трансе. Пауль видел луну – она пульсировала, удлинялась, дергалась. С ужасным шипением звезды гасли в водах безграничного моря. И луна тонула в глубинах его – как мраморный шарик, выброшенный ребенком.

Утонула.

Луна не садилась, он понимал это. Она исчезла, и не стало луны. И земля трепетала в ужасе, словно перепуганное животное. Страх не отпускал его.

Пауль резко сел с широко раскрытыми глазами, но часть его все еще глядела туда, где тонула луна... Перед глазами его была только решетка из пласта, через которую свежий воздух проникал в его личные апартаменты. Он знал, что находится внутри огромной рукотворной скалы – его Цитадели. Но внутри его самого – падала луна.

Наружу! Наружу!

За решеткой ослепительными лучами сиял полдень Арракина. Внутри же царила черная ночь. Благоухание цветов в саду на крыше ласкало ноздри, но никакие ароматы не могли вернуть обратно ночное светило.

Опустив ноги на холодную поверхность пола, Император глядел сквозь решетку. Изящная арка мостика из кристалл-стабилизированного сплава золота с платиной, усыпанная огненными самоцветами с далекого Кидона. Мостик уводил во внутренние галереи, мимо фонтана над прудом, поросшим водяными цветами, каплями крови алевшими на ровной изумрудной глади.

Глаза его впитывали увиденное... но не было выхода из меланжевой тюрьмы.

Как страшно – видеть, как гибнет луна.

Видение сулило чудовищную потерю... личную. Или же это под тяжестью собственных притязаний рухнула созданная им цивилизация.

Луна... луна... зачем ты упала?..

Муть, взбаламученную Таро, удалось успокоить лишь огромной дозой меланжевой эссенции. Но перед глазами была только падающая луна и страшный путь, известный ему из первых видений. Чтобы наконец захлебнулся джихад, чтобы затих этот вулкан, извергающий потоки крови, он должен дискредитировать себя самого.

Освободись... освободись... освободись...

Запах цветов, доносящийся из сада, напомнил ему о Чани. Он тосковал... руки ее, объятия несли любовь, давали забвение. Но даже любви Чани не справиться с этим видением. Да и что вообще скажет его фрименка, если он объявит ей, что наконец выбрал свою смерть. И почему, раз уж смерть вообще неизбежна, он решил отнестись к ней как подобает аристократу и покончить все счета с жизнью в пору расцвета, пренебрегая остающимися годами? Разве это не благородно: умереть прежде, чем иссякнет воля?

Он встал, подошел к двери в решетке и вышел на балкон над цветами и лианами сада. Во рту было сухо, как во время перехода через Пустыню.

Луна... луна, где ты, луна?

Он думал о словах Алии, она рассказала ему о найденном среди песков теле фрименки, подавшейся семуте! Событие это укладывалось в ненавистную цепь.

Ну что может взять человек у Вселенной, думал он. Ведь она всегда дает ему сама и лишь то, что считает необходимым.

Витая, с отбитым краем раковина из морей Матери-Земли лежала на низком столе у поручня балкона. Тронув ее переливчатую поверхность, он попытался мысленно заглянуть назад. Яркие луны играли в радужном перламутре. Он оторвал взгляд. Радуга стояла в облаках пыли возле серебряного солнца.

Мои фримены называют себя «детьми Луны».

Он положил раковину, прошел вдоль балкона. Кошмарная луна не давала надежды на спасение. Он подумал о мистическом смысле видения. Пряность все еще не выпускала из своей хватки его, обессилевшего пророка.

К северному подножию воздвигнутого по его воле утеса из пласта жались низкие здания правительственных служб. Пешеходные дорожки на крышах полны были людей. И словно ветерок нес их мимо дверей, стен, изразцовых узоров. Люди сливались с мозаикой – они *были* его мозаикой, деталями узора! Зажмурив глаза, он мог различить силуэты, ставшие фигурками неподвижного фриза.

Но пала луна и исчезла.

Накатило... город этот сделался странным символом его Вселенной. Дома его возведены на равнине, где фримены резали сардаукаров. Кровопролитная битва забылась, все затопил суматошный и крикливый бизнес.

Держась поближе к краю балкона, Пауль завернул за угол. Теперь перед ним оказался пригород, дома его прятались между скал, пыль покрывала их. Спереди высился Храм Алии, чернотелые полотнища ниспадали по стенам, скрывая знак луны – символ Муад'Диб.

Упала луна.

Пауль провел рукой по лицу и глазам. Его столица, символ его власти, угнетала Императора. Он с презрением подумал о собственных колебаниях: подобная нерешительность в ком-нибудь другом вызвала бы его гнев.

Он терпеть не мог свой город!

Ярость, порожденная скукой, билась в глубинах его разума, подталкивала к решениям, которых нельзя было избежать. Он-то знал, каким путем придется ему идти. Сколько раз он видел его. Видел! Когда-то, очень давно, он казался себе изобретателем праведной власти. Но все вернулось на круги своя. Грандиозный и уродливый нарост на обществе словно навсегда запомнил собственную форму. Мни его, изменяя как угодно обличье, но только выпустишь из рук – раз, и он обрел прежний вид. Силы, правящие людьми, всегда были неподвластны ему.

Пауль глядел вдаль поверх крыш. Какие сокровища, какие богатства, сколько жизней таилось под ними! Красно-белые и раззолоченные крыши, пятна листвы. Зелень, дар Муад'Диб и вод его. Он глядел на сады и рощи под открытым небом, что были пышнее, чем в сказочном Ливане.

– Муад'Диб тратит воду, словно безумец, – говорили фримены.

Пауль закрыл руками лицо.

Луна упала.

Уронив ладони, он обвел столицу прояснившимся взором. Эти строения... варварская пышность имперской архитектуры. Громадные здания поблескивали крышами под лучами солнца. Колоссы! Любой архитектурный каприз, порожденный сумасбродкой-историей, можно было отыскать внизу. Плоские равнины террас, площади размером с небольшой городок, парки, дома с усадьбами – окультуренный им ландшафт.

Тут шедевр, там пышная и наглая безвкусица. Впечатления сменяли друг друга: вот древняя аркада из баснословного Багдада. Вот купол, о котором только мечтали в мифическом

Дамаске, или арки, что могли родиться лишь в слабом тяготении Атара. И все это сливалось воедино в несравненном великолепии. Гармония башен и странных глубин.

Луна! Луна! Луна!

Разочарование не отпускало его. Сознание масс, потоки разума в его Вселенной. Они вздымались огромными валами прилива. Он ощущал влияние далеких миграций на человечество: все их вихри, токи, течения генов, которых не остановить никаким воздержанием... бессилию и проклятьям они тоже не подвластны.

И что есть джихад Муад'Дибя перед всем этим? Он минует в мгновение ока. По течению времени скользили и сестры Бене Гессерит, но и они тонули в потоке, подобно ему самому, несмотря на искусные манипуляции с генетикой человека. Видение падавшей луны нужно было еще сопоставить с другими видениями, с другими легендами. Во Вселенной умирают и гаснут даже вечные звезды.

И что такое одна луна перед ликом Вселенной?

Где-то в глубинах его крепости, вдалеке, так что городской шум временами заглушал музыку, затренькал десятиструнный рубаб. Он пел песни джихада, пел о тоске по женщине, оставшейся на Арракисе:

Бедра ее – дюны, скругленные ветром, И в глазах – полдневное пламя. Две косы по спине змеятся. Ах-хх, сколько в них водяных колец! Руки мои помнят ее кожу, Благоуханную, словно розы и амбра. И глаза исполнены воспоминаний, И опять опаляет меня белое пламя любви.

От песни ему стало совсем тошно. Дурацкие чувства, пошлая музыка... погрязшие в сентиментальности людишки. Поди-ка, спой ее источенному Пустыней трупу, который видела Алия.

В тени за балконной решеткой кто-то шевельнулся. Пауль мгновенно обернулся.

Гхола выступил вперед под жаркое солнце. Металлические глаза его поблескивали.

– Передо мной Дункан Айдахо или некто по имени Хейт? – осведомился Пауль.

Гхола остановился в двух шагах.

– А что предпочтет господин мой?

В голосе его слышалась осторожность.

– Игры дзенсуннитов, – с горечью проговорил Пауль. – *«Смысл, скрытый внутри смысла...»* Так что бы мог сказать или сделать философ-дзенсуннит, чтобы хоть на йоту изменить открывающуюся перед нами реальность?

– Господин мой обеспокоен.

Пауль повернулся к далеким обрывам Барьерной Стены, к ее источенным ветром аркам и бастиянам, в которых нетрудно было углядеть жутковатую пародию на его город. Сама природа изволит шутить над ним! Погляди-ка, мол, на что я способна. Он заметил в дальней гряде расщелину, по которой стекал вниз песок, и подумал: *Там! Именно в этом месте мы били сардаукаров!*

– Так что же беспокоит моего повелителя? – спросил гхола.

– Видение, – хрипло шепнул Пауль.

– Ах-хх, когда тлейлаксу впервые пробудили меня, и ко мне тоже приходили видения. Я не знал покоя, я был одинок... еще не понимая того. Тогда я не понимал. И видения ничего не открывали мне. Тлейлаксу объяснили мне, что причиной тому плоть, и такому подвержены все люди и гхолы – простая хворь, не более.

Пауль обернулся и поглядел прямо в бесстрастные глаза гхолы, запавшие в глазницы шаррики стального цвета. Какие видения открывались им?

– Дункан... Дункан... – шепнул Пауль.

– Меня зовут Хейт.

– Я видел, как пала луна, – проговорил Пауль, – она сгинула. Исчезла с великим шипением. Земля содрогнулась.

– Вы опьянены временем, сир, – отвечал гхола. – Вы поглотили слишком много его.

– Спрашиваю у дзенсуннита, отвечает ментат! – усмехнулся Пауль. – Что же, отлично! Пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй и сведи в простые слова, готовые к погребению.

– Действительно, к погребению, – отвечал гхола. – Вы спасаетесь от смерти и укрываетесь в следующем миге, не желая жить здесь и сейчас. Что гаданье? Разве в нем опора для Императора?

Знакомая родинка на подбородке словно заворожила Пауля.

– Стараясь существовать в этом будущем, – произнес гхола, – вы делаете его материальным. Хотите ли вы, чтобы оно стало реальным?

– Если я пойду путем моего видения, я останусь жив, – пробормотал Пауль. – Почему ты считаешь, что я хочу жить в таком будущем?

Гхола пожал плечами.

– Вы требовали от меня общего решения.

– Разве сущность Вселенной состоит из событий? – проговорил Пауль. – Разве есть в ней окончательный ответ? Разве каждое решение не порождает новых вопросов?

– Вы уже поглотили столько времени, что оно породило в вас иллюзию бессмертия, – проговорил гхола. – Даже ваша империя, государь мой, просуществует свое время и неизбежно падет.

– Довольно вещать про обгорелые алтари, – буркнул Пауль. – Хватит богов и мессий. Предсказать падение моей собственной власти можно без сверхъестественных способностей. На это способен последний поваренок на кухне. – Он покачал головой. – Луна упала!

– Следует возвратить разум свой к началу, – отвечал гхола.

– Не этим ли ты должен погубить меня? – задумчиво спросил Пауль. – Ты должен мешать мне собрать воедино мои думы.

– Как можно собрать воедино хаос? – спросил гхола. – Мы, дзенсунниты, говорим: «Не копи – в этом высшая бережливость». Что можно собрать, не собрав себя самого?

– Меня бесит это видение, а ты еще несешь эту бессмыслицу! – сердито выкрикнул Пауль. – Ну что ты знаешь о предвидении?

– Мне приходилось видеть и пророчествующих оракулов, – возразил гхола, – а еще и тех, кто ищет предзнаменования и знаки, определяющие их судьбу. Они боятся того, чего ищут.

– Ну, *моя-то* луна упала *взаправду*, – прошептал Пауль. И судорожно вздохнул. – Она падала... падала...

– Люди всегда опасаются того, что движется как бы само по себе, – объяснил гхола. – Вы боитесь собственных сил. Того, что попадает вам в голову из ниоткуда. А что выпадает из нее? Куда отправляется?

– Твои утешения усеяны шипами, – пробурчал Пауль.

Лицо гхолы вдруг словно озарил свет. На миг он стал истинным Дунканом Айдахо.

– Утешаю чем могу, – мягко проговорил он.

Пауль удивился. Неужели гхола почувствовал скорбь, которую его разум отвергает? Неужели и Хейту открываются собственные видения?

– У моей луны было имя, – прошептал Император.

И вновь позволил видению овладеть им. Все существо его корчилося, кричало, но губы безмолвствовали. Он боялся заговорить, ведь голос мог выдать его. В том ужасном грядущем не было Чани. Не было ее, стонавшей в его объятиях, ее, в чьих глазах горело желание, не было чарующего голоса, лишнего, к счастью, всех этих утонченных ведьмовских штучек... Не было! Вся эта сладкая плоть вернулась в землю, стала песком и водой!

Пауль медленно отвернулся к площади перед Храмом Алии. По дороге процессий ко входу в храм приближались три бритоголовых пилигрима. Они торопились, пригнув головы,

пряча лица от полуденного ветра. Один прихрамывал, подволакивая левую ногу. Обогнув угол, они исчезли из вида.

И луна его исчезла. И эти... Но видение все еще было перед ним. В ужасном предназначении его не оставалось сомнений.

* * *

Плоть сдается, думал он. Вечность забирает свое назад. Да, нашим телам недолго бороздить эти воды, попляшем в опьянении собой и любовью, выдумаем пару странных идей, а потом каюк – время, бери нас! Что сказать? Вышло так, пожил... и все, исчез, но ведь – жил!

(Что проку просить у солнца пощады. «Ламентации Муад'Диб»; из «Комментариев» Стилгара)

Один-единственный миг, одна-единственная ошибка могут стоить жизни – напомнила себе Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам.

Она ковыляла вперед с абсолютно непринужденным видом, окруженная кольцом охранников-фрименов. Как раз позади нее шел глухонемой – она знала это, – не подверженный влиянию Голоса. Без сомнения, он должен был убить ее при малейшем поводе – если она даст его.

Почему Пауль призвал ее? – удивлялась она. Или он собирается вынести ей приговор? Она вспомнила тот давнишний день, когда она испытывала его... ребенка... Квисатц Хадераха. Уже тогда он был глубок.

К чертям его мать на всю вечность! По ее вине эта генетическая линия потеряна для Бене Гессерит.

При ее приближении все разговоры под сводами коридоров смолкали. Перед ней словно бежало повеление Императора. Пауль услышит это молчание. И он заранее узнает о ее прибытии, прежде чем о ней объявят. Уж себя-то она не обманывала: он был сильнее ее.

Проклятый!

Она сожалела, что возраст уже наложил на нее свою печать: ноют суставы, реакция замедлилась, и мышцы – вовсе не те хлысты, какими были когда-то. Сегодня был долгий день, долгой была и жизнь. И весь сегодняшний день она посвятила Таро Дюны, безуспешно стараясь отыскать хоть какое-нибудь указание на собственную участь. Но карты молчали.

Обогнув угол, стража ввела ее в очередной из казавшихся бесконечными сводчатых коридоров. За треугольниками окон из метастекла вились на подпорках лианы с индиговыми цветами, заходящее солнце бросало глубокие тени. Под ногами мозаика: водяные твари дальних планет. Всюду напоминания о воде. Богатство... роскошь.

По залу расхаживали облаченные во фрименские одеяния фигуры, люди бросали косые взгляды и узнавали... чувствовалось напряжение.

Преподобная Мать сосредоточила внимание на короткой стрижке шедшего впереди стража – юное тело, розовые морщинки у края воротника.

Колоссальные размеры Цитадели начинали производить впечатление даже на нее. Коридоры... переходы. Из открытой двери слева донеслись звуки тимбура и флейты, негромкая древняя музыка. В полумраке блеснули синие-на-синем фрименские глаза. Она просто чуяла, как бродит в генах этого народа фермент легендарных бунтов прошлого. Какая потеря, какая потеря: и все этот дурак – Атрейdes. Как смел он пренебречь драгоценностью, носимой им в чреслах! Квисатц Хадерах! Безусловно, рожденный до времени, но реальный, как и его мерзкая сестра... в ней таилась опасная неизвестность. Дикая Преподобная Мать, воспитанная вне ограничений, налагаемых Орденом, не испытывающая никакой лояльности к генетической

программе Бене Гессерит. Без сомнения, она обладала теми же силами, что и брат, и не только ими.

Размер Цитадели теперь уже угнетал Преподобную. Неужели коридоры так и не кончатся? Все здесь свидетельствовало о колоссальной физической мощи. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой истории не видела еще подобного рукотворного колосса. В одном погребе этого сооружения можно было бы уместить дюжину древних городов!

Они миновали овальные двери, на створках мерцали огни. Преподобная Мать признала иксианское изделие: пневматическую транспортную систему. Зачем тогда ее заставили так далеко идти?.. Ответ был прост – чтобы она успела почувствовать трепет перед Императором, не дать ей подготовиться к встрече с ним.

Небольшой намек, впрочем, согласовывавшийся с прочими тонкими признаками: тем, как сопровождающие ее выбирали слова, обращаясь к ней «Преподобная Мать», и тем, как они явно обнаруживали смущение, смахивающее на примитивное опасение перед колдовством. Эти холодные Пустынные залы, в которых не было даже запаха... все вместе много говорило Бене Гессерит.

Пауль надеялся что-то получить от нее.

Она постаралась скрыть облегчение. Можно будет поторговаться. Нужно только нащупать необходимый рычаг и опробовать его прочность. Подобными рычагами сдвигались и объекты поболее этой Цитадели. Прикосновением пальца можно перевернуть целую цивилизацию.

Преподобная Мать припомнила слова Скитале: *«Если существо уже стало кем-то, оно умрет, но не превратится в собственную противоположность»*.

Коридоры, по которым ее вели, постепенно и незаметно становились шире – тонкая игра арок, полуколонн, и треугольники окон незаметно стали продолговатыми, подчеркивая эффект. Наконец впереди нее в дальнем конце высокой приемной показались огромные двустворчатые двери. Она успела заметить, что двери эти весьма велики, но, когда осознала, насколько они громадны, еле успела справиться с изумлением. Они были не менее восьмидесяти метров высотой и в половину того шириной.

Когда они приблизились, створки мягко стронулись с места, открывая проход, – для этого были предусмотрены соответствующие механизмы. Опять иксианская работа. И через раскрывшийся колоссальный проем вместе с конвоем вступила она в Великую Приемную Императора Пауля Атрейдеса, Муад'Диб, «перед ликом которого ничтожен любой». Теперь она видела материальное воплощение этого изречения.

Двигаясь к далекому трону, Преподобная Мать подмечала архитектурные тонкости, впечатлявшие, пожалуй, не менее, чем размеры зала. В нем могла бы разместиться цитадель любого правителя древней и новой истории человечества. Подобный размах говорил о многом. Конструкция зала была великолепной. Балки и контрфорсы, удерживавшие стены и далекий куполообразный потолок, наверняка превосходили все, что создано руками человека. Во всем ощущался инженерный гений.

В дальнем конце зал как-то незаметно сужался, чтобы не подавлять своими размерами трон Пауля, находившийся на возвышении. Человеку с нетренированным восприятием фигура Пауля сперва должна была казаться во много раз больше, чем на самом деле. Даже цвет давил на незащищенную психику: зеленый трон Пауля целиком был выточен из громадного хагальского изумруда. Этот цвет – символ жизни, а по фрименским поверьям он обозначал траур. Шептали, что сидящий на троне может заставить возрыдать любого. Жизнь и смерть сливались в едином символе – подчеркивая единство в противоположностях.

Позади трона ниспадали драпировки – дымчато-оранжевые, тускло-золотые, с коричневыми вкраплениями, напоминавшими зерна меланжи: гобелены Пустынь Дюны. Очевидная для посвященного глаза символика, как молотом, сокрушала профанов.

Даже время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать считала минуты, за которые сможет доковылять до трона. Требовалось время, чтобы внушить вошедшему должное смирение. И вину перед безграничной мощью, придавливавшей входящего. Долгий путь к подножию престола начинал человек, но оканчивала букашка.

Императора окружали помощники и адъютанты, хитроумно расставленные вокруг престола, около четырех стен замерла домашняя стража... и эта кошунственная тварь, Алиа, стояла чуть пониже престола. На следующей ступеньке ниже нее – Стилгар, лакей Императора; справа от него на первой ступеньке снизу замерла одинокая фигура: гхола, возрожденная плоть Дункана Айдахо. Среди охранников было много фрименов постарше – бородатых наибоов с мозолями от трубки дистикомба возле носов, на поясах их – крысы в ножнах, маула-пистолеты, даже несколько лучеметов. Чрезвычайно доверенные люди, подумала она, ведь Император явно при щите! Вокруг него мерцало поле. Один только выстрел из лучемета – и на месте огромной цитадели останется огромная яма.

Ее конвой остановился шагах в десяти от подножия трона и расступился, чтобы Императору можно было видеть ее. Преподобная не заметила ни Чани, ни Ирулан, и удивилась: Пауль никогда не проводил важных аудиенций без них обеих.

Пауль задумчиво и безмолвно кивнул ей головой.

Она сразу же решила захватить инициативу.

– Итак, великий Пауль Атрейдес решил вызвать к себе опальную...

Пауль сухо улыбнулся, отметил: старуха понимает, что мне кое-что от нее нужно. Иначе и быть не может... при всех ее знаниях. Он признавал ее силу. Гессеритки не делались Преподобными Матерями случайно.

– Быть может, обойдемся без словесного фехтования? – спросил он.

Неужели все окажется настолько просто? – удивилась она и спросила:

– Чего ты хочешь?

Стилгар шевельнулся, бросил взгляд на Пауля. Его не устраивало подобное обращение к Императору.

– Стилгар советует мне отослать тебя прочь, – отвечал Пауль.

– А не убить? – переспросила она. – Прежде наибоы фрименов не имели привычки миндальничать.

Стилгар, хмурясь, проговорил:

– Иногда приходится говорить вовсе не то, что думаешь. Это называется дипломатией.

– Оставим тогда и дипломатию, – отвечала она. – Зачем было заставлять старуху идти в такую даль?

– Следовало показать, насколько бессердечным я могу быть, – отвечал Пауль, – чтобы ты сумела понять и мое великодушие.

– И ты осмеливаешься прибегать к такой чуши, имея дело с проктором Бене Гессерит? – спросила она.

– В крупных делах – свои мерки, – отвечал он.

Нерешительно она взвесила его слова. Значит... он может и устранить ее... *если она... что она?*

– Говори, чего ты хочешь от меня, – буркнула она.

Алиа поглядела на брата, кивнула в сторону драпировок за тронном. Аргументы Пауля были известны ей, но она их не одобряла, совершенно не одобряла. Дикое пророчество, так сказать. Ее просто мutilовало от нежелания участвовать в этой сделке.

– Осторожно разговаривай со мною, старуха, – проговорил Пауль.

Он назвал меня старухой, еще когда был всего лишь юнцом, думала Преподобная. Значит, он хочет напомнить мне о моем участии в его прошлом? И принятое мною прежде реше-

ние должно быть изменено? Необходимость решать тяжело придавливала ее к земле... даже колени дрожали. Мышцы стонали от усталости.

– Путь оказался дальним, – сухо заметил Пауль, – я вижу, ты устала. Продолжим в моих апартаментах позади престола. Там ты сможешь сесть. – Сделав рукой сигнал Стилгару, Император встал.

Стилгар и гхола помогли ей подняться и повели следом за Паулем в проход, прикрытый драпировками. Теперь она поняла, зачем ему понадобилось принимать ее в зале, – немая сцена предназначалась для наибоов и стражи. Значит, он опасается их. А теперь... теперь он выражал благосклонность, лукавил с ней, с адептом Бене Гессерит. Играл ли? Она почувствовала, что следом за ней кто-то идет, обернулась и увидела Алию. Глаза юной особы были задумчивы и сердиты. Преподобная Мать поежилась.

Личные апартаменты, ожидавшие их в конце коридора, оказались двадцатиметровым кубом из пластали, освещенным желтыми плавающими лампами. Стены прикрывали оранжевые гобелены, словно в ситче в открытой Пустыне. Диваны, мягкие подушки, слабый запах меланжи. Хрустальные графины с водой на низком столе. Такое крошечное помещение после огромного зала.

Пауль усадил ее на диван и встал рядом, изучая древнее лицо, – стальные зубы, глаза, что прятали много больше, чем выдавали... Он указал на графин. Она отрицательно качнула головой, уронив на лоб прядь седых волос.

Тихим голосом Пауль произнес:

– Я хочу выкупить у тебя жизнь моей возлюбленной.

Стилгар прочистил горло.

Алия поигрывала рукоятью ножа, висящего на ее груди.

Гхола оставался у двери, с безразличным видом что-то разглядывая над головой Преподобной Матери.

– А ты видел, что я покушаюсь на ее жизнь? – буркнула Преподобная Мать. Все внимание ее теперь было уделено гхоле – он смутно беспокоил ее. Почему именно он показался ей источником угрозы? Ведь он – инструмент заговорщиков.

– Что от меня хочешь ты, мне известно, – уклонился он от прямого ответа на ее вопрос.

Значит, он пока только лишь подозревает, подумала она, переводя взгляд на носки собственных туфель, выглядывавшие из-под края ее одеяния. Черные туфли и черная аба обнаруживали уже следы заточения: пятна, мятая ткань. Подняв подбородок, она встретила с яростным взглядом Пауля. Воодушевление овладело ею, она постаралась спрятать его за прищуренными глазами, поджала губы.

– И чем ты собираешься платить? – спросила она.

– Вы получите мое семя, не меня самого, – произнес Пауль. – Ирулан будет изгнана после искусственного осеменения.

– Как ты смеешь! – яростно вспыхнула Преподобная.

Стилгар на полшажка переступил вперед.

Гхола рассеяно улыбался, Алия внимательно глядела на него.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой запреты Ордена, – проговорил Пауль. – И не желаю слушать о грехах, мерзостях и предрассудках прошлых джихадов. Вы получите мое семя для ваших нужд, но ребенок Ирулан не сядет на мой престол.

– Твой престол! – фыркнула она.

– Мой.

– И кто же родит императорского наследника?

– Чани.

– Она же бесплодна.

– Она в тягости.

Потрясение ее выдал невольный вздох.

– Ты лжешь! – отрезала она.

Подняв руку, Пауль остановил рванувшегося Стилгара.

– Мы только два дня как узнали об этом.

– Но Ирулан...

– Только искусственным образом. Таково мое условие.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лицо. Проклятие! Так бросаться наследственностью! Гнев кипел в ее груди. И учение Бене Гессерит, и заповеди Джихада Слуг запрещали подобный поступок... Не надо марать высочайшие устремления человечества. Никакая машина не может функционировать подобно человеческому уму. И ни слово, ни дело не должно даже намекать, что человека можно выводить селекцией, подобно животным.

– Каково твое решение? – спросил Пауль.

Она качнула головой. Гены, драгоценные гены Атрейдесов, они были важнее всего. Необходимость была сильнее всех запретов. Сестры в соединении двух тел видели не только сперму и яйцеклетку. Они старались уловить *душу*.

Теперь Преподобная Мать понимала тонкую глубину предложения Пауля. Он собирается заставить Бене Гессерит совершить поступок, который вызовет всеобщее осуждение... если обнаружится. Как могут они объявить об этом отцовстве, если его будет отрицать Император? *Гены* Атрейдесов такой монетой можно купить, но Сестры не смогут добиться трона.

Она быстро обвела взглядом комнату, вглядываясь в каждое лицо: Стилгар теперь невозмутимо ожидал, гхола застыл, углубившись в себя. Алия следила за гхой... и Паулем, – тая гнев.

– Таково твое единственное предложение? – спросила она.

– Да, единственное.

Она поглядела на гхолу, заметила легкое подергивание мускулов на щеке. Эмоция?

– А теперь, гхола, – проговорила она, – скажи, следовало ли делать подобное предложение? А уж коли оно сделано, следует ли мне принимать его? Выполняя обязанности ментата.

Металлические глаза повернулись к Паулю.

Обратившись к Преподобной, гхола вновь потряс ее – на этот раз улыбкой.

– Предложение не хуже покупаемого объекта, – отвечал он. – Здесь обмен ведется на уровне – жизнь за жизнь. Высокая цена.

Отбросив со лба прядку медных волос, Алия проговорила:

– А что еще кроется в такой сделке?

Преподобная Мать не желала даже глядеть на Алию, но слова эти горели в ее мозгу. Да, в них крылись глубокие последствия. Конечно же, сестра эта – мерзость, но ей нельзя отказывать в праве на титул Преподобной со всем, что проистекает отсюда. Гайя-Елена Мохийам вдруг ощутила себя не одной, а комком многих крошечных личностей. Они бодрствовали, все Преподобные Матери, память которых впитала она, становясь Жрицей Ордена. Алия находится в том же положении.

– Что *еще*? – спросил гхола. – Еще можно только удивляться, почему ведьмы-гессеритки не прибегают к методам тлейлаксу.

Гайя-Елена Мохийам и все Преподобные Матери поежились. Да, тлейлаксу делали мерзкие вещи. Но если допустить искусственное осеменение, следующий шаг – контролируемую мутацию – сделают уже тлейлаксу.

Следя за бушующими эмоциями, Пауль вдруг почувствовал, что все эти люди ему незнакомы. Он уже не знает их. Даже Алию.

Алия сказала:

– Если мы пустим гены Атрейдесов в реку Бене Гессерит, кто может знать, что получится?

Гайя-Елена Мохийам резко обернулась, встретила глазами с Алией. И на миг обеих Преподобных словно соединила единая мысль: *Что замышляют тлейлаксу? Гхола – их творение. И не он ли подсказал этот план Паулю? И не обратится ли теперь Император прямо к Бене Тлейлаксу, предлагая им эту сделку?*

Ощущая двусмысленность и неопределенность собственного положения, она отвела глаза от Алии. И напомнила себе: любой из Сестер собственные умения всегда грозили опасностью; высшая власть над собой и людьми искушала их гордостью и тщеславием. Любая сила обманчива. И некоторые могут решить, что одолеют любую преграду, в том числе собственное невежество.

Но среди дел Бене Гессерит есть наиважнейшее, напомнила она себе. Пирамида поколений, на вершине которой стоял Пауль Атрейдес... и мерзкая сестра его. Малейшая ошибка, и пирамиду придется возводить вновь, начиная отбор по параллельным линиям, пользуясь субъектами, лишенными самых важных характеристик.

Контролируемые мутации, размышляла она. *Неужели тлейлаксу и в самом деле прибегают к ним? Соблазн!..* Она тряхнула головой, чтобы отделаться от подобных дум.

– Ты отвергаешь мое предложение? – спросил Пауль.

– Я еще не решила, – отвечала она.

И она вновь поглядела на сестру. Оптимальный брачный партнер для этой девицы погиб... убит Паулем. Остается еще одна возможность... которая еще более укрепит в отпрыске необходимые характеристики. Пауль посмел предложить Сестрам прибегнуть к животному способу для завершения программы. Решится ли он заплатить *настоящую* цену за жизнь Чани? Пойдет ли на связь с собственной сестрой?

Пытаясь выгадать время, Преподобная Мать произнесла:

– Поведай же мне, о безукоризненный образец святости, как сама Ирулан отнесется к твоему предложению?

– Ирулан сделает, как вы ей прикажете, – проворчал Пауль.

Верно, подумала Мохийам. И бестрепетно намекнула:

– Кстати, Атрейдесов – двое.

Мгновенно уловив, что крылось за этими словами, Пауль почувствовал, как побагровело его лицо.

– Поосторожнее, – бросил он.

– А тебе, значит, можно делать подобные предложения Ирулан? – спросила она.

– Разве не для этого вы ее готовили? – ответил вопросом Пауль.

Да, готовили, думала Мохийам. *Ирулан не медяк. На что еще можно потратить ее?*

– И ты возведешь ребенка Чани на трон? – спросила Преподобная.

– На *мой* трон, – ответил Пауль, глядя на Алию, стараясь понять, все ли следствия из предложения Мохийам видела сестра. Странно притихшая, она стояла зажмурив глаза. С какой внутренней силой ведет она разговор? Алия стояла, но его самого словно уносило куда-то. Она оставалась на берегу и все дальше и дальше удалялась от Пауля.

Преподобная Мать наконец приняла решение и сказала:

– Столь важный вопрос нельзя решать в одиночку. Я должна снестись с Советом на Валлахе. Ты позволишь?

Словно ей необходимо мое разрешение! – подумал Пауль и ответил:

– Хорошо, согласен. Но не тяните. Я не могу ждать сложа руки, пока вы там размышляете.

– Будете ли вы обращаться к Бене Тлейлаксу? – резким тоном вторгся в разговор гхола.

Глаза Алии внезапно широко распахнулись – словно бы разбуженная опасным гостем, она смотрела на гхолу...

– Пока я не решил, – произнес Пауль. – И при первой же возможности я отправлюсь в Пустыню. Наш ребенок рожден будет в сиече.

– Мудрое решение, – одобрил Стилгар.

Алия не хотела даже глядеть на него. Брат ошибался. Она ощущала это каждой клеточкой своего тела. Сам Пауль не может не знать этого. Почему он выбрал именно эту тропу?

– Бене Тлейлаксу предлагали уже свои услуги? – спросила Алия. Она почувствовала, как замерла Мохийам в ожидании ответа.

Пауль покачал головой.

– Нет, – и обернулся к Стилгару:

– Стил, распорядись, чтобы послание Преподобной ушло на Валлах.

– Непременно, милорд.

Стилгар подозвал стражу и вышел, следуя за старухой. Пауль молча глядел в сторону. Он видел, что Алия не решается спросить его о чем-то. Но так и не обратившись к нему, она повернулась к гхоле.

– Ментат, – сказала она, – будут ли тлейлаксу просить милости у моего брата?

Гхола пожал плечами.

Тлейлаксу? – позволил себе отвлечься Пауль. *Нет... не так. Вопрос Алии говорил, что она не видит других вариантов.* Ну что же, у каждой сивиллы собственные возможности, и у пророка тоже. Разве сестра одно и то же со своим братом? Скитания... Скитания... Вздвогнув, он отвлекся от собственных мыслей, чтобы услышать обрывки разговоров:

...должен знать, что тлейлаксу...

...полнота данных всегда...

...следует проявить здоровую осторожность...

Пауль повернулся к сестре, привлекая ее внимание. Он понимал, что она заметит следы слез на лице его и удивится... Пусть удивляется. Удивление не грех. Он взглянул на гхолу, но перед глазами был Айдахо. Грусть и сочувствие боролись в его душе. Интересно, какими видят их эти металлические глаза?

У зрения и слепоты много ступеней, думал Пауль, вспоминая фразу из Экуменической Библии: *«Каких же еще чувств надо вам, чтобы увидеть невидимый мир вокруг вас?»*

Органом каких чувств были эти металлические глаза?..

Ощувив горькую печаль брата, Алия подошла к нему. Благоговейным жестом фрименки коснулась слезинки на щеке его и проговорила:

– Не надо горевать о ближних, прежде чем они оставили нас.

– Прежде, – прошептал Пауль. – Скажи мне, сестренка, что такое – «прежде»?

* * *

«Я уже сыт по горло и богами, и их жрецами! Неужели думаете, что собственный мир не понятен мне? – Хейт, что следует из имеющихся данных? – Греховные обряды мои проникли в сердце потребностей человека. Люди и едят теперь по милости Муад'Диба! Любят ради меня, рождаются во имя мое... улицу переходят, благодаря за это Пророка. Даже балку в захудалом домишке на каком-нибудь Шри-Ганге не станут менять, не испросив благословения у жрецов Муад'Диба».

(Книга Обличений из «Хроники Хейта»)

– Ты многим рискуешь, являясь ко мне в это время, – произнес Эдрик, бросив яростный взгляд на лицедела через стенки контейнера.

– Насколько же слабосильно и узко твое разумение! – ответил Скитале. – И кто же, по-твоему, явился с визитом в твой дом?

Эдрик нерешительно вглядывался в объемистое тело, тяжелые веки, припухшее лицо. Было рано, и метаболизм Эдрика после ночного отдыха еще не перестроился на полное потребление меланжи.

– Надеюсь, по улице ты шел не с этой физиономией? – спросил Эдрик.

– Среди моих обличий сегодня были и совершенно не запоминающиеся.

Этот хамелеон решил, что смена шкуры защитит его от всех неприятностей, необычайно отчетливо понял Эдрик. И вновь подумал: а что, если его участие в заговоре не скрывает соучастников от прочих пророков... Сестры Императора, например?

Эдрик качнул головой, взбаламутив оранжевый газ во всем контейнере, и произнес:

– Зачем ты здесь?

– Наш дар должен быстрее перейти к решительным действиям, – объявил Скитале.

– Это невозможно.

– Следует отыскать способ, – настаивал Скитале.

– Почему?

– Мне не нравится течение дел: Император пытается разделить нас. Он уже обратился с предложением к Бене Гессерит.

– Ах, это...

– Это! И вы обязаны заставить гхолу немедленно...

– Сделали его вы, тлейлаксу. Какие рекомендации нужны вам от меня? – Эдрик умолк, пододвинулся к прозрачной стенке контейнера. – Или же вы солгали, и дар этот предназначен для иного?

– Чем солгали?

– Ты ведь утверждал, что гхола – оружие, которое нужно просто направить в цель... И когда гхола обретет хозяина, нам не придется уже вмешиваться.

– Ну, действия всякого гхолы можно ускорить, – отвечал Скитале. – Для этого достаточно просто поинтересоваться прежней личностью его.

– И к чему это приведет?

– Он станет действовать в соответствии с нашими целями.

– Но Император все-таки ментат, а потому мудр и логичен, – возразил Эдрик, – он может просто догадаться о наших мотивах... или его сестра. Если она обратит все свое внимание на...

– Что же, ты не в силах укрыть нас от его сестры? – спросил Скитале.

– Речь не о пророках, – отвечал Эдрик. – Я опасаюсь логики, нюха шпионов и ищеек империи, ее мощи и власти над Пряностью, ее...

– Перед мощью Императора не обязательно испытывать трепет – если помнить, что она конечна, – отвечал Скитале.

Навигатор начал возбужденно извиваться, размахивая конечностями, словно некий диковинный тритон. Скитале подавил отвращение. Гильдиец был облачен в свой обычный темный комбинезон, на поясе вздувались емкости для всяких мелочей. И все же при движении он казался нагим. Виной тому эти плавательные движения, рассудил Скитале, и вновь поразился странной связи, собравшей таких различных заговорщиков. Они попросту несовместимы друг с другом. В этом кроется слабость их замысла.

Возбуждение Эдрика утихло. Он видел Скитале сквозь оранжевую дымку перед глазами. Каким ходом запаса лица, чтобы успеть вовремя спасти собственную шкуру? Поступки тлейлаксу были непредсказуемы. Недобрый знак.

Нечто в голосе и действиях навигатора свидетельствовало, что гильдиец боится сестры Императора куда больше, чем самого Муад'Дибана. Мысль эта встревожила Скитале. Неужели заговорщики не знают об Алие чего-то важного? Сумеет ли один гхола погубить и брата, и сестру?

– Знаешь ли ты, что говорят об Алие? – принялся прощупывать почву Скитале.

– Что ты хочешь сказать? – человек-рыба вновь казался обеспокоенным.

– Что у философии и культуры еще не было такой покровительницы, – ответил Скитале. – Радость и красота в едином...

– Ни радость, ни красота не вечны, – возразил Эдрик. – Мы погубим обоих Атрейдесов. Культура! Да они насаждают ту культуру, которая помогает им править! Красота! Их красота порабощает. Они создают вокруг себя грамотное невежество, ведь это легче всего. Атрейдесы ничего не оставляют на волю случая. Ковать оковы – вот дело, привычное для их рук, Атрейдесы только сковывают и порабощают. Но всякий раб однажды да восстанет!

– Сестра может выйти замуж и родить, – проговорил Скитале.

– Что нам до сестры? – спросил Эдрик.

– Пару ей может подобрать Император, – пояснил Скитале.

– Пусть выбирает. Для этого уже слишком поздно.

– Будущего не выдумать, – предостерег его Скитале. – Ты не творец его, но и Атрейдес тоже. – Он кивнул. – Не следует рассчитывать на многое.

– Мы не из тех, кто легкомысленно болтает о творении, – запротестовал Эдрик. – Довольно того, что мы не принадлежим к сброду, пытающемуся сделать Муад'Диб мессией. Что за чушь? Зачем ты задаешь такие вопросы?

– Это не я, – отвечал Скитале, – вся эта планета задает такие вопросы.

– Планеты не разговаривают.

– Согласен – все, кроме этой.

– Неужели?

– Она говорит о творении. Песок, выпадающий по ночам, твердит эти слова.

– Это песок-то?

– Когда ты пробуждаешься утром, глазам твоим каждый раз предстает новый мир – девственная гладь, на которой еще никто не оставлял следа.

Девственная гладь, думал Эдрик. Творение? Его вдруг охватило беспокойство. Этот тесный контейнер, давящие стены вокруг... каменная темница угнетала его.

Следы на песке.

– Ты говоришь как фримен, – произнес Эдрик.

– Да, мысль эта принадлежит Вольному Народу, и она достаточно поучительна, – согласился Скитале. – Они говорят, что джихад Муад'Диб оставляет свои следы во Вселенной, подобно фримену, ступающему по пескам. И следы эти подобны жизни человека.

– Так ли?

– Но всегда приходит ночь, – ответил Скитале, – а с ней ветер.

– Да, – согласился Эдрик. – Джихад не вечен. Муад'Диб использовал свой джихад и...

– Нет, – возразил Скитале. – Это не он использовал джихад – это джихад воспользовался им. По-моему, Муад'Диб прекратил бы его, если б только мог.

– Если б только мог? Для этого-то нужно всего...

– Ох, перестань! – бросил Скитале. – Как остановить эпидемию ментатизма? Она передается от личности к личности через парсеки. Она заразна, невероятно заразна. К тому же поражает человека в самое уязвимое место, и так переполненное останками прежде перенесенных подобных хворей. Кому по плечу остановить эту чуму? Даже у Муад'Диб не было противоядия. Корни этой болезни уходят в хаос. Кто может приказывать хаосу?

– Значит, и ты заразился? – спросил Эдрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, удивляясь страху в словах Скитале. Или же лицедел успел предать их? Он не мог заглянуть в будущее, проверить, так ли это. Грядущее бурлило мутным ручьем, хлопотало на камнях-проках.

– Мы все уже заражены ею, – отвечал Скитале, напоминая себе, что интеллект Эдрика, увы, ограничен. Как бы намекнуть, чтобы гильдиец понял?

– Но ведь когда мы уничтожим его, – проговорил Эдрик, – зараза...

– Следовало бы оставить тебя в невежестве, – усмехнулся Скитале, – но долг не позволяет. К тому же это опасно для всех нас.

Эдрик дернулся, взмахнул перепончатой ногой, остановился, всколыхнув облака оранжевого газа. – Странные речи, – неуверенно сказал он.

Более спокойным тоном Скитале проговорил:

– Да, власть Муад'Диб уже готова взорваться, развалиться на части, которые будут разлетаться столетиями! Разве ты не видишь этого?

– Гильдии приходилось иметь дело с религиями, – запротестовал Эдрик. – И если новая...

– Это же не просто религия! – попытался растолковать Скитале, подумывая, что сказала бы Преподобная Мать, если бы оказалась свидетельницей суровой трепки, которую ему пришлось задать собрату-заговорщику. – Эта государственная религия – нечто совершенно иное. Муад'Диб повсюду насажал своих квизара тафвид, и они подменили собой бывшие правительства. Эта власть не имеет постоянных представительных органов, не имеет посольств. И то и другое подменяют епископы, которым и принадлежит власть. Люди завистливы.

– Но пока их ничто не соединяет, с ними легко справиться поодиночке, – отозвался Эдрик с самодовольной усмешкой, – стоит отрубить голову, и тело упадет на...

– У этого тела две головы, – заметил Скитале.

– Сестра... которая может выйти замуж.

– Которая *выйдет* замуж.

– Скитале, мне не нравится этот тон.

– А мне не нравится твое невежество.

– Ну и что, если она выйдет замуж. Как это скажется на наших планах?

– Это скажется на целой Вселенной.

– Но ведь они вовсе не уникальны. И я сам, например, обладаю известными силами.

– Ты младенец рядом с ними. Ползешь на четвереньках там, где они бегут.

– И все же они не уникальны!

– Не забывай, гильдиер, что мы, тлейлаксу, некогда сами породили Квисатц Хадераха. Существо, способное лицезреть весь спектакль, разворачивающийся во времени. Это неотъемлемое свойство его, нельзя надеяться на собственную безопасность, угрожая ему. Муад'Дибу, конечно, известно, что удар будет нанесен по его Чани. Значит, мы должны действовать быстрее, чем он. Свяжись с гхойлой, заставь его действовать. Я сказал, как это сделать.

– А если я не смогу?

– Тогда перуны Муад'Диб поражают нас.

О червь пожирающий,
Устоишь ли против стремления необоримого?
Плоть и дыхание влекут бессчетнозубого
В землю начал, дабы.
Сокрушить чудищ, в пламени пляшущих.
Нет обличья у многоликого,
Что укрыло бы пламень желания,
Жар божественный, яд устремления.

(«Гимн Червию» из «Книги Дюны»)

Пауль хорошенько пропотел в тренировочном зале, фехтуя с гхойлой крисом и коротким мечом. Он теперь стоял у окна, глядел на площадь перед храмом и пытался представить себе, что делается с Чани в лазарете. Утром ей стало плохо, шла шестая неделя беременности. Вра-

чей лучше тех, что уже суетились вокруг нее, попросту не существовало. Они известят его, если что-нибудь произойдет.

В полуденном небе над площадью нависали темные пылевые тучи. Такую погоду фримены звали «грязной».

Когда же наконец придет весть от врачей? Секунды осторожно крались мимо него, не решаясь обеспокоить своим присутствием.

Ожидание... ожидание... И Бене Гессерит еще ничего не ответили с Валлаха. Естественно, не без умысла.

Все это он уже видел... когда-то. Но теперь он отгораживал свое сознание от пророчества, желая быть просто рыбой, скользящей в водах времени не по собственной воле, а повинуюсь могучим течениям и не сопротивляясь судьбе.

Гхола звенел оружием, разглядывал его. Пауль вздохнул, протянул руку к поясу и выключил щит. Как и всегда, по коже волной пробежали мурашки.

Когда придет Чани, придется встретить ее гнев лицом к лицу, думал Пауль. Пока еще ему отпущено достаточно времени, чтобы примириться с тем, что его умолчание продлило ей жизнь. Разве он был не прав, предпочитая Чани наследнику? Ах-хх, по какому праву он решил это за нее? Дурацкая мысль. Нечего было и колебаться, зная альтернативу: застенки, пытки, горе... и все остальное, куда худшее.

Он услышал, как отворилась дверь... раздались шаги Чани.

Пауль повернулся.

Лицо Чани дышало убийством. Все прочее: золотое одеяние, подбиравший его широкий фрименский пояс, ожерелье из водяных колец, рука на бедре, возле ножа, внимательный взгляд, мгновенно обежавший комнату, – только подчеркивало грозу на лице.

Когда она оказалась рядом, Пауль раскрыл объятия и привлек ее к себе.

– Кто-то, – выдохнула она, уткнувшись носом в его грудь, – все это время потчевал меня контрацептивом... пока я не перешла на новую диету. Будут сложности с родами.

– Но есть же какие-то средства? – спросил он.

– Опасные. Я знаю, кто давал мне этот яд! И возьму ее кровь!

– Сихайя, – шепнул он, еще крепче прижимая ее к себе, чтобы унять внезапную дрожь. – Ты же понесла. Разве этого не довольно?

– Сейчас моя жизнь просто сгорает, – отвечала она, – будущие роды определяют теперь всю мою жизнь. Врачи сказали мне, что все жизненные процессы ужасно ускорились. Я должна есть, есть и есть... Пряность тоже – во всех видах – есть и пить. Я убью ее за это!

Пауль притронулся губами к ее щеке.

– Нет, моя Сихайя, ты никого не убьешь, – и подумал: *Любимая, Ирулан продлила твою жизнь. Роды принесут тебе смерть.*

Горе грызло кости его, и жизнь утекала... в черную пустоту.

Чани отодвинулась от него.

– Ее нельзя простить!

– Кто говорил о прощении?

– А тогда почему мне нельзя просто убить ее?

Вопрос откровенный, чисто фрименский, и Пауль едва сумел подавить истерическое желание расхохотаться, с трудом выдавив взамен:

– Это ничего не исправит.

– Ты *видел* это?

И то, что он видел, мгновенно предстало перед его умственным взором. У Пауля заныло под ложечкой.

– Видел... видел... – пробормотал он. Все вокруг до мельчайших подробностей укладывалось в будущее, которое буквально парализовало его. Слишком часто он видел все это;

какие-то цепи приковали его к этому будущему, которое сладострастным суккубом⁴ наваливалось на него. Горло стиснула внезапная сухость. Значит, ведьмин зов проклятого пророческого дара наворожил ему наконец сегодняшний день, не ведающий пощады?

– Говори, что ты *видел*, – потребовала Чани.

– Не могу.

– А почему я не должна убивать ее?

– Потому что я прошу тебя об этом.

Он смотрел, как она реагировала на его слова. *Так песок поглощает воду, впитывает и скрывает. Найдется ли хоть одна капля повиновения под этой гневной, раскаленной поверхностью?* – думал он. И теперь только понял, что жизнь в Императорской Цитадели совершенно не изменила Чани. Очередная остановка на долгом пути по Пустыне, отдых с любимым... Она не утратила ничего, дарованного ей Пустыней.

Отстранив его, Чани смотрела на гхолу, ожидавшего возле многоугольника, выложенного на полу тренировочного зала.

– Ты фехтовал с ним? – спросила она.

– Да, мне это нравится.

Она глянула на многоугольник, перевела взгляд на металлические глаза гхолы.

– А мне – нет.

– Враги не прибегнут к насилию, он не нападет на меня, – проговорил Пауль.

– Ты видел это?

– *Этого* я не видел.

– И откуда ты знаешь?

– Ну, это не только гхола, но еще и Дункан Айдахо.

– Его сделали Бене Тлейлаксу.

– Они сделали больше, чем предполагали.

Она качнула головой. Кончик шарфа-нежони лег на воротник ее платья.

– Он – гхола, и этого тебе не изменить.

– Хейт, – повернулся к гхоле Пауль, – являешься ли ты орудием, созданным для моего уничтожения?

– Если изменятся суть и природа настоящего, будущее тоже изменится, – отвечал гхола.

– Это не ответ, – возразила Чани.

Пауль возвысил голос:

– Хейт, как я умру?

В искусственных глазах блеснули искорки.

– Говорят, милорд, вы умрете от избытка власти и денег.

Чани застыла.

– Как он смеет так разговаривать с тобою?

– Ментат говорит правду, – проговорил Пауль.

– А Дункан Айдахо был тебе истинным другом? – спросила она.

– Он отдал за меня жизнь.

– Но все знают, – шепнула Чани, – что гхола не становится тем человеком, которым когда-то был.

– Не хотите ли вы обратить меня? – поднял брови гхола, глядя на Чани.

– Что он имеет в виду? – удивилась та.

– Обратить в свою веру, или повернуть обратно... – проговорил Пауль, – но пути назад не существует.

– Каждый человек несет в себе собственное прошлое, – заметил Хейт.

⁴ демон женского пола, вступающий в связь с мужчинами.

– И каждый гхола? – спросил Пауль.

– Некоторым образом, милорд.

– Тогда скажи, что осталось от прошлого в глубине твоей плоти? – спросил Пауль.

Чани видела, как вопрос этот взволновал гхола. Ладони его сжались в кулаки, движения стали порывистыми. Она поглядела на Пауля, удивляясь: зачем ему это? Или же есть способ преобразить это создание в того, прежнего человека?

– Случалось ли прежде, чтобы гхола вспоминал свое истинное прошлое? – спросила Чани.

– Этого пытались добиться, и не однажды, – отвечал Хейт, не подымая глаз. – Но ни один гхола никогда не обрел свою прежнюю память.

– Но ты жаждешь этого, – проговорил Пауль.

Гладкие глаза гхолы в упор смотрели на Императора.

– Да!

Тихим голосом Пауль начал:

– Если есть способ...

– Эта плоть, – проговорил гхола, словно в странном приветствии взметнув руку ко лбу, – не есть плоть моего рождения. Она... восстановлена. Это всего лишь форма. Такое по силам и лицеделам.

– Ну, не совсем, – отвечал Пауль, – к тому же ты не лицедел.

– Совершенно верно, милорд.

– Что же определяет форму твоего тела?

– Наследственная информация, записанная в исходных клетках.

– Где-то существует, – сказал задумчиво Пауль, – пластиковая штучковина, помнящая форму тела Дункана Айдахо. Говорят, что древние пытались заниматься этими вещами еще до Джихада Слуг. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что взяла она от оригинала?

Гхола пожал плечами.

– А что, если это был не Дункан Айдахо? – спросила Чани.

– Это был он.

– Почему ты в этом уверен? – спросила она.

– Он похож на Дункана совершенно во всем. Я не могу представить себе такой силы, что могла бы точно, без искажений, без усталости выдерживать эту форму изо дня в день.

– Мой господин! – запротестовал Хейт. – То, что мы не можем чего-либо представить, еще не делает такую вещь невозможной. Как гхола, я могу оказаться вынужден сделать такое, чего бы не сделал, будучи просто человеком!

– Теперь видишь? – спросил Пауль, внимательно глядя на Чани.

Она кивнула.

Пряча глубокую печаль, Пауль отвернулся. Он подошел к двери на балкон, отодвинул шторы. В наступившей мгле вспыхнуло освещение. Он потуже запахнулся в одеяние, прислушиваясь к тому, что творилось у него за спиной.

Тишина.

Он обернулся. Чани стояла как в трансе, не отводя глаз от гхолы.

Хейт же, как показалось Паулю, спрятался в какую-то из внутренних каморок собственного существа, в месте, подобающем гхоле.

Чани повернулась на звуки шагов Пауля. Она все еще не могла отделаться от ощущения: слова Пауля на какой-то миг сделали гхолу полнокровным живым человеком. На миг она перестала бояться его, он вдруг превратился в личность, которая была достойна ее восхищения. Теперь она поняла, зачем все это потребовалось Паулю. Он хотел, чтобы она заметила мужчину во плоти гхолы.

Она поглядела на Пауля.

– И таким-то мужем был этот Дункан Айдахо?

– Да, таким он и был. И есть ныне.

– А он позволил бы Ирулан остаться в живых? – спросила Чани.

Впитывается вода, да неглубоко, подумал Пауль, но произнес только:

– Если бы я приказал ему.

– Не понимаю, – сказала она, – ведь и тебе следовало бы сердиться?

– Я уже сердит.

– Не похоже. Ты какой-то грустный.

– Да, немного. – Он закрыл глаза.

– Ты – мой мужчина, – вздохнула она. – Я так давно знаю тебя, но вдруг оказалось, что не понимаю.

Паулю вдруг представилось, что он спускается в глубь длинной пещеры. Плоть его двигалась, ноги переступали сами собой, но мысли были далеко.

– Я и сам не понимаю себя, – прошептал он и, открыв глаза, обнаружил, что Чани нет рядом.

Она проговорила откуда-то из-за спины:

– Любимый мой, я больше не буду спрашивать, что ты видел. С меня хватит того, что я рожу тебе долгожданного наследника.

Он кивнул и отозвался:

– Это я знаю уже давным-давно. – Он обернулся к ней. Чани казалась такой далекой...

Взяв себя в руки, она положила ладонь на живот.

– Есть хочется... Врачи сказали, что теперь мне придется есть в три-четыре раза больше, чем прежде. Я боюсь, любимый. Все идет слишком быстро.

Слишком, мысленно согласился он. *Плод сам понимает, что следует поспешить.*

* * *

Дерзость Муад'Дибя проявляется в том, что знал он с самого начала путь свой, но ни разу не сошел с него. Яснее всего сказал об этом он сам: «Говорю вам: пришло время моего испытания, и покажет оно глубину служения моего». Так сплетал он все воедино, чтобы и друг, и враг поклонялись ему. Поэтому и только поэтому зывали его апостолы: «Боже, спаси нас от прочих путей, которые Муад'Диб укрыв под водами своей жизни». Даже представить себе эти «прочие пути» можно лишь с глубочайшим отвращением.

(Из «Йиам-эль-Дин», Книги Суда)

Весть принесла молодая женщина – имя ее, лицо и семья были известны Чани, потому что она и миновала преграды, расставленные Имперской службой безопасности.

Чани лишь назвала ее имя начальнику охраны Императора по имени Баннерджи, устроившему встречу вестницы с Муад'Дибом. Офицер руководствовался чистой интуицией и заверениями молодой женщины, что отец ее в дни, предшествовавшие джихаду, принадлежал к числу смертников Императора, ужасающих федайкинов. Иначе он, скорее всего, не счел бы необходимым обращать внимание на ее утверждение, что весть предназначена для ушей одного лишь Муад'Дибя.

Перед аудиенцией женщину, конечно же, и просветили, и обыскали в личных апартаментах Пауля. А потом, не выпуская из ладони ножа, Баннерджи повел ее за руку.

Почти в полдень вступили они в это странное жилище, в котором обиход фримена дополнялся роскошью наследственной знати.

Три стены его были завешены гобеленами, типичными для хайрега, – изящными вышивками на темы мифов Пустыни. Четвертую стену занимал обзорный экран – ровная серебристо-серая поверхность его поднималась за овальным столом, на котором находились одни только фрименские песочные часы, встроенные в оррерий⁵ – этот иксиканский гравимеханизм объединял макеты лун солнц Арракиса в классическую Триаду Червя.

Стоявший возле стола Пауль смотрел на Баннерджи. Этот офицер попал на службу без-опасности из фрименских констеблей, добившись места лишь собственным умом и преданностью, хотя анкету его портило происхождение из контрабандистов, о чем говорила сама фамилия. Крепкий мужчина, чуть ли не толстый. Черные пряди хохолком экзотической птицы ниспадали на казавшийся влажным лоб. Синие-на-синем глаза его могли, не меняя выражения, невозмутимо взирать и на сцены блаженства, и на корчи мук. Чани и Стилгар доверяли ему. Пауль знал, что, если он прикажет удавить напросившуюся в гости девицу, Баннерджи немедленно исполнит приказ.

– Сир, вот девушка с вестью, – проговорил Баннерджи. – Госпожа Чани говорила, что предупредила вас.

– Да, – коротко кивнул Пауль.

Как ни странно, девушка на него не глядела. Внимание ее было поглощено оррерием. Смуглая, среднего роста, закутанная в одежды, роскошная ткань и простой покрой которых свидетельствовали о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из той же ткани. Руки ее прятались в складках платья. Пауль подумал – должно быть, они стиснуты в кулаки. Это соответствовало характеру. Все в ней вообще соответствовало характеру, в том числе и одежда: последние остатки былой роскоши, береженные для подобной okazji.

Пауль жестом велел Баннерджи отступить. Тот нерешительно повиновался. Девушка шевельнулась, грациозно шагнула вперед. Но глаза ее глядели в сторону.

Пауль кашлянул.

Только теперь девушка подняла взгляд. Синие глаза ее округлились, выражая точным образом отмеренный трепет. Странное личико с узким подбородком, сдержанный рот. Глаза над высокими скулами казались слишком большими. Но было в ней нечто безрадостное, свидетельствующее о том, что улыбка – редкая гостья на этом лице. В уголках глаз желтела легкая дымка – или от раздражения песком, или из-за привязанности к семуте.

Все как и должно быть.

– Ты попросила, чтобы я принял тебя, – проговорил Пауль.

Теперь настал миг высшего испытания девичьего обличья. Скитале воспроизвел все, что мог, – облик, манеры, пол, голос. Но эту девушку Муад'Диб знал в дни своей жизни в сиегче. Пусть она была только ребенком тогда, но их с Муад'Дибом объединял одинаковый образ жизни. Некоторых тем следовало избегать в разговоре. Скитале не приходилось еще исполнять более сложной роли.

– Я – Лихна, дочь Отхейма, сына Бериаль-Диб.

Девушка выговорила имена тихо, но твердо.

Пауль кивнул. Он уже понял, каким образом этот лицедел сумел обмануть Чани. Если бы не знания Бене Гессерит, если бы не паутина дао, которой его пророческое зрение окутывало его, такое обличье, возможно, ввело бы в заблуждение и его самого.

Тренировка позволила подметить некоторые ошибки. Девушка казалась старше, чем следовало; голосовые связки явно были перенапряжены; посадка головы и плеч буквально на йоту отличались от непринужденной осанки фрименской женщины. Но кое-что было сделано про-

⁵ астрономический инструмент, демонстрирующий движение планет, механическая модель планетной системы; иногда планетарий.

сто отменно: богатое платье кое-где подштопано, выдавая истинное положение дел, черты лица сымитированы безупречно. Значит, лицеделу понравилась эта роль.

– Отдохни в моем доме, дочь Отхейма, – отвечал Пауль обычным фрименским приветствием, – я рад тебе, как воде после дневного перехода.

Только легчайшее удовлетворение этим очевидным доверием отразилось на физиономии лицедела, выдавая его самоуверенность.

– Я принесла весть, – проговорила девушка.

– Вестник человека все равно что сам человек, – отвечал Пауль.

Скитале тихо вздохнул. Все пока шло хорошо, но наступал важный момент: Атрейдеса следовало подтолкнуть в нужную сторону. Свою фрименку-наложницу он должен потерять в таких обстоятельствах, когда винить в этом будет некого. Кроме себя самого, всесильного Муад'Диб. Следует заставить его сперва осознать собственное падение, а потом принять предложение тлейлаксу.

– Я дым, который разгоняет ночную дремоту, – сказал Скитале, воспользовавшись кодовой фразой федайкинов, означавшей: *я несу плохие известия*.

Пауль с трудом сохранял спокойствие, он казался себе нагим, душа его бродила в темноте, скрытой от всех видений. Этого лицедела укрывал могучий оракул. Только краешки этой ситуации были ведомы Паулю. Он знал только, чего ему *не следует* делать. Лицедела нельзя было убивать. Это вело к будущему, которого следовало избегать любой ценой. Может быть, и в этой тьме отыщется тропинка, которая выведет его из кошмара.

– Говори свою весть, – произнес Пауль.

Баннерджи шагнул в сторону так, чтобы видеть лицо девушки. Она, казалось, впервые заметила рукоятку ножа под ладонью офицера безопасности.

– Невинный не верит во зло, – проговорила она, глядя на Баннерджи.

Ах-х, великолепная работа, думал Пауль. Так сказала бы и настоящая Лихна. Острая жалость на миг пронзила его – к истинной дочери Отхейма, убитой и выброшенной в песок. *Не время для подобных эмоций*, нахмурился он.

Баннерджи внимательно глядел на девушку.

– Мне было приказано тайно передать эту весть, – проговорила она.

– Почему? – резким голосом спросил Баннерджи.

– Так пожелал отец.

– Это мой друг, – отвечал Пауль. – Или я не фримен? Мой друг может слышать все, что предназначено для моих ушей.

Скитале в девичьем облике подобрался. *Обычай фрименов... или ловушка?*

– Император вправе устанавливать собственные законы, – ответил он. – Вот моя весть: отец мой хочет, чтобы ты пришел к нему вместе с Чани.

– Зачем ему Чани?

– Она твоя женщина и сайядина. По законам наших племен, это водяное дело. Она должна подтвердить, что отец мой говорит по фрименскому обычаю.

Значит, в заговоре участвуют и фримены, думал Пауль. Это соответствовало тем событиям, что скоро последуют. И у него не было выхода, оставалось только идти этим путем.

– О чем будет говорить твой отец? – спросил Пауль.

– О заговоре против тебя, о заговоре среди фрименов.

– Почему же он сам не принес сюда эту весть? – потребовал ответа Баннерджи.

Она глядела на Пауля.

– Он не может этого сделать. Заговорщики подозревают его. Он не дойдет до дворца.

– А он не мог поделиться подробностями с тобой? – спросил Баннерджи. – Иначе зачем еще рисковать собственной дочерью?

– Детали запечатлены в дистрансе, который откроется для одного Муад'Диб, – проговорила она. – Мне известно лишь это.

– Почему он не послал этот дистранс? – спросил Пауль.

– Это человек, – отвечала она.

– Тогда я приду, – проговорил Пауль, – но только один.

– Чани должна прийти вместе с тобой.

– Чани в положении.

– Разве беременные фрименки отказываются ходить?

– Мои враги травили ее тонким ядом, – отвечал Пауль. – Ее ждут трудные роды. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скитале сумел овладеть собой, странные эмоции отразились на девичьем лице: гнев и разочарование. События невольно напомнили ему: у каждой жертвы должен быть путь к спасению. Заговор не провалился, нет. Атрейдес увяз в сетях, ведь он уже стал самим собой. И скорее погибнет, чем превратится в собственную противоположность. Так было с Квисатц Хадерахом тлейлаксу. Так будет и с ним. А потом... гхола.

– Разреши мне самой попросить Чани об этом, – попросила девушка.

– Я решил, – отвечал Пауль. – Вместо нее будешь сопровождать меня *ты*.

– Но я не сайядина обрядов!

– Разве ты не подруга Чани?

Попался! – подумал Скитале. *Неужели он заподозрил? Нет... Просто он осторожен, как подобает фримену. И к тому же контрацептив – это факт. Хорошо, существуют и другие пути.*

– Отец не велел мне возвращаться, – продолжил Скитале, – он сказал, чтобы я просила убежища у тебя. Он сказал, что ты не будешь рисковать мною.

Пауль кивнул. Абсолютно достоверно. Он не мог отказать ей в убежище. Ей, фрименке, покорной слову отца.

– Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, – ответил Пауль. – Расскажи нам, как идти к твоему отцу.

– А ты уверен, что можешь доверять жене Стилгара?

– Я знаю это.

– А я – нет.

Пауль поджал губы, потом спросил:

– Твоя мать жива?

– Моя истинная мать ушла к Шай-Хулуду. Но приемная жива и заботится об отце. Зачем она?

– Она из сьетча Табр?

– Да.

– Я помню ее, – проговорил Пауль. – Она заменит Чани.

Он дал знак Баннерджи.

– Пусть помощники отведут Лихну, дочь Отхейма, в подходящее для нее помещение.

Баннерджи кивнул. *Помощники*. Слово это означало, что вестницу следует поместить под усиленный надзор. Он взял ее за руку. Девушка воспротивилась.

– Как ты пойдешь к моему отцу? – спросила она.

– Как идти, расскажешь Баннерджи, – отвечал Пауль. – Он мой друг.

– Нет! Отец не велел! Не могу!

– Баннерджи?... – обратился Пауль к офицеру.

Тот помедлил. Пауль видел, что Баннерджи роется в своей энциклопедической памяти, благодаря которой он стал доверенным лицом Императора.

– Я знаю проводника, который может отвести вас к Отхейму, – ответил наконец Баннерджи.

– Я пойду один, – отрезал Пауль.

– Сир, если вы...

– Этого ведь хочет Отхейм, – проговорил Пауль, едва скрывая иронию.

– Сир, это слишком опасно, – возражал Баннерджи.

– Даже Императорам приходится порой рисковать, – отвечал Пауль. – Я принял решение.

Повинуйся.

Баннерджи не без колебаний вывел лицедела из комнаты.

Пауль отвернулся к пустому экрану. Ему казалось, что на него с высоты вот-вот свалится скала.

Сказать Баннерджи, кто эта вестница? – спросил он себя. Нет! В видении он не делал этого. Любые отклонения от видения лишь усугубляют насилие. Только бы успеть отыскать ось, на которой все крутится, чтобы вырвать себя из видения.

Если только она существует...

* * *

Какой бы экзотический вид ни принимала цивилизация, каких высот развития ни достигло бы общество, какой сложной ни становилась бы связь людей и машин, всегда наступает момент кульминации сил, когда дальнейшее направление развития человечества, само будущее его оказываются зависящими от простых поступков отдельных личностей.

(Из Богокниги Тлейлаксу)

На высоком пешеходном мостике между Цитаделью и зданием Квизарата Пауль начал прихрамывать. Солнце садилось, и в длинных тенях ему легче было скрыться, но внимательный взгляд всегда мог высмотреть в его походке какую-нибудь особенность и узнать его. Щит был на нем, но Пауль не включал его: помощники считали, что мерцание поля только вызовет подозрения.

Пауль посмотрел налево. Песчаные облака, как разрезные жалюзи, перегородили небо. Воздух за фильтрами дистикомба казался столь же сухим, как посреди хайрега.

Конечно, он был не один, десница службы безопасности вовсе не расслабилась с тех пор, когда он перестал прогуливаться по ночам в одиночку. Высоко над головой как бы случайно пролетали орнитоптеры с приборами ночного видения и контрольными приемниками, следящими за укрытым в его одеянии передатчиком; проверенные люди патрулировали улицы. Прочие разбредались по городу, рассмотрев и запомнив Императора в его фрименском обличье: дистикомб, Пустынные сапоги-тимаги. Грим делал его кожу более темной, за щеки были вставлены пластиковые вкладыши. Слева у подбородка торчала трубка дистикомба.

С противоположного края мостика Пауль оглянулся назад. Около каменной решетки, скрывавшей вход в его апартаменты, что-то шевельнулось. Конечно же, Чани. «Пошел искать песка в Пустыне», – говорила она в таких случаях.

Ничего не знает, думал он. Приходилось выбирать меньшее из страданий, но теперь уже даже самое малое становилось непереносимым. В последний раз тау чуть не выдало все его чувства. К счастью, она неправильно их истолковала... Она-то думала, что страхи его вызваны неизвестностью.

Если бы только не знать ни о чем, думал он.

Он сошел с моста и вошел в верхний коридор. Повсюду там были плавающие лампы, торопились по делам люди. Квизарат не дремал. Внимание Пауля привлекли таблички над

дверьми, прежде он не обращал на них внимания: *«Скорая торговля», «Ветровые конденсаторы и дистиллирующие устройства», «Перспективные пророчества», «Испытания Веры»...*

Надо всем этим можно было повесить одну общую табличку – *«Распространение бюрократии»*.

В его Вселенной само собой зарождалось новое существо: чиновник гражданский и религиозный. Вступая в Квизарат, он чаще всего был новообращенным. Ключевые посты занимали фримены, зато *эти* кишмя кишели во всех нишах ниже. Они могли позволить себе меланжу – и как свидетельство богатства, и в гериатрических целях. Они держались в стороне от властей: Императора, Гильдии, Бене Гессерит, Ландсраада, правящего семейства и Квизарата. Рутинка и отчетность были их истинными божествами. Им служили ментаты, они пользовались изощренными системами ведения документации. Целесообразность была главным понятием в их катехизисе. И на словах всякий из них отрешивался от идей, против которых выступил Джихад Слуг. Да, машина не может быть подобием человеческого разума. Но на деле любой из них явно предпочитал машины людям, статистику – личности и общий подход – личным контактам, требующим воображения и инициативы.

Выходя на пандус с другой стороны здания, Пауль услышал, как зазвонили колокола, созывая на вечернюю службу в Храм Алии.

В тревожном перезвоне колоколов странным образом слышалась вечность.

Располагавшийся по ту сторону заполненной народом площади храм еще не успел потерять новизну, и обряды его были придуманы недавно. Но что-то в этом здании, высящемся на краю Арракинской впадины, свидетельствовало о противоположном. Быть может, потому, что песок и ветер уже начинают точить камень и пластик, или потому, что прочие сооружения словно жались к нему. Храм казался древним, исполненным тайн и традиций.

Пауль отдался напору толпы. На этом настоял единственный оказавшийся неподалеку сопровождающий. Быстрое согласие Пауля вовсе не обрадовало службу безопасности. Еще менее того – Стилгара; больше всех беспокоилась Чани.

Несмотря на обступившую толпу, он ощущал странную свободу в движениях, его старательно обходили, не задевая; горожан и паломников учили правильно обходиться с фрименами. И он держался как человек из глубокой Пустыни. Такие легко вспыхивают гневом.

К ступеням храма подходили быстрее, напор толпы даже увеличивался. Теперь окружавшим трудно было избегать столкновений с ним и отовсюду неслись ритуальные извинения: «Прошу прощения, благородный господин. Увы, я был неловок», «Простите, почтеннейший, но такой давки я еще не видел», «Извиняюсь, святой человек, какой-то грубиян подтолкнул меня».

После первых извинений Пауль уже не обращал внимания на последующие. За ними не было ничего, кроме ритуального страха. Ему даже подумалось – как далеко ушел он от родного Каладанского замка! Где впервые поставил он ногу на путь, что привел его на эту людную площадь, в столицу планеты, находящейся в невероятной дали от Каладана? И вступал ли он на эту тропу вообще? Разве хоть однажды в жизни действия его определялись только одной причиной? Сложные мотивы, комплексы побуждений действовали на него; подобного переплетения реальности не ведал никто из людей во всей истории человечества. Пауля все преследовало ощущение, что он может еще уклониться от поджидающей его в конце концов участи... но толпа валила вперед, и с легким головокружением он подумал, что заблудился, потерял свой собственный путь по жизни.

Толпа несла его вверх по ступеням под портик храма. Голоса приумолкли. Запахло страхом – едким и кислым, как пот.

Псаломщики-аколиты уже начали службу. Простой речитатив их заглушал прочие звуки – перешептывание, шелест одежд, шарканье ног, покашливание, – гимн говорил о Дальних Краях, которые в священном трансе посещает Великая Жрица.

Она едет на великих червях пространства Сквозь бури и ураганы В страну тишины, и покоя. И хранит уснувших у логова змей, Облегчает жар Пустыни, Прячет нас в прохладной тени. Это блеск белых зубов ее Ведет нас в ночи, Это пряди волос ее Уводят нас в небо; Благоухание, ароматы цветочные Окружают ее.

Балак! – по-фрименски подумал Пауль. *Будь осторожен! Она может быть разгневана.*

Вдоль стен портика высился ряд светящихся трубок, выполненных в форме свечей. Они мерцали, тем самым пробуждая древние воспоминания в душе Пауля... так и было задумано. Хитроумный замысел, атавизм. Пауль ненавидел себя: ведь и он приложил руку к этому обману.

Через высокие металлические двери толпа втекала в огромный неф, во мраке его высоко над головой играли огоньки, вдали ярко светился алтарь. Пляшущие огни за этим обманчиво простым сооружением из черного дерева, украшенным изображениями на темы фрименских мифов, в сочетании с полем преддвери⁶ создавали впечатление северного сияния.

Семь рядов служек, выстроившихся под этим призрачным занавесом, обретали совершенно странный вид: чернели их одежды, белели лица, в едином порыве открывались и закрывались рты.

Пауль вглядывался в окружавших его пилигримов, вдруг позавидовав их сосредоточенности, страстному ожиданию откровений, которых сам он и слышать не мог без зевоты. Паломники же словно обретали здесь нечто таинственное и целительное, сокровище для него.

Он попытался подвинуться поближе к алтарю, но на руку его вдруг легла чья-то ладонь. Пауль мгновенно обернулся, встретил испытующий взгляд старика-фримена – синие-на-синем глаза под кустистыми бровями, в них светилось узнавание. В мозгу Пауля вспыхнуло имя – Разир. Он помнил этого фримена еще по временам жизни в сиегче.

Пауль понимал, что в окружении толпы окажется совершенно беспомощным, если Разир попытается напасть на него.

Старик подошел ближе, рука его под вытертым песком одеянием, конечно же, сжимала рукоять криса. Пауль постарался насколько возможно изготавиться к защите. Старик наклонил голову к уху Пауля и шепнул: *«Мы пойдем вместе с ними».*

Кодовый сигнал. Сопровождающий. Пауль кивнул.

Разир отодвинулся, повернулся к алтарю.

– *«Она грядет с востока, – возглашали аколиты. – Солнце стоит за ее спиной. Ничто не скроется от нее. Ослепительный свет солнца все откроет ее глазам, от которых ничто не утаится: ни свет, ни тьма».*

Поверх голосов застонал ребаб, пение замолкло, настало молчание. В наэлектризованном возбуждении толпа продвинулась вперед на несколько метров. Теперь все сбились в тугую массу, дыхание людей смешалось с густым запахом Пряности.

– *Шаи-Хулуд пишет на чистом песке!* – провозгласил хор.

Пауль вдруг ощутил, что даже у него, как и у всех прочих, перехватило дыхание. В тених позади сверкающей преддвери тихо вступил женский хор:

– Алия... Алия... Алия...

Пение становилось все громче и вдруг умолкло.

А потом нежные, как заря, голоса завели:

Она умирляет бури, Глаза ее истребляют врагов, Терзают неверных. От шпилей Туоно, Где брезжит рассвет, Где текут чистые воды, Видна ее тень. В летнюю жару она Дарует нам хлеб и млеко Прохладное, благоухающее травами, Ее глаза испепеляют врагов, Терзают угнетателей И проницают все тайны. Она – Алия... Алия... Алия... Алия.

⁶ Преддверь, или «выход предусмотрительности», – запасной выход, защищенный силовым щитом.

Голоса медленно смолкли. Пауль замутило. *Что же мы наделали*, подумал он. *Алия пока еще только юная ведьма, но вот-вот повзрослеет и станет еще страшнее.*

Духовная атмосфера этого храма терзала его. Какая-то его часть была заодно со всеми здесь собравшимися, но другая противилась, отвергая услышанное, и противоречие было мучительным. Он словно утонул в собственном неискупном грехе. Вселенная за пределами храма необъятна. Разве способен один человек в придуманном ритуале охватить весь необъятный простор... объединить людей единым верованием, доступным для каждого?

Пауль поежился.

Вселенная всегда противостояла ему. Она так и стремилась выскользнуть из его хватки, принимала несчетные обличья, чтобы обмануть его. Вселенная никогда не примет формы, которую он будет придавать ей.

Глубокое молчание охватило храм.

Из тьмы за играющей радугой выступила Алия. На ней были желтые одежды, расшитые зелеными узорами – фамильным цветом Атрейдесов: желтизна символизировала золотое солнце, зелень же – смерть, которая порождает жизнь. Паулю вдруг показалось, что Алия предстала перед ним одним, только ради него одного. Он глядел над толпой на собственную сестру. Ту, что была его сестрою. Он знал и весь ритуал, и истоки его, но никогда еще не случилось ему стоять здесь вместе с паломниками, глядеть на нее их глазами. И чувствуя таинственность сего, Пауль понял, что она – часть противостоящей ему Вселенной.

Аколиты поднесли Алии золотую чашу-потир.

Она подняла чашу.

Пауль знал, что в ней – непреобразованная меланжа, тонкий яд, благословение оракула.

Не отводя глаз от потира, Алия заговорила. Голос ее журчал ручейком, ласкал уши, как серебряный колокольчик.

– В начале все мы были пусты, – начала она.

– Не ведали ни о чем, – отозвался хор.

– И мы не знали той Силы, что обитает повсюду и во всех временах, – продолжила Алия.

– Не знали, не ведали, – откликнулся хор.

– Вот Сила, – проговорила Алия, приподнимая потир.

– Она дарует нам счастье, – пел хор.

И горе, думал Пауль.

– Она пробуждает душу, – говорила Алия.

– Рассеивает сомнения, – звенел хор.

– Слова убивают нас, – продолжила Алия.

– Сила исцеляет, – отозвался хор.

Приложив потир к губам, Алия отпила.

К собственному удивлению, Пауль понял, что он затаил дыхание, как и все вокруг него. Как самый простой паломник. И хотя он до тонкостей знал, что именно ощущает сейчас Алия, всеобщее тау захватило его. Он вдруг вспомнил, как течет по телу этот огненный яд. Как потом замирает время, как восприятие стягивается в точку, преобразующую яд. Он вновь вспомнил, как пробуждаешься среди безвременья, ощущая, что все возможно. Он знал все, что сейчас чувствует Алия. Но и не знал этого: тайна застилала глаза.

Затрепетав, Алия опустилась на колени.

И Пауль охнул вместе с заворуженными паломниками. И кивнул сам себе. Дымка тайны начинала развеиваться. Посреди всеобщего благоговения он успел позабыть, что каждое видение принадлежит тем, кто ищет, тем, кто еще в пути, тем, кто вглядывается во тьму, не умея отличить действительности от малого случая. Люди жаждут абсолюта, но не могут достичь его.

И в жажде своей теряют сегодняшнее.

В миг преобразования яда Алия пошатнулась.

Пауль ощущал, что какая-то трансцендентная сущность твердит ему: «Погляди! Сюда! Понимаешь теперь, чего ты не заметил?..» В этот момент он словно смотрел чужими глазами, ощущая здесь ритм и фантазию, невозможные ни для художника, ни для поэта. Все было прекрасно и исполнено жизни, и ослепительный свет высветил все пресыщение властью... его собственной властью.

Алия заговорила. Усиленный репродукторами, голос ее грохотал под сводами нефа.

– Светлая ночь, – провозгласила она.

Стон волной понесся над паломниками.

– Ничто не укроется во тьме этой ночи! – продолжила Алия. – Какой редкостный свет – эта тьма! На нее нельзя смотреть! Чувствам не понять ее. Словам не описать ее, – голос Алии стал тише. – Но перед нами пропасть. И она несет в чреве своем все, чему предстоит еще быть. Ах-хх, какое сладостное насилие!

Пауль почувствовал, что ждет от сестры чего-то, какого-то знака, предназначенного лишь ему одному. Дела или слова, мистического знака или заклинания, которым она словно стрелу наложит его на свой космический лук. Капелькой ртути трепетал этот миг в его сознании.

– Будет печаль, – нараспев проговорила Алия. – Помните, что все, что есть вокруг нас, – лишь начало, вечное начало. Миры еще не покорены. И голос мой отзовется в возвышенных судьбах. И вы посмеетесь над прошлым, и забудете эти слова: за всеми различиями кроется единство.

Подавив разочарование, Пауль глядел на склонившую голову Алию. Она ничего не сказала ему, он ждал напрасно. Собственное тело вдруг показалось ему пустой скорлупкой, шкуркой, сброшенной насекомым в Пустыне.

И другие ощущают это, думал он. Вокруг беспокойно зашевелились. Слева от Пауля в нефе скорбно и неразборчиво вскрикнула женщина.

Алия подняла голову, и Пауль с легким головокружением понял, что словно бы смотрит в ее остекленевшие глаза с расстояния в несколько дюймов.

– Кто призывает меня? – спросила Алия.

– Я, – закричала женщина... – Это я, Алия! Помоги мне, о Алия! Мне сказали, что сын мой погиб на Муритане. Он оставил меня? И я никогда больше не увижу сына?.. Это правда, скажи мне?

– Не иди назад по песку, – нараспев отвечала Алия. – Ничто не гибнет. Все возвращается, но ты можешь не узнать того, кто вернется.

– Я не поняла, Алия, – стенала женщина.

– Ты живешь в воздухе, но не видишь его, – резко ответила Алия. – Или ты ящерица? Твой голос – голос фрименки. Разве зовут фримены своих мертвых обратно? Что нам надо от них, кроме воды?

В центре нефа мужчина в богатом красном плаще закричал, воздев вверх обе руки так, что рукава плаща упали вниз, открыв тонкое полотно рубашки.

– Алия, – закричал он. – Мне предлагают сделку. Согласиться ли?

– Ты пришел сюда попрошайничать? – отвечала Алия. – Хочешь найти золотую чашу – встретишь кинжал.

– Меня попросили убить человека, – бухнул голос справа, в котором слышались интонации жителя сиегта. – Соглашаться ли? А если соглашусь, сложится ли все удачно?

– Конец и начало едины, – отрезала Алия. – Разве я еще не говорила об этом? Ты пришел не за этим. Ты уже сомневаешься – раз явился сюда и задал этот вопрос!

– Она сегодня не в духе, – пробормотала женщина, стоявшая рядом с Паулем, – я еще не видела ее такой гневной.

Она знает, что я здесь, подумал Пауль. *Неужели видение разгневало ее? И ярость эта направлена против меня?*

– Алия, – обратился к ней человек, стоявший прямо перед Паулем. – А скажи-ка всем этим деловым и мягкосердечным людям, сколько еще суждено править твоему брату!

– За этот уголок неведомого ты можешь заглянуть сам, – огрызнулась Алия. – Твои предсудки на твоём языке. Ты пьешь воду и живешь под крышей потому, что брат мой оседлал змея хаоса.

Яростным жестом запахнув плащ, Алия повернулась и исчезла во тьме под блистающей радугой.

Аколиты завели заключительный напев, но ритм ускользал от них. Неожиданное завершение службы выбило всех из привычной колеи. В толпе поднялся ропот. Вокруг беспокойно и неудовлетворенно зашевелились.

– А все этот дурак со своим бизнесом, – пробормотала та же самая женщина. – Ханжа! Что увидела Алия? Какую дорогу в грядущем?

Здесь сегодня что-то вышло не так, оракул так и не заговорил. Обычно Алия долго отвечала на вопросы. Да, все они вымаливали пророчество. Он слышал это много раз, сам следил за всем из мглы за алтарем. Что же не сложилось этим вечером?

Старый фримен потянул Пауля за рукав, кивнул ему в сторону выхода. Толпа уже начала тесниться в ту сторону. Пауль последовал за общим движением, рука сопровождающего держала его за рукав. Он чувствовал, что в теле его воплотилась некая сила, более не поддающаяся контролю. И он перестал быть существом – осталась одна тишина, которая двигалась сама по себе. Только в самой сердцевине этого не-существа еще нашлось ему место, и старик вел его по улицам города таким путем, что сердце леденело от скорби.

Нужно узнать у Алиш, что она увидела, подумал он. Я видел это много раз. Но Алия не возвысила голоса... значит, она тоже не видела альтернативы.

* * *

Рост доходов в моей Империи не должен отставать от роста промышленного производства. В этом суть моего правления. И никакого дисбаланса во взаимных расчетах. По одной причине – я так приказываю. Я хочу подчеркнуть этим мою власть. В моем домене я верховный потребитель энергии и останусь им даже после кончины. Экономия – вот мое правление.
(Приказ Императора Муад'Дибба Совету)

– Здесь я оставляю тебя, – сказал старик, снимая руку с рукава Пауля. – Там справа, вторая дверь от конца. Ступай с Шай-Хулудом, Муад'Диб... и не забывай, что был Усулом.

Проводник Пауля исчез во тьме.

Люди из службы безопасности следят за ними. И явно выжидают удобного момента, чтобы схватить старика и отвести его в место допроса. Пауль знал это. И надеялся, что старому фримену удастся скрыться.

Над головой уже мерцали звезды, дальний свет Первой луны угадывался за Барьерной Стеной... Но здесь не открытая Пустыня, здесь звезды не путеводны. Старик привел его в один из новых пригородов – лишь это успел заметить Пауль.

Улицу покрывал густой слой песка, нанесенного ветром с подступающих дюн. Тусклый свет одинокого уличного светильника освещал дальнюю часть улицы, давая понять, что перед ними тупик.

В воздухе стоял густой запах – вонял сортир, конечно, это был туалет со влагопоглотителем, но, должно быть, крышка прилегала неплотно и пропускала, кроме воню, еще и слишком много воды. Сколь беспечны стали его люди, подумал Пауль. Теперь все миллионеры...

позабыты те дни, когда на Арракисе могли убить человека, получив в уплату всего восьмую часть воды его тела.

Что же я медлю, думал Пауль. Вторая дверь от дальнего конца. Это я знаю и сам, без всяких слов. Но роль следует сыграть, не фальшивя. Поэтому... я колеблюсь...

В угловой части дома, справа от Пауля, слышались звуки ссоры. Женский голос громко костерил кого-то:

– В новую пристройку просачивается пыль! Что, по-твоему, вода падает с неба? Когда пыль входит, уходит вода.

Помнят еще... – думал Пауль.

Он двинулся дальше, и звуки ссоры за спиной утихли вдали.

Вода с неба! – усмехнулся он.

Фрименам уже случалось видеть такое чудо на других мирах. Некогда он и сам его видел, а потом повелел, чтобы так было и на Арракисе, но воспоминания о дожде словно принадлежали другому человеку. Да, дождь, так это зовется. На миг ему вспомнился ливень под небом его родного мира, заряженные электричеством серые густые тучи в небе Каладана, крупные капли, растекающиеся на окнах. Ручейки, бегущие вниз с карнизов. Ливневая канализация сбрасывала воду в мутную реку, бурлившую возле садов Семьи, деревья в них блестели влажной корою.

Ногой Пауль зацепил невысокий песчаный нанос... – словно к пятнам его детских сапог на миг налипла влажная глина. А потом он вновь оказался в песках, в пыльной, продутой всеми ветрами мгле. И будущее грозно нависало над ним. И вечная сушь теперь казалась ему обвинением. *Это ты виноват!* Люди стали невозмутимыми наблюдателями, следят вокруг сухими глазами и рассказывают друг другу. А все свои проблемы решают силой... только силой... и еще более превосходящей силой, ненавидя каждый эрг ее.

Под ногами оказались грубые плиты. Он помнил их по видению. Справа темный прямоугольник двери... черный на темной стене. Дом Отхейма, дом Судьбы... отличавшийся от соседних лишь ролью, которую выбрало для него Время. Неожиданное место, слишком обыкновенное, чтобы оказаться увековеченным в анналах истории.

На стук дверь отворилась. Стал виден освещенный тусклым зеленым светом атриум. Из приотворенной двери выглянул карлик с лицом древнего старца на теле ребенка. Прежде подобного наваждения он не видел.

– Значит, вы пришли, – проговорило наваждение. Карлик без всякого трепета шагнул в сторону, расплывшись в злорадной улыбке. – Входите, входите!

Пауль колебался. В его видении не было карлика, но прочее совпадало до мельчайших подробностей. Подобные редкие несоответствия не меняли видений. Однако отличие порожило надежду. Он оглянулся на молочный диск луны, жемчужиной повисший над дальними скалами. Луна томила его. Как же она упала?

– Входите же, – настаивал карлик.

Пауль вошел, дверь с глухим стуком легла на уплотнения за его спиной. Карлик прошел вперед, чтобы показать путь. Шлепая огромными ступнями по полу, он отворил изящную резную дверцу в крытый дворик.

– Они ждут вас, сир.

Сир, думал Пауль. Значит, он знает меня.

Но прежде чем Пауль смог обдумать свое открытие, карлик исчез в боковом проходе. Надежда дервишем кружилась в голове Пауля. Он шел через дворик. В помещении было сумрачно и тоскливо, в нем чувствовалось поражение и болезнь. Атмосфера этого дома угнетала его. Или он должен избрать поражение в качестве меньшего зла? И как далеко он успел зайти по этому пути?

Сквозь узкую дверь в дальней стене пробивался свет. Пауль, стараясь не обращать внимания на давящий вкус воздуха, на ощущение внимательного чужого взгляда, перешагнул порог. Маленькая комната, голая по фрименским меркам – драпировки покрывали лишь две стены. Напротив двери, под самым красивым гобеленом, на карминно-красных подушках сидел какой-то человек; за проемом в левой, голой, стене царил сумрак – там, среди теней, смутно виднелся женский силуэт.

Пауль ощутил, что запутывается в сетях видений. Так оно должно было быть... но откуда взялся карлик? В чем разница?..

Он использовал все свои чувства, в едином гештальте вбирая в себя комнату. Да, обстановка бедная – но видно было, что хозяева из всех сил пытаются поддерживать достойный вид комнаты. Карнизы и крюки на оголенных стенах показывали, что и тут прежде висели драпировки; Пауль напомнил себе, что паломники платили невероятные суммы за подлинные фрименские изделия. Те из них, что побогаче, считали изготовленные в Пустыне гобелены настоящим сокровищем – лучшим отличием совершившего хадж пилигрима.

Свежая алебастровая побелка оголенных стен, казалось, бросает Паулю обвинение. Гобелены на других двух стенах, протертые до основы, лишь усиливали чувство вины.

Справа от входа на стене висела узкая полка, занятая целым рядом портретов. Большинство из них изображали бородатых фрименов, некоторые из которых были в дистикомбах с болтающимися катетерными трубками, а на других портретах имперские мундиры сверкали на фоне экзотических пейзажей иных миров. Чаще всего пейзажи были морскими.

Фримен, восседавший на подушках, откашлялся, привлекая внимание Пауля. Это был Отхейм, точно такой, как в видении – исхудавшая птичья шея, которая, казалось, едва выдерживает тяжесть массивной головы. Изуродованное лицо – вся левая сторона под слезящимся глазом состоит из пересекающихся шрамов, хотя справа кожа не повреждена, а синий-на-синем фрименский глаз смотрит прямо и зорко. Неповрежденную половину лица отделял от изуродованной длинный крючковатый нос.

Подушка, на которой сидел Отхейм, лежала в центре вытертого ковра – тот казался бурым, но был сплетен из темно-бордовых и золотистых нитей. Потертые ткани подушки кое-где подштопаны, но все металлические предметы в комнате начищены до блеска – и рамки портретов, и окантовка полки, и подножие низкого стола.

Кивнув живой половине лица Отхейма, Пауль заговорил:

– Счастья тебе и твоему обиталищу, – так приветствовали друг друга друзья, люди одного сиегча.

– Значит, я снова вижу тебя, Усул, – произнес племенное имя дрожащий старческий голос. Тусклый глаз на изуродованной половине лица задвигался над пергаментной, изборожденной шрамами кожей. Эта сторона лица была покрыта седой щетиной, вниз свисали редкие пряди волос. Рот Отхейма раскрылся, блеснули зубы из серебристого металла.

– Муад’Диб всегда отвечает на зов своих федайкинов, – отвечал Пауль.

Женщина возле двери шевельнулась:

– Так болтает Стилгар.

Она вышла на свет, копия Лихны, изображенной лицеделом, только постарше. Пауль припомнил, что жены Отхейма были сестрами. Волосы ее поседели, нос заострился, словно у ведьмы. Пальцы ее были покрыты мозолями от прядения. В былые времена фрименки гордились ими, но, заметив его взгляд, она спрятала руки в складках бледно-синего платья.

Пауль вспомнил ее имя – Дхури. Но, к ужасу своему, он помнил ее ребенком, не такой она была в видении. Во всем виноват ее голос, попробовал убедить себя Пауль. Было в нем что-то детское.

– Видишь, я здесь, – ответил Пауль. – Разве мог бы я прийти сюда без согласия Стилгара? – Он обернулся к Отхейму. – На мне долг воды, Отхейм. Распоряжайся мною.

Так и принято было разговаривать в сиегче со своими.

Отхейм кивнул трясущейся головой, слишком тяжелой для тонкой шеи. Приподняв покрытую пятнами левую руку, он указал на изуродованное лицо.

– Пузырчатку я поймал на Тарах елле, Усул, – проскрипел он. – Сразу же после нашей победы. – И зашелся в припадке кашля.

– Скоро племя заберет его воду, – вздохнула Дхури. Она подошла к Отхейму, заложила за его спину подушки, поддержала за плечо, пока не прошел приступ. Пауль заметил, что она не так стара, как показалось ему вначале: потерянные надежды кривили рот ее, горечь залегала в глазах.

– Я пришлю докторов, – проговорил Пауль.

Дхури обернулась, оперевшись рукой в бедро.

– Были у нас всякие врачи, не хуже, чем те, которых ты можешь прислать. – Она выразительно поглядела на голую стенку слева от себя.

Дорогие врачи, подумал Пауль.

Он чувствовал, что, словно водоворот, видение поглотило его, но заметил и некоторые различия. Как воспользоваться ими? Время вышло на канве немного иные узоры, но фон ковра был прискорбно знакомым. И с ужасающей уверенностью ощутил он, что любая попытка вырваться из настоящего приведет к еще более жестокому насилию. Мощь обманчиво неторопливого тока времени угнетала его.

– Говори, чего ты хочешь от меня, – пробормотал он.

– А если Отхейм нуждается просто в том, чтобы рядом с ним сейчас был друг? – спросила Дхури. – Разве федайкин может доверить свою плоть незнакомцам?

Мы были своими в сиегче Табр, напомнил себе Пауль, и она имеет право укорять меня за явную черствость.

– Я сделаю все, что могу, – проговорил Пауль.

Новый приступ кашля сотряс тело Отхейма. Когда он окончился, фримен выдохнул:

– Предательство, Усул! Фримены замышляют против тебя. – Он безмолвно пожевал губами. Струйка слюны вытекла из уголка рта.

Дхури утерла ему рот краем платья, Пауль видел негодование на ее лице – такая трата влаги.

Разочарование и гнев охватили вдруг Пауля. *Чтобы Отхейма ждала такая судьба! Федайкины заслуживают лучшего.* Но выбора не оставалось ни для смертника, ни для его Императора. В этой комнате они шли по лезвию бритвы Оккама. Легкий неверный шагок сулил кошмары, и ждущие не только их самих, но все человечество. Даже для тех, кто замыслил погубить их.

Заставив себя успокоиться, Пауль поглядел на Дхури. Выражение бесконечной тоски, с которой она смотрела на Отхейма, придало сил Паулю. *Чани никогда не будет смотреть на меня такими глазами*, сказал он себе.

– Лихна говорила о вести, – промолвил Пауль.

– Мой карлик, – проскрипел Отхейм. – Я купил его... на... на... забыл где. Это человек-дистранс. Игрушка, брошенная тлейлаксу. В нем имена... всех предателей.

Отхейм умолк, сотрясаясь всем телом.

– Ты говоришь о Лихне, – произнесла Дхури, – когда ты появился, мы поняли, что она добралась благополучно. Если ты думаешь об этом грузе, который Отхейм вручает тебе, его цена – безопасность Лихны. Бери карлика, Усул, и ступай.

подавив дрожь, Пауль закрыл глаза. Лихна! Настоящая дочь ее погибла в Пустыне, тело, подточенное семутой, отдано песку и ветру.

Открыв глаза, Пауль сказал:

– Ты бы мог прийти ко мне в любой момент, чтобы...

– Отхейм держался в сторонке, чтобы его не причислили к тем, кто ненавидит тебя, Усул. В южном конце улицы находится дом, где собираются твои враги. Поэтому и мы перебрались сюда.

– Тогда зови карлика и уходим, – отвечал Пауль.

– Ты плохо слушал, – заметила Дхури.

– Отведешь карлика в надежное место, – промолвил Отхейм с неожиданной силой в голосе. – В нем единственный список предателей. Никто не заподозрит этого; все думают, что он развлекает меня.

– Мы не уйдем, только ты и карлик. Все знают... как мы бедны. И мы сказали, что продаем карлика. Тебя примут за покупателя. Это единственный шанс.

Пауль помнил, что в видении он оставил дом, узнав имена предателей, но неведомым образом. Значит, карлика укрывал оракул. Должно быть, подумал он, каждый человек помечен судьбой, и цель его жизни определяется всеми наклонностями, всем воспитанием и обучением. С того самого часа, когда джихад избрал его, он чувствовал на себе его ужасающую мощь. Она властно вела его к заранее намеченной цели. И любые помыслы о том, что собственной волей... все, что он мог, – раскачивать изнутри свою клетку! Видит!

Теперь он вслушивался в тишину дома: их было четверо – Дхури, Отхейм, карлик и он сам. Он видел страх и напряженность в своих компаньонах, ощущал наблюдателей – и свою собственную охрану – в топтерах над головой... и этих самых – за соседней дверью.

Я ошибся, надежды нет, думал Пауль. И одно только слово «надежда» вызвало вдруг бурную вспышку этой эмоции... может быть, не поздно поправить...

– Зови карлика, – сказал он.

– Биджас! – позвала Дхури.

– Ты зовешь меня? – карлик шагнул в комнату из дворика, с легкой озабоченностью на лице.

– Биджас, у тебя теперь новый хозяин, – сказала Дхури. Поглядев на Пауля, она произнесла:

– Можешь звать его... Усул.

– Усул – подножие столпа, – перевел Биджас. – Как это Усул может быть подножием, когда это я – под ногами у всех и, стало быть, нету никого подножнее меня?

– Он всегда так разговаривает, – извинился Отхейм.

– Я не говорю, – отозвался Биджас, – я использую речевую машину. Пусть она скрипит и стонет, но все-таки она моя.

Игрушка, сработанная тлейлаксу, думал Пауль, *ученая и бойкая бестия. Бене Тлейлаксу не бросаются подобными ценностями*. Он повернулся и внимательно поглядел на карлика. Круглые глаза, синие, как у фримена, безмятежно встретили его взгляд.

– Ну, Биджас, какими же еще талантами ты обладаешь? – спросил Пауль.

– Я знаю, когда наступает пора уходить, – отвечал тот. – Таким даром обладают немногие из мужей. Есть время оканчивать... когда доброе начало положено. Пора начинать уходить, Усул.

Пауль вновь обратился к воспоминанию: карлика в видении не было, но слова вполне соответствовали ситуации.

– У двери ты назвал меня «сир», – ответил Пауль, – значит, ты знаешь, кто я?

– Сир, вы же сир с головы до пят, – ухмыляясь, отвечал Биджас, – и сиром являетесь в большей степени, чем основанием столпа – усулом. Вы – Император. Пауль Муад'Диб Атрей-дес. И одновременно мой собственный палец. – Он поднял указательный палец на правой руке.

– Биджас! – осадила его Дхури. – Не искушай судьбу.

– Какую судьбу? Свой только палец, – визгливо возразил Биджас. Он показал на Усула. – Я указываю пальцем на Усула. Разве мой палец не совмещается с ним? Или же он отражает

нечто более фундаментальное? – Он поднес палец к глазам, насмешливо повертел им, потом произнес: – Ах-хх, вы правы, это всего только палец.

– Он любит пустую трескотню, – озабоченным тоном проговорила Дхури. – Потому-то его тлейлаксу и бросили.

– Я не нуждаюсь в покровительстве, – возразил Биджас, – но тем не менее у меня новый покровитель. Загадочны деяния пальца... – Странно яркими глазами он поглядел на Дхури и Отхейма. – Слаба связь между нами, Отхейм. Пара слезинок – и в путь. – Огромные ступни карлика шаркнули об пол, он повернулся к Императору:

– Ах-хх, патрон! Как долго мне пришлось искать вас!

Пауль кивнул.

– Усул будет добр ко мне? – спросил Биджас. – Вы ведь знаете – я личность. Личности могут обладать разной величиной... и обличем. И это – одно из обличий. Я слаб телом, но могуч речью; меня легко прокормить и трудно насытить. Опустошайте меня, но внутри все равно останется больше, чем вложили люди.

– У нас нет времени на твои дурацкие загадки, – буркнула Дхури. – Вам следовало бы уже идти.

– Я просто наспигован загадками, – ответил Биджас. – И не все дурацкие. Если пора уходить – значит, следует уйти. Так, Усул? Дхури говорит правду, и мои способности позволяют мне слышать это.

– Так ты чувствуешь правду? – спросил Пауль, решив в точности выдержать время, отмеренное видением. Все лучше, чем вносить возмущения, этим усугубляя последствия. Отхейм должен еще сказать кое-что, иначе время потечет еще более ужасающим путем.

– Я чувствую *настоящее*, – отвечал Биджас.

Пауль заметил, что карлик нервничает. Неужели человек представляет себе, что случится? Или же Биджас – сам себе оракул?

– Ты спросила о Лихне? – внезапно проговорил Отхейм, поглядев на Дхури единственным здоровым оком.

– Лихна в безопасности, – отвечала Дхури.

Пауль опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. *В безопасности!.. Испепеленные останки, погребенные в тайной могиле.*

– Хорошо, – проговорил Отхейм, принимая жест Пауля за знак согласия. – Хоть что-то доброе посреди всего зла. Усул, мне не нравится мир, который мы создаем, ты это знаешь? Лучше было оставаться в Пустыне и враждовать с одними Харконненами.

– Тонкая грань отделяет порой врага от друга, – заметил Биджас. – Там, где кончается эта грань, нет ни конца, ни начала. Все, заканчиваем, друзья мои. – Он подошел к Паулю, переваливаясь с ноги на ногу.

– Что же это такое – чувствовать настоящее? – тянул время Пауль, заставляя карлика нервничать.

– Настоящее! – трепеща, проговорил Биджас. – Настоящее! Настоящее! – он потянул Пауля за рукав. – По-настоящему – нам пора уходить! Вот настоящее!

– Ах ты, погремушка, пустой болтун, – проговорил Отхейм, здоровым глазом не без симпатии глядя на Биджаса.

– Сигнал к отправлению может подать даже погремушка, – отвечал Биджас. – Слезы тоже. Давайте же отправляться, пока на это еще есть время, пока есть еще время для начала!

– Биджас, чего ты боишься? – спросил Пауль.

– Я чувствую, как ищет меня дух, – пробормотал Биджас. Пот выступил на его лбу, щека дергалась. – Я боюсь того, кто не думает, у кого нет тела, кроме моего, и оно укрывается в самом себе. Я боюсь того, что вижу, и того, чего не вижу.

Карлик провидит будущее, думал Пауль. Значит, и Биджасу открыта судьба оракула. Но разделит ли карлик участь оракула? И насколько велик его дар? А не мог ли он увидеть тех, кто затеял Таро Дюны? Или кого-то еще более великого? Сколь многое открылось ему?

– Идите-ка лучше, – проговорила Дхури, – Биджас прав.

– Каждая минута, которую мы теряем здесь, – отвечал Биджас, – продлевает... продлевает настоящее!

Каждая минута, которую я теряю здесь, отодвигает мою вину, думал Пауль. Ядовитое дыхание червя, клубы пыли, в которых блестели зубы, уже охватило его. Это было давно, но он словно обонял этот запах. Он просто ощущал, как ждал его червь – «могила Пустыни».

– Непокойные времена, – проговорил он, ища отклика у Отхейма.

– Фрименам ведомо, что делать во времена тревог.

Отхейм нервно кивнул.

Пауль смотрел на Дхури. Ждал он не благодарности, она только усугубила бы его груз, но горький взгляд Отхейма и острая жалость в глазах Дхури лишили его решимости. Разве мало *такой* цены?

– Дальнейшая задержка бессмысленна, – проговорила Дхури.

– Усул, что должен делать, делай, – прокрипел Отхейм.

Пауль вздохнул. Слова эти завершали видение.

– Я рассчитаюсь, – ответил он, чтобы все закончилось как положено. Повернулся и вышел из комнаты, Биджас шлепал сзади.

– Прошлое, прошлое... – бормотал на ходу карлик. – Пусть прошлое останется в прошлом и погибнет, где суждено. Грязный был день.

* * *

Необходимо скрывать от себя насилие, замышляемое нами относительно других людей. Лишить человека жизни или одного только часа из нее – разница только в количестве. Ты подвергаешь насилию, значит, расходуешь его энергию. Свои коварные намерения можно скрыть изощренными эвфемизмами, но любое применение силы основывается на одном и том же положении: «я потребляю твою энергию».

(Приложение к Приказу Совета. Император Пауль Муад'Диб)

Первая луна уже высоко поднялась над городом, когда Пауль, окруженный мерцанием щита, вышел из тупика. Ветер сдувал со скал песок, гнал пыль по узкой улочке, Биджас моргал и прикрывал глаза.

– Надо спешить, – бормотал карлик. – Спешить! Спешить!

– Ты предчувствуешь беду? – спросил Пауль.

– Я знаю.

Пауль вдруг почувствовал близкую опасность, и одновременно из двери ближайшего дома появился человек и присоединился к ним.

Биджас съежился и заверещал.

Но это был не кто иной, как Стилгар, он шагал, словно военная машина, наклонив вперед голову.

Пауль торопливо объяснил, какую ценность представляет собой карлик, передал Биджаса Стилгару. И сразу события словно заторопились. Стилгар, как было в видении, понесся вперед, увлекая Биджаса, агенты безопасности обступили Пауля. Повинуясь приказам, к следующему за принадлежащим Отхейму дому заспешили его люди. Тени скользили по стенам.

Лишние жертвы, думал Пауль.

– Пленники нужны нам живыми, – прошепел один из офицеров охраны.

Слова эти он уже слышал: видение и реальность совпадали с точностью до доли секунды. Орнитоптеры опускались вниз, по одному пересекая диск луны.

Тьма над городом и на улицах его кишела солдатами Империи.

Прочие звуки вдруг растаяли в негромком шипении, звук превратился в рев, сопровождаемый свистом, и терракотный свет ударил в звездное небо, затмевая луну.

И звуки эти, и свет Пауль помнил по первым своим кошмарам и сразу ощутил странное чувство – *исполнилось*. Все шло своим чередом.

– Камнежог! – завопил кто-то.

– Камнежог! – послышалось со всех сторон. – Камнежог!.. камнежог!..

Зная, что должен сделать это, Пауль прикрыл лицо рукою, нырнул за выступ стены. Слишком поздно, конечно.

Там, где только что был дом Отхейма, высился столб огня, слепящая струя пламени возносилась к небесам. В грязном свете его, превращающем весь мир вокруг в жуткий барельеф, метались и улепетывали людские фигуры, судорожно хлопая крыльями, разлетались орнитоптеры.

И все вокруг понимали: уже слишком поздно.

Почва под ногами Пауля раскалялась. Топот вокруг стих – больше никто не пытался бежать, все попадали на землю – и каждый понимал, что бежать некуда. Все уже свершилось. Остается лишь дожидаться, пока камнежог выгорит до конца. От излучения не убежать, оно уже проникло в их плоть и последствия вот-вот проявятся. Что еще может натворить это оружие, знали только те, кто применил его, решившись нарушить Великую Конвенцию.

– Боги... Камнежог... – лепетал кто-то неподалеку. – Я... не... хочу... быть... слепым.

– А кто хочет? – откликнулся хриплый голос поодаль.

– Тлейлаксу продадут много глаз, – буркнул кто-то неподалеку от Пауля. – А теперь – заткнись и жди!

Все ждали.

Пауль молчал, размышляя о том, что может натворить это оружие. Если атомного топлива окажется слишком много, оно может проплавить кору планеты. Магматический слой на Дюне залегал достаточно глубоко, но это лишь увеличивало опасность. Вырываясь на волю, расплавленные породы могли расколоть даже планету, оставив на ее месте в пространстве облако мертвых камней и клочья безжизненной плоти.

– Похоже, притихает, – заметил кто-то.

– Просто зарывается глубже, – объяснил Пауль, – лежите. Стилгар пришлет помощь.

– Стилгар ушел?

– Ушел.

– Земля жжется, – пожаловался кто-то.

– Они посмели применить ядерное оружие! – возмущался кто-то неподалеку.

– Звук затихает, – сказал кто-то.

Не обращая внимания на слова, Пауль кончиками пальцев ощущал землю. Он ощущал раскатыстый рокот... звук уходил глубже... глубже.

– Глаза! – завопил кто-то. – Ничего не вижу!

Этот был ближе, чем я, подумал Пауль. Он поднял голову – конец тупика был еще виден. Правда, словно сквозь туман. Только изжелта-красное пятно светилось на том месте, где были дома Отхейма и его соседа. Темные стены окружающих домов по одной рушились в раскаленную яму.

Пауль поднялся на ноги. Он почувствовал, что камнежог угас, под ногами воцарилась тишина. Тело его стало влажным, дистикомб скользил по коже – он не мог поглотить сразу столько влаги. Воздух отдавал жаром и серой.

Пауль как раз оглядывал поднимавшихся на ноги солдат, когда дымка разом превратилась во мглу. Призвав на помощь память о видениях, он повернулся и пошел – по единственной дороге, оставленной ему Временем. Он вошел в видение так плотно, что оно уже не могло ускользнуть. Он почувствовал, что знает это место, помнит его по многим прошлым видениям. Действительность слилась с пророчеством.

Вокруг ругались и стонали солдаты, ощущая пришедшую слепоту.

– Держитесь! – выкрикнул Пауль. – Помощь вот-вот придет!

Жалобы не умолкали, и он добавил:

– Это говорит Муад'Диб! Я приказываю всем держаться! Помощь уже на подходе!

Наступило молчание.

А потом ближайший из охранников, как это и было в видении, проговорил:

– Неужели здесь сам Император? Кто-нибудь видит его? А?

– У всех нас больше нет глаз, – отвечал Пауль. – Мои глаза они тоже забрали, как и ваши. Взяли глаза, но не зрение. Я вижу вас всех. Как вы теснитесь возле грязной стены, как держитесь за нее. Мужайтесь. Стилгар возвращается вместе с друзьями.

«Твок-твок» – слышались взмахи крыльев приближающихся орнитоптеров. Раздались торопливые шаги многих ног. Пауль глядел на спешащих друзей, соизмеряя звуки с видением.

– Стилгар, – крикнул Пауль, махнув рукой. – Сюда!

– Благодарение Шай-Хулуду, – отозвался Стилгар, подбегая к Паулю. – Ты не... – В наступившем безмолвии лишь пророческое зрение позволяло Паулю следить за Стилгаром, за той мукой, с которой он глядел на изувеченные глазницы друга и Императора. – О, мой господин, – простонал Стилгар. – Усул... Усул... Усул...

– Что камнежог? – выкрикнул один из новоприбывших.

– Выгорел, – отвечал Пауль погромче. Он показал рукой. – Бегите туда. Спасайте всех, кто уцелел там... поближе. Живее! – Он вновь повернулся к Стилгару.

– Неужели вы *видите*, мой господин? – изумленным тоном проговорил Стилгар. – Неужели это возможно?

Вместо ответа Пауль провел пальцем по щеке Стилгара и, ощутив слезу, проговорил:

– Не время, дружище, тратить на меня влагу. Я еще жив.

– Но глаза!

– Они смогли ослепить только мое тело, но не *меня*, – отвечал Пауль. – Ах, Стил, я словно очутился в апокалиптическом сне. И все мои действия так отвечают ему, что вот-вот мне станет скучно жить – все будущее я знаю уже наперед.

– Усул, я не... я не...

– И не пытайся понять. Просто прими. Я – не здесь, я – в каком-то мире неподалеку от нашего. Он похож на наш как две капли воды. Мне даже не нужно проводника. Я вижу все вокруг. Каждое движение, выражение на твоём лице... Пусть у меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар резко качнул головой.

– Сир, следует скрыть вашу рану от...

– Мы не будем скрывать ничего, – отвечал Пауль.

– Но закон...

– Стил, мы живем по кодексу Атрейдесов. Пусть закон фрименов гласит: *слепой да остается в Пустыне*, но он применим только к *слепым*. А я не слеп. Вся моя жизнь – арена борьбы между злом и добром. Мы с вами живем в поворотной точке истории, и у каждого своя роль.

В наступившем молчании Пауль услышал слова раненого, которого вели мимо.

– Ужасно, – стонал он. – Огонь, буря огня...

– Никого из них не отведут в Пустыню, – произнес Пауль. – Слышишь меня, Стил?!

– Слышу, милорд.

– Купите всем новые глаза за мой счет.

– Будет исполнено, милорд.

Уловив трепет в голосе Стилгара, Пауль произнес:

– Я буду на командном топтере. Распоряжайся здесь.

– Да, милорд.

Пауль обошел Стилгара и направился по улице. Видение подсказывало ему все: все детали, каждую неровность почвы, каждое лицо. На ходу он отдавал распоряжения, обращался к людям из своего окружения, называл их по именам, подзывал к себе тех, кто имел отношение к сокровеннейшим сторонам деятельности правительства. И он чувствовал, как трепет охватывает всех за его спиной, слышал их испуганные перешептывания:

– Его глаза!

– Но он же видел, называл по имени!

Оказавшись в командном топтере, Пауль выключил личный щит, потянулся к микрофону, выхватил его из руки ошеломленного связиста, торопливо один за другим отдал несколько приказов, вложил микрофон обратно в руку офицера. Обернувшись, Пауль подозвал к себе специалиста по оружию, энергичного и блестящего, принадлежавшего к новой уже породе фрименов, лишь смутно припоминавших жизнь в сиегках.

– Они воспользовались камнежом, – проговорил Пауль.

После мгновенной паузы молодой человек откликнулся:

– Мне уже сообщили об этом, сир.

– Конечно. Ты понимаешь, что это значит?

– Безусловно, он был снаряжен атомным зарядом.

Пауль кивнул и представил себе, как мечется сейчас разум молодого человека. Атомное оружие запрещено Великой Конвенцией. Когда обнаружат покушавшегося, его ждет возмездие объединенных сил всех Великих Домов. Сразу забудутся прежние раздоры, перед лицом новой опасности и древних страхов они потеряют всякое значение.

– Камнежог нельзя изготовить, не оставив следов, – проговорил Пауль, – подбери необходимые приборы и отыщи место, где он был сделан.

– Немедленно, сир, – бросив на Пауля последний испуганный взгляд, офицер заторопился выполнять его приказание.

– Мой господин, – обратился к Императору откуда-то из-за спины его связист, – ваши глаза...

Пауль обернулся, потянулся в глубину кабины, нащупав рукоятку, перестроил командный передатчик на свою частоту.

– Вызовите Чани, – приказал Пауль. – Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду у нее.

Собирают силы, подумал Пауль, подмечая страх в запахе пота, наполнявшем кабину.

Он покинул тебя, Алиа,
Покинул лоно небес.
Свят, свят, свят!
Огненные пески
Перед тобой, Господин наш,
Ты, который видит
Без глаз.
Демон думал оборотъ его!
Святой! Трижды Святой!
Выбрал он муки!

(«Луна падает». «Песни Муад'Диб»))

После семи дней лихорадочной суеты Цитадель охватило неестественное спокойствие. Было утро, повсюду сновали люди, но они перешептывались, склоняясь друг к другу, и ходили буквально на цыпочках. Топот сменившегося караула нарушил тишину, но, встретив осуждающие взгляды, вошедшие притихли, подобно прочим.

Вокруг слышались разговоры о камнежоге:

– А он говорил, что огонь был сине-зеленого цвета и пах адом.

– Дурак твой Элпа! Он сказал, что скорее покончит с собой, чем воспользуется глазами тлейлаксу.

– Не нравится мне все, что говорят об этих глазах.

– Муад'Диб прошел мимо меня и окликнул по имени.

– Как он видит, не имея глаз?

– Люди покидают нас, вы слышали? Повсюду страх. Наибы сказали, что собираются в сиетче Макаб на Великий Совет.

– Что они сделали с Панегиристом?

– Я видел, как его вели в палату, где заседают наибы. Представляете себе, Корба под арестом!

Чани поднялась в этот день рано, ее смутила тишина в Цитадели. Проснувшись, она обнаружила, что Пауль сидит возле нее, пустые глазницы его обращены были к дальней стене их спальни. Всё, пораженное избирательным воздействием камнежога, все омертвевшие глазные ткани были удалены. Впрыскивания и мазь позволили сохранить плоть вокруг глазниц, но ей казалось, что излучение проникло глубже.

Едва она села на постели, накатила волчий голод. Чани набросилась на пищу, которую теперь ставила на ночь возле кровати – меланжевый хлеб с жирным сыром.

Пауль указал на пищу:

– Любимая, поверь, способа избавить тебя от всего этого просто не существовало.

Чани подавила невольную дрожь, когда его пустые глазницы обратились прямо к ней. Она решила не задавать больше вопросов. Он говорил так странно: *Я был крещен песком – это стоило мне умения верить. Кто теперь предлагает веру? Кому нужен такой товар?*

Что он хотел сказать этим?

Он не желал даже слышать о глазах тлейлаксу, хотя щедрой рукой приобретал их для всех, разделивших его участь.

Утолив голод, Чани выскользнула из постели, посмотрела на Пауля, заметила, как он устал. Около рта залегли строгие складки. Темные волосы стояли дыбом, взъерошенные во сне, который не исцелял. Он казался таким хищным, таким далеким. Они засыпали и просыпались рядом – но это ничего не меняло. Она заставила себя обернуться, шепнула:

– Любимый... любимый...

Он потянулся вперед, притянул ее назад в постель и поцеловал в щеку.

– Скоро мы вернемся в родную Пустыню, – прошептал он, – осталось сделать лишь кое-какие мелочи.

Она затрепетала, – так непреклонны были его слова.

Прижимая ее к себе, он бормотал:

– Не бойся меня, сихайя моя. Не надо думать о тайнах, думай о любви. В ней нет тайн. Жизнь рождает любовь. Разве ты не чувствуешь этого?

– Да.

Она приложила ладонь к его груди, принялась подсчитывать сердцебиения. Любовь его взывала к ее духу, сердцу дикой фрименки, буйной и бурной дикарки. Магнетизм слов обволакивал ее.

– Я могу обещать кое-что, любимая, – сказал он. – Наше дитя будет править колоссальной империей, перед которой моя покажется ничтожной. И будет в ней такая жизнь... и искусство, и возвышенные...

– Но мы с тобой здесь и сейчас! – запротестовала она, подавив сухой всхлип: – И я... мне кажется, что нам с тобой осталось совсем мало времени.

– Любимая, впереди вечность.

– Это у тебя может быть вечность. А у меня есть только сейчас.

– Это и есть вечность, – он погладил ее лоб.

Она прижалась к нему, приникла губами к шее. Прикосновение заставило шевельнуться новую жизнь в ее чреве.

Пауль тоже ощутил это движение. Положив руку на живот Чани, он проговорил:

– Ах-хх, юный повелитель Вселенной, подожди своего часа. Пока еще мое время.

Она снова удивилась: почему он всегда говорит о единственном ребенке? Разве медики не сказали ему? Она попыталась припомнить... интересно, об этом они никогда не говорили. Конечно же, он и сам должен знать, что у нее будут близнецы. Она вновь не решалась сказать об этом. Он и так должен знать. Он ведь все знает. Все знает о ней... Руками... ртом... всем телом.

Наконец Чани проговорила:

– Да, милый. Сегодня и есть вечность, и нет ничего, кроме нее. – Чани плотнее зажмурила глаза, чтобы только не видеть его пустых глазниц, чтобы не низвергнуться из рая прямо в ад. Какова бы ни была рихани-магия, которой он выверял их жизнь, плоть его оставалась истинной и ласки реальными.

Когда они встали и принялись одеваться, она проговорила:

– Если бы только люди знали о твоей любви!

Но его настроение уже переменялось.

– Политика не делается на любви, людей не интересует любовь. В ней столько хаоса. Людям нравится деспотизм. Избыток свободы порождает хаос. Зачем он людям? Другое дело – заставить деспотизм казаться привлекательным.

– Но ты же не деспот! – возразила она, повязывая на голову нежони. – Просто твои законы справедливы.

– А, законы... – бросил он. – И подошел к окну, отодвинул шторы, словно мог выглянуть из окна. – Что есть закон? Контроль? Закон просеивает хаос, и что же остается? Ясность? Закон – высший идеал, основа нашей природы. Но не надо слишком внимательно приглядываться к нему. Попробуй только, – сразу отыщешь рационализированные интерпретации, казуистику законников, удобные прецеденты... ясность, другое имя которой – смерть.

Чани крепко сжала губы. Она не могла отрицать ни мудрости мужа, ни проницательности, однако подобные настроения пугали ее. Он обратился в глубь себя, и Чани чуяла битвы в его сердце. Словно бы обратившись к фирменскому изречению: *«никогда не забудем, никогда не простим»*, он сек и сек себя жестокими словами.

Она подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Дневная жара уже гнала прохладу, принесенную северным ветром. На этих широтах ветер расписывал небо охрой, смело покрывал хрустальные листы неба золотыми и пурпурными мазками. Высоко над головой холодные порывы океанскими волнами разбивались о Барьерную Стену, взметая фонтаны пыли.

Пауль чувствовал возле себя теплое тело Чани. На миг он позволил себе забыть видение. Он мог просто стоять, зажмурив глаза. Но время не хотело остановиться. И впереди была тьма – без слез и без звезд. Лишившись зрения, он потерял ощущение материальности Вселенной, и наконец, оставалось лишь изумление – как это звуки могут вместить в себя всю его жизнь? Все вокруг воплощалось в одни только звуки, к которым добавлялись немногие ощущения... ворсистый ковер под рукой, мягкая кожа Чани. Он поймал себя на том, что вслушивается в ее дыхание.

Разве можно быть уверенным в том, что всего лишь вероятно, думал он. Разум запоминает возможности, и каждому мигу бытия отвечает столько вероятностей, которым не суждено воплотиться. И его невидимая суть не только помнила все несбывшееся былое. Тяжесть прошлого в любой момент была готова поглотить его.

Чани прижалась к его руке.

Прикосновение ее тела вдруг оживило его собственную плоть – мертвое тело, увлекаемое водоворотами времени. Он истекал памятью... ведь перед его пророческим зрением прошла целая вечность. Видеть вечность... ее прихоти и причуды, и безграничность. Лживое бессмертие пророка несло возмездие: грядущее и прошлое сливались для него воедино.

И вновь из черной пропасти восстало видение и охватило Пауля.

Оно было его глазами. Оно двигало его мышцы и вело непреклонной рукой к следующему моменту, к следующему часу, к следующему дню... пока наконец ему не начало казаться, что он пленник мгновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.